

Филологический факультет СПбГУ
Институт лингвистических исследований РАН

Международная научная конференция
«Русский глагол»
(к 50-летию выхода в свет книги
А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина)

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
15–17 ноября 2017 г.

Санкт-Петербург
«Нестор-История»
2017

УДК 81'36
ББК 81.411.2-2
М43

Международная научная конференция «Русский глагол» (к 50-летию выхода в свет книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина): Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2017 г.). СПб.: Нестор-История, 2017. — 188 с.

В книге представлены тезисы докладов конференции, посвященной русскому (славянскому) глаголу. Исходной темой для обсуждения стал текст книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина «Русский глагол», вышедшей в свет 50 лет назад. Тематика докладов конференции оказывается шире содержания книги и включает также проблемы усвоения глаголов детьми и билингвами, особенности глагольного словообразования, их лексикографическое описание, их роль в предложениях и конструкциях, их количественные характеристики в потоке речи. Книга будет интересна русистам, славистам, типологам и широкому кругу лингвистов, интересующихся морфологией, синтаксисом и функциональной грамматикой.

Редакционная коллегия:

Ю. П. Князев (председатель), А. Барентсен, С. И. Богданов, М. Д. Воейкова,
М. Я. Дымарский, Н. В. Зорихина-Нильссон, В. В. Казаковская,
Н. Н. Казанский, Т. В. Миллиареси, Е. В. Петрухина, В. А. Плунгян,
Т. В. Рождественская, С. С. Сай, Д. Н. Сатюкова (секретарь), Х. Томмола,
А. Ю. Урманчиева

Организация конференции и издание данного сборника осуществляются за счет гранта РГНФ «Международная научная конференция “Русский глагол” (к 50-летию выхода в свет книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина)», номер 17-04-14077г

© Коллектив авторов, 2017.

© ИЛИ РАН, 2017.

© Фил. фак-т СПбГУ, 2017.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КОНФЕРЕНЦИИ

Эта конференция посвящена 50-летию публикации книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина «Русский глагол». Эта небольшая книга (в ней всего 192 страницы) сыграла очень большую роль в развитии русистики. С одной стороны, в разделах, написанных А. В. Бондарко («Глагольный вид и способы действия», «Категория времени», «Категория наклонения», «Категория лица»), была впервые последовательно реализована идея функционально-семантических категорий (полей), понимаемых как системы разноуровневых (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных — лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, объединенных на основе общности и взаимодействия их функций. С другой стороны, в книге «Русский глагол» основное внимание уделялось описанию ядерных компонентов этих полей, что сделало ее классическим образцом теоретически нейтрального грамматического описания.

Дальнейшее развитие эти идеи получили в шеститомной коллективной монографии «Теория функциональной грамматики» (1987–1996), в создании которой принимали участие десятки отечественных и зарубежных исследователей. Ее продолжением на современном этапе можно считать начатую Отделом теории грамматики Института лингвистических исследований РАН в 2000 году серию коллективных монографий «Проблемы функциональной грамматики». Очередной том этой серии «Проблемы функциональной грамматики: Предикативные категории в высказывании и целостном тексте» выходит в свет в этом году. Модель функционально-семантических полей и категориальных ситуаций разрабатывалась и в шестнадцати индивидуальных монографиях А. В. Бондарко, последняя из которых «Глагольные категории в системе функциональной грамматики» будет выпущена издательством «Языки славянских культур» к началу этой конференции. В содержании этих новых книг и даже в их названиях прослеживается преемственность по отношению к исходной книге «Русский глагол», которая дала толчок многочисленным исследованиям русской грамматической системы. Мы надеемся, что материалы этой конференции покажут актуальность поставленных полвека назад проблем и послужат развитию функционально-грамматического описания.

Представление о плодотворности рассмотрения языковых единиц разных уровней под единым углом зрения внутренне присуще многим направлениям современной лингвистики, очень несходным в других отношениях. Достаточно упомянуть в этой связи, с одной стороны, исследования А. Вежбицкой, исходной предпосылкой которых является предположение о существовании общего для словаря и грамматики языка «семантических примитивов», а с другой стороны, рост интереса к процессам грамматикализации — зафиксированным в языках мира путям преобразования лексических единиц в грамматические, что предполагает наличие у них общих свойств. Принципы функциональной грамматики оказываются близки и современным теориям языка, основанным на употреблении (*usage-based theories*). С функциональным подходом эти теоретические модели объединяет опора на живой языковой материал, отказ от строгого формализма, характерного для структуралистских описаний, интерес к грамматической синонимии, внимание к узусу и анализ языковых предпочтений говорящих. В наше время стало возможным объективировать описание на основе статистического анализа корпусных данных.

Что же касается раздела «Категория залога», написанного Л. Л. Буланиным, то для него характерна в известном смысле противоположная тенденция — стремление выделить собственно грамматический аспект у тех явлений, которые связывают с категорией залога. В этом разделе были четко сформулированы принципы, ставшие основой современных представлений о соотношении действительного и страдательного залогов (актива и пассива), а именно: лексическое значение у форм залога одинаково; различаются же они прежде всего тем, что в действительном залоге подлежащему соответствует субъект действия, а в страдательном залоге — объект действия. Сейчас для описания подобного рода соотношений широко используется понятие диатезы. Поэтому формы действительного и страдательного залогов рассматриваются Л. Л. Буланиным не сами по себе, а в составе действительных и страдательных оборотов.

Другой особенностью реализованного в этом разделе подхода к категории залога является стремление к последовательному разграничению «пассива действия» (*Дверь только что закрыта*) и «пассива состояния» (*Дверь все еще закрыта*). Наблюдения Л. Л. Буланина над «пассивом состояния» в русском языке (в более поздних публикациях он называл его стативом) стали одним из отправных пунктов исследований по типологии результативных конструкций, проводившихся под руководством В. П. Неделкова.

Поэтому неслучайно, что на протяжении многих лет книга «Русский глагол» А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина была одной из самых цитируемых книг, касающихся данной проблематики. Косвенным подтверждением этого является и тот факт, что эта книга была дважды (в 1972 и 1977 годах) переиздана в Чехословакии (в Пражском Карловом университете), а Чехословакия тогда была одним из основных мировых центров русистики.

Мы хотим выразить глубокую признательность коллегам, откликнувшимся на наше предложение принять участие в этой конференции, несмотря на то, что она проводится в «нетуристический» сезон. Это более 70 ученых из разных городов России, а также из Азербайджана, Германии, Италии, Норвегии, Франции, Чехии, Швеции, Японии и других стран. Мы особенно благодарны членам международного оргкомитета нашей конференции за помощь в отборе и публикации этих тезисов.

Проблематика предложенных выступлений оказалась очень широкой. Многие из них примерно соответствуют отдельным разделам книги «Русский глагол»: это вид и видообразование; время и таксис; лицо, персональность и односоставные глагольные предложения; повелительное наклонение и побудительные высказывания; залог, переходность, возвратность. Вместе с тем круг вопросов, которые обсуждаются в выступлениях участников, выходит далеко за рамки пяти разделов этой книги. К ним относятся: роль глагола в предложении и высказывании; глагол в особых сферах функционирования (ранняя детская речь, устная речь); русский глагол в речи билингвов; данные древнерусского и более поздних этапов формирования русского языка, а также других славянских языков и диалектов; неличные формы глагола (инфинитив, причастия, деепричастия); перфект и плюсквамперфект; отдельные семантические группы глаголов; проблемы, возникающие при лексикографическом описании глагола; глагольное словообразование и особенности образования отдельных глагольных форм; употребление глаголов в конструкциях; количественные показатели глагольных форм и категорий в речи.

Хочется выразить надежду, что данная конференция, с одной стороны, расширит наши представления о русском (и вообще славянском) глаголе, а с другой стороны, даст еще один повод вспомнить об Александре Владимировиче Бондарко и Льве Львовиче Буланине, которые были не только выдающимися учеными, но и замечательными людьми. В книгу тезисов мы включили ранее не публиковавшиеся отрывки воспоминаний, позволяющие лучше

представить себе масштаб личности авторов «Русского глагола». Это расшифрованная аудиозапись беседы А. В. Бондарко с сотрудниками Отдела теории грамматики ИЛИ РАН и воспоминания однокурсников Л. Л. Буланина о его студенческой жизни. Мы надеемся, что эти страницы позволят поддержать память о наших Учителях и добавят новые подробности к тому впечатлению, которое сложится у будущих читателей книги «Русский глагол» о ее авторах.

Ю. П. Князев, М. Д. Воейкова

Воспоминания

РАССКАЗЫ А. В. БОНДАРКО ЗА ЧАЙНЫМ СТОЛОМ

Александр Владимирович Бондарко работал в ЛОИЯ АН СССР (в настоящее время ИЛИ РАН) с 1971 года до самого ухода из жизни. Формально с 1981 по 2005 год (а на самом деле — до последнего своего дня) он возглавлял Отдел теории грамматики, который первоначально включал и позже отделившуюся Лабораторию типологических исследований. Он ценил доброжелательную атмосферу и бережное отношение сотрудников друг к другу, бесконечно уважал мнение ученых предшествующих поколений, любил говорить с молодыми сотрудниками. За это долгое время в отделе сложились бытовые традиции, которые он поддерживал и которыми гордился. Обычно в середине рабочего дня мы собирались в центральной из трех комнат отдела, за большим чайным столом. Все старались по дороге купить что-нибудь к чаю, и Александр Владимирович обязательно заходил в ближайший магазин за каким-нибудь кексом или рулетом. За столом обсуждали текущие дела, иногда касались научных проблем, но в целом вели более неформальные беседы, чем на официальных заседаниях.

Александр Владимирович старался, чтобы и эти живые разговоры были полезны для молодых сотрудников. Он избегал бытовых тем и рассказывал детали своих встреч с выдающимися учеными, которых он знал лично. Часто вспоминал своих учителей — Ю. С. Маслова и И. И. Мещанинова, с неизменным уважением отзывался о В. В. Виноградове, старался передать особенности своих встреч с Р. О. Якобсоном, рассказывал о деталях работы с В. М. Жирмунским, В. Г. Адмони и С. Д. Кацнельсоном. Его истории были наполнены маленькими запоминающимися подробностями, в которых проявлялся характер героев, некоторые события воспроизводились снова и снова. Он рассказывал прекрасным изысканным литературным языком, всегда подчеркивая достоинства всех участников событий, кроме чиновников от науки.

Второй излюбленной темой его застольных рассказов были исторические события прошлого. Он с некоторым удивлением говорил о себе, что помнит даже день убийства С. М. Кирова в 1934 году, когда в необычное время были включены все фабричные гудки (тогда ему едва исполнилось 4 года). Часто вспоминал поездку со студентами

на целину в 50-е годы. Но особенно часто его воспоминания касались войны, жизни в блокадном Ленинграде и в эвакуации. Поводом для таких рассказов было празднование Дня Победы 9-го мая или годовщина прорыва блокады Ленинграда в январе. Он всегда относился к себе с иронией, не старался произвести впечатление, наоборот, подчеркивал неожиданные обстоятельства жизни, в которых часто оказывался.

Мы всегда думали о том, что эти беседы необходимо сохранить в памяти, но не решались включить магнитофон без спроса и боялись разрушить непосредственное впечатление разговора, если предупредить о записи. Только одна такая запись была случайно сделана на телефоне молодой сотрудницы нашего отдела Д. Н. Сатюковой. Также случайно эта запись не была стерта или утрачена, поэтому мы решились расшифровать ее без изменений и купюр и обнародовать. Для нас, как и для всех, кто участвовал в наших застольных беседах, даже в этом маленьком тексте слышны живые интонации речи Александра Владимировича, сохранено его особенное чувство юмора и огромный интерес к окружающей жизни.

М. Д. Воейкова

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. В. БОНДАРКО

А. В. Бондарко. И вдруг (а отец уже был главным инженером Кировского завода), и вдруг мы узнаем с мамой, что, значит, 11-го июля (вы представляете, 22-го июня, а 11-го июля) нам с мамой нужно сесть в товарный вагон (огромный состав, ну я уже рассказывал, везли вот эти самые... производство тракторов, для того чтобы производство танков), и вот мы почти две недели ехали до Челябинска и стали в Челябинске жить. А в Челябинске в первый же, на следующий день мальчишки, к которым я подошел, они стали меня бить. Но я уже, опытом наученный, я стал в ответ тоже отвечать тем же. На другой день мама мне говорит: «Слушай, Саша, а тебя эти приглашают погулять мальчишки». Они почему-то стали меня уважать, и я с ними уже на озеро стал ходить.

М. Я. Дымарский. Крепкие мальчишки?

А. В. Бондарко. Крепкие мальчишки, постарше меня, да. А потом, помню, там переживали мальчишки очень, когда увидели баню, в частности, что командиры Красной армии в погонах. Тогда это так было неожиданно, погоны. Сорок третий год. И вот, значит, мы так обсуждали все это: погоны, офицеры. Теперь их стали называть офицеры, были командиры. А офицеры были белые.

Когда мы в сорок третьем году попали на полтора года в Москву и жили на Петровке 26, в коммуналке, я ходил в школу. «нрзб» перейти, и до Садовой там уже, школа. А там уже конец Москвы был в те времена. До Садовой километра полтора, вот уже и кончалась. И ходил в школу. Что за хулиганская была школа в Москве, это поразительно. Мальчишки стреляли из рогаток в учителя, директора школы. Мальчишки были, вот в пятом, шестом классе мальчишки были шестнадцатилетние, чуть ли не семнадцатилетние, такие. И вот была форма такая хулиганская в те времена, на улице они ходили в этой форме: это, значит, кепочка такая, здесь, значит, тельняшка, потом, значит, приспускаются... да, сапоги, значит, почти до колена, но обязательно чтобы они были со складками, эти сапоги, и на них навешиваются брюки, вот так, ну вот такие вот. Ну вот, и они ходили, и здесь вот куртка, они ходили и хулиганили. Ну я рассказывал, что меня били все время, выбили даже передний зуб. Я уже знал, что меня начнут бить. По какой причине, я вам тоже докладывал.

И такой был контраст, когда мы вернулись с мамой в Ленинград, в сорок четвертом году, и я поступил в замечательную школу — «Петришуле», на Невском проспекте, где были интеллигентные и мальчики, и девочки тоже. Преподаватели были потрясающие, Фаина Соломоновна Лебедева была, каждый раз вот мы встречаемся, вот в апреле будет очередная встреча, раз в год мы все собираемся, вот Фаину Соломоновну мы каждый раз вспоминаем, это что-то потрясающее было. Она химию преподавала, и вот из ее класса человек двадцать стали химиками, из тридцати. И она с нами оставалась, и она нам читала произведения, причем тех, кого ругали официально, писателей, поэтов часто. Так это все было необычно, мы ее просто обожали, и вот Фаина Соломоновна Лебедева. Муж у нее был Лебедев, замдиректора Русского музея, и она как-то была связана с этими кругами. И вдруг мы узнаем, лет через пять после окончания школы, что Фаина Соломоновна кончила жизнь самоубийством. Вот так, этим все кончилось.

М. Я. Дымарский. А причина?

А. В. Бондарко. Никто не знает, никто не знает. Но, наверное, ее уже начали преследовать по политике, она ничего не боялась. Может быть, это. По физике была, ну не сравнить, конечно, но тоже «нрзб» такая преподаватель, преподавательница хорошая. Только по русской литературе был слабенький такой. Вот я рассказывал, он собрал нас у входа в Михайловский сад накануне экзамена и сообщил тему сочинения на завтра, а он с Дальнего Востока, услышал по радио пораньше, вот собрал и сообщил. Я воспользовался этим и написал сочинение на тему, стыдно сказать, «Ленин о литературе», ну что же делать, и получил пятерку, что было редкостью. И так я вдруг неожиданно получил все пятерки, хотя я уже, трудно поверить даже, что я, в общем-то такой дисциплинированный, а там я пропускал неделями занятия, потому что я сочинял музыку и сидел дома за роялем, и мне все это было так, нипочем все. Пропускал, да, хулиганистый такой.

И когда я сдавал экзамен по алгебре, то уже после того как у меня там пятерки пошли, то учительница, которая (а у нас математика так была, не очень), она видит, что я так задержался, формула там, она так подошла к доске и тихонько мне подсказала.

А уже в десятом классе я ходил в университет, на филфак, и слушал лекции. Там кафедра мне уже нравилась. Я думал, подумал, что я филолог. А так отец инженер, мама бухгалтер, я мог оказаться где

угодно. А когда золотая медаль, можно поступить было без экзаменов в любой вуз, по любой специальности.

М. Я. Дымарский. Это вот такому прогульщику дали золотую медаль?!

А. В. Бондарко. Да-да, вот такому прогульщику.

М. Я. Дымарский. Здорово! А как они в школе-то, как они относились к тому, что вас нет?

А. В. Бондарко. Ну вот почему-то терпели, терпели. Я ведь и в музыкальной школе учился, а потом, значит, меня рекомендовали, и я поступил в музыкальную школу для взрослых, такую, и кончил музыкальную школу для взрослых.

М. Я. Дымарский. А первая школа, в которой вы учились, — это детская музыкальная школа, семилетка?

А. В. Бондарко. Просто музыкальная школа, да, детская музыкальная школа, семилетка, да.

М. Я. Дымарский. А поступили вы в нее в каком классе?

А. В. Бондарко. А я поступил, ну где-то уже это был восьмой класс, вот так примерно. Седьмой-восьмой класс. Я поступил не на первый, так сказать. И они почему-то с уважением стали относиться к моим сочинениям музыкальным, и — в порядке исключения — на зачетах каких, на экзаменах я должен был сыграть то, что было положено по программе, а потом какую-то свою пьесу собственного сочинения. Было удивительно, что когда я играл собственное, какие-то пьесы, то у меня были руки свободны, а так у меня они затекали как-то вот, это мешало. А потом все это как-то ушло постепенно. Но такая любовь к музыке проявилась в том, что я вот все эти книги, которые я написал, и статьи, под музыку, классическую музыку с утра до вечера.

В. В. Казаковская. Кого вы любите больше всего, ваши любимые композиторы?

А. В. Бондарко. Композиторы? Бах, Моцарт, Бетховен. Вот они.

М. Я. Дымарский. Александр Владимирович, а не отвлекает музыка?

А. В. Бондарко. Наоборот, помогает.

М. Я. Дымарский. Но вы же невольно начинаете следить за ходом баса, за гармонией.

А. В. Бондарко. Это идет как-то так.

М. Я. Дымарский. Это параллельным сознанием.

А. В. Бондарко. Параллельным сознанием.

15 марта 2013 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О Л. Л. БУЛАНИНЕ

Когда задумывалась конференция, посвященная 50-летию выхода в свет замечательной книжки «Русский глагол», один из ее авторов, Александр Владимирович Бондарко, был еще жив и вполне в добром здравии, поэтому мемориальная часть конференции и, соответственно, сборник ее материалов почти и не планировались. Однако уже в марте 2016 года ситуация изменилась и стало ясно, что вспоминать надо не только о монографии, но и о ее авторах, известных отечественных грамматистах. На мою долю, как ученицы Льва Львовича Буланина, пришлось все, что связано именно с ним.

Лев Львович ушел от нас уже довольно давно — в сентябре 2001 года. Так случилось, что его уход вызвал большой резонанс в кругу моих однокурсников.

Во-первых, примерно за три месяца до его кончины, в июне 2001-го, значительная часть нашей первой русской группы собралась на моей докторской предзащите. Мы тогда были в хорошей научной форме, защиты, в том числе докторские, следовали одна за другой, и встречаться на них стало уже почти традицией. Отгуляв на очередном банкете и расставаясь, спрашивали друг друга: кто следующий? В моем случае это была еще только предзащита, банкета не было, но однокурсники собрались (не менее десятка человек), был, конечно, и Лев Львович, поэтому встреча с Учителем состоялась. А для нас, бывших студентов первой русской группы, он был именно таким Учителем — с большой буквы. Практически весь цикл лингвистических курсов он читал нам сам, не отдав никому и нарушив тем самым устоявшиеся кафедральные традиции. Это был его личный эксперимент. И он вполне удался: из шести выпускников-дипломников Льва Львовича 1977 года трое стали докторами наук (один из них — дважды доктором!) и двое — кандидатами, трое остались работать на факультете. Ему было чем гордиться.

Можно ли удивляться, что известие о его кончине буквально через три месяца после той июньской встречи всколыхнуло всех нас. Именно тогда родилась идея сделать книгу памяти Л. Л. Буланина: сборник научных статей и воспоминаний о нем. Мой клич написать эти воспоминания не остался без ответа, и откликнулись прежде всего именно ученики Льва Львовича, которыми — и это ни для кого

не секрет — он был очень богат. К тому же (и это — во-вторых) 2002-й стал нашим очередным юбилейным годом («серебряный» юбилей — 25 лет после выпуска): окончив университет в 1977 г., мы каждые пять лет исправно собирались на встречу выпускников, куда приглашали и наших преподавателей, круг которых все редел и редел... В 2002-м Льва Львовича уже не было среди них, но мемориальную часть книги мы (моим соредактором по этому изданию стал профессор из Омска Б. И. Осипов) собрали в результате очень легко и быстро. Чего стоят только названия этих воспоминаний: *«Учитель, воспитай ученика...», Начало, Мой первый учитель, Учитель, Дети Буланина...*

Книга вышла в свет через год, в 2003 г. — «Грамматическая и лексическая семантика. Памяти Л. Л. Буланина» (СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003, 165 с.), а воспоминания об Учителе, которые вошли в нее, до сих пор служат источником информации для моих студентов-первокурсников, которые традиционно выступают на занятиях по русской фонетике с сообщениями о персоналиях известных фонетистов. Грамматист Лев Львович Буланин, благодаря своему первому учебнику (Фонетика современного русского языка. М.: Высшая школа, 1970, 206 с.; 2-е изд. — 2011 г.), навсегда остался в кругу отечественных фонетистов.

Однако в тех далеких 2002-03-м годах, когда собиралась и выходила книга наших воспоминаний, как-то «за бортом» остались еще многие люди, которые хорошо знали Льва Львовича и могли бы сказать о нем добрые слова. В первую очередь — его собственные однокурсники, пятеро из которых потом долгие годы были и его коллегами по кафедре русского языка (В. В. Колесов, А. И. Корнев, Е. А. Белоусова, А. Л. Мирецкий, М. А. Тарасова). И вот одна из них, Марина Алексеевна Тарасова, вызвалась собрать воспоминания этих однокурсников — для какого-нибудь очередного памятного издания в честь Л. Л. Буланина: юбилейных дат впереди еще хватало. Собрать, однако, удалось только в 2011 г., а найти возможность опубликовать их — вообще только сейчас (per viam — снова в наш юбилейный год: на этот раз мы только что отметили 40 лет (!) окончания университета и, как всегда, вспоминали на встрече Льва Львовича).

Но хорошо, что такая возможность нашлась. Спасибо большое Марине Алексеевне за ее неоценимый труд. Спасибо тем из однокурсников Льва Львовича, которые нашли время написать о нем и которые, к сожалению, уже не дождались этой публикации. Человек жив, пока его помнят — близкие, коллеги, друзья. Учитель жив, пока живы его ученики — это я уже о себе и о нас...

*Н. В. Богданова-Бегларян
Июнь 2017 г.*

Ленина Георгиевна Новикова (Крылова)

библиограф Государственной Публичной библиотеки (ныне — Российская национальная библиотека)

Очень жаль, что мы мало тратили времени на однокурсников-одногруппников, когда учились. Сейчас бывает трудно вспомнить. У нас в группе было четыре мальчика: два Володи — Колесов и Лебедев, Лева и Шао-И. Все — необыкновенно талантливы. Самый талантливый — Лева. Скромный. Мы все тогда жили бедно, на стипендию, несколько десятков копеек в день на обед в столовой. Лева не любил одалживаться. Но если у него просили несколько копеек — сразу давал. Когда кто-нибудь не понял чего-то на лекции, всегда обращались к Лева. Он доставал свой блокнот, где зелеными чернилами, очень мелким почерком было записано все основное, главное. Вообще, писал он очень быстро, почти стенографически. И вот он с тобой сидел и подробно объяснял все, что ты не понял, очень терпеливо и понятно.

Я уже говорила, что он был очень скромным. Никогда не смотрел свысока, был доброжелательным, готовым помочь и в учебе, и в жизни. При этом сам старался быть лучшим, то есть достигать лучших результатов в тех делах, за которые брался или которые на него «сваливались», поэтому всегда выделялся — и в яхт-клубе он лучше всех, и в теннисе, и в шахматах. То есть он был одаренным во всех отношениях. К сожалению, мы тогда плохо понимали это и мало его ценили. Правда, талантливых среди нас было достаточно много, «так воспитаньем, слава богу, у нас немудрено блеснуть»!

При своей доброжелательности, Лева никогда не увивал от прямого ответа, даже если правда могла быть неприятна его собеседнику. Я помню, когда мы кончили университет и я начала работать в Публичной библиотеке, в газетном отделе, да еще не в читальном зале, а в «недрах» хранилища, каталогизатором, это было скучно и никак не связано с любимой филологией, я решила поступать в аспирантуру. И тут мы встретились с Левою, и я стала с ним обсуждать свои планы. Каково же было мое удивление, когда он стал отговаривать меня: мол, зачем это тебе нужно? Помню, я очень на него обиделась. А со временем поняла, что он был совершенно прав: он видел мои очки с толстыми стеклами (за время учебы в университете мое зрение упало с 4,5 диоптрий до минус 10) и понимал, в отличие от меня, что в аспирантуре я стану видеть еще хуже. Успокоившись, я поняла, что он был совершенно прав и хотел уберечь меня от этого.

Владимир Александрович Лебедев

Я учился слевой в одной группе (3-й русской) все пять лет, сидел с ним на одной студенческой скамье. Когда мы учились на третьем курсе, студентам из всех русских групп, решившим посвятить себя лингвистике, было предложено объединиться в особую — лингвистическую — группу, и многие, например Володя Колесов, Андрей Мирецкий, Евгения Белоусова, Саша Корнев, Марина Тарасова и другие, сделали это. Наверное, это было правильно: все они стали хорошими специалистами. Но Лева остался в своей группе, что не помешало и ему достичь определенных высот в любимом деле.

Все пять лет учебы у нас с ним были очень близкие, дружеские отношения, несмотря на то что мы были разными во всем: он — типично кабинетный, талантливый ученый, я — заядлый спортсмен, он — тонкий знаток и ценитель классической музыки, а мне, как говорится, медведь на ухо наступил; я — активный комсомолец, участник всех студенческих строек, Лева просто никогда не отлынивал от осенних уборочных работ в колхозах и работал там всегда добросовестно, без стонов и брезгливости перенося все прелести жизни в бараках или деревенских избах со всеми их «удобствами». Зато он регулярно ездил в диалектологические экспедиции.

Он был прекрасным студентом, лингвистом от Бога. Обладал прекрасной памятью: часто бывало, что он не записывал лекцию, а просто внимательно слушал и запоминал почти дословно, а потом записывал и дополнял выписками из научной литературы.

Лева был прекрасным товарищем, всегда готовым прийти на помощь, даже если ты его не просил об этом. Помню, на третьем курсе я получил тройку по английскому языку. Это была единственная тройка в моем будущем красном дипломе, все остальные оценки были пятерки. И вот летом, когда мы с друзьями, и слевой в том числе, работали пионервожатыми в пионерлагере, Лева (по своей инициативе!) стал со мной заниматься. Времени у вожатых было мало: только «тихий час» да ночь, когда наши воспитанники спят. Лева выводил меня на прогулку, заставлял учить и запоминать слова, конструкции, объяснял грамматику... И все это очень настойчиво, но как бы играючи — на прогулках, с шутками. В общем, английский я пересдал и красный диплом получил. Он очень любил латынь, раскрыл и мне ее прелесть, хотя я был совершенно глух к лингвистике.

Не все знают, что он был блестящим шахматистом, хотя и любителем. Он регулярно посещал шахматный клуб, был знаком

с Корчным, дружил со Спасским. Гордился, что несколько раз сыграл с ним вничью. На скучных лекциях он иногда играл с кем-нибудь в шахматы или решал сложные шахматные задачи.

Он очень любил серьезную классическую музыку, сам хорошо играл на фортепиано, любил концерты. Мы выстаивали с ним огромные очереди в филармонию и консерваторию, чтобы попасть на концерты; например, на концерты Вана Клиберна и Зары Долухановой стояли всю ночь.

Когда наша студенческая жизнь подошла к концу, перед каждым из нас встал вопрос — что дальше? Я попал в школу, преподавал в техникуме, в вечерней школе, позже стал редактором в «Лениздате», а Лев — на кафедре русского языка и в аспирантуру. В это время он передал мне тетрадь, страничек 10 всего. Здесь он писал о своих отношениях с нами — однокурсниками, друзьями, о своей юношеской любви (тонкой, нежной, но безответной, к сожалению) к Ире Козыревой, тоже учившейся в нашей группе. Он помнил все наши стройки, картошки, экспедиции. Относясь очень чутко к окружающим людям, очень переживал такое, как ему казалось, снисходительное отношение к себе: «Левушка». Он знал себе цену, но никогда не кичился. К сожалению, эта бесценная тетрадка потерялась.

Когда я стал жить и работать в Москве, он каждый раз, когда бывал в столице, звонил, если была возможность, заезжал домой или на работу, дарил свои статьи, учебники.

Лев — самый гениальный лингвист в нашей группе. При этом он совершенно не «карьерный», не тщеславный. Он даже диссертацию защитил *honoris causa*. Он — антипод В. К. Никогда не лез из кожи вон, стараясь сделать себе имя в науке. При этом он верно служил своей Науке всю жизнь. Он — как Моцарт! Пришел и как бы шутя сыграл ноктюрн. А оказалось — реквием... Гений, реализовавший себя всего на несколько процентов. Он все делал как бы играючи: постигал, изучал, обдумывал, обсуждал с коллегами и друзьями. И стал в результате разносторонне, энциклопедически образованным человеком.

Ангелина Ивановна Минина (Оленцевич)
заместитель директора по науке Всесоюзного музея А. С. Пушкина

Мне трудно добавить что-то новое к тому, о чем рассказали мои друзья о Лева Буланине. Он действительно был верным товарищем и помощником в учебе. Помню, я получила неудовлетворительную оценку по старославянскому языку у Музы Дмитриевны Лесник. Лева в тот же вечер пришел ко мне домой и сказал, что будет заниматься со мной до тех пор, пока я не освою предмет. И мы сделали это! Я пересдала старославянский на пятерку! Он готов был помогать не только друзьям из 3-й русской, а всем однокурсникам: развешивал, например, записочки по всему факультету такого примерно содержания: «Кому нужна консультация по морфологии (или исторической грамматике, или еще по какому-нибудь предмету) — приходите такого-то числа в такое-то время в такую-то аудиторию». И когда в этой аудитории собирался народ, Лев, расхаживая вдоль доски, иногда поворачиваясь к ней и выписывая формулы, парадигмы и всякие другие заковыристые штуки, очень просто и доходчиво объяснял все непостижимое, недоступное нам. А тут вдруг все становилось на свои места!

Еще я вспоминаю, как втроем со старостой и профоргом группы (я в том году была комсоргом) убеждали Льва вступить в комсомол. Но он **устоял!** Так до конца учебы и не стал комсомольцем.

Лева хорошо играл в шахматы. Иногда — на скучных лекциях. И однажды я хотела присоединиться к нему, предложив сыграть партию. «Ну что ты, Линочка, мне с тобой играть нельзя: у нас разные категории», — что-то в этом роде сказал.

Уже после окончания университета у всех нас сохранялись дружеские отношения, хотя работали мы в разных местах и даже жить стали не там, где жили в студенческие годы. Почти все обзавелись семьями, кроме Левы: он остался со своей мамой. Тем не менее, мы часто собирались — то по случаю дня рождения, то по случаю рождения ребенка, то просто ради встречи с друзьями — погулять в Павловском парке, покататься на лодке в ЦПКиО. И Лева не только не отказывался от этих встреч, но принимал в них самое активное участие.

Тезисы

ЗАПРЕТИТЕЛЬНЫЙ КОНЪЮНКТИВ В СЛАВЯНСКИХ ЛИТУРГИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДАХ XIV ВЕКА¹

Доклад посвящен исследованию употребления кальки с греческой конструкции *conjunctivus prohibitivus* вместо традиционной для церковнославянских памятников модели повелительного наклонения с отрицанием. Ее употребление ограничивается литургической письменностью, прежде всего молитвами. Поэтому наиболее употребительной рассматриваемая модель могла быть в Евхологии и Псалтыри, в Евангелии она встречается весьма ограниченно.

Данный грецизм появился в славянских переводах не сразу. Наиболее ранняя фиксация обнаружена в Толковом Евангелии Феофилакта Болгарского и в Чудовском Новом Завете. При этом употребления кальки не отличались регулярностью: Лк. 18.20 **не прелюбы сътвори : не прелюбодѣиствоуѣши** Th, Pg : **не люводѣиствоуѣши** Cd — *μη μοιχεύσης*; **не оубии : не оубиеши** Cd, Pg, Th — *μη φονεύσης*; **не оукради : не оукрадеши** Th — *μη κλέψης*; **не лъжь съвѣдѣтель боуди : не лъжепослоушествоуѣши** Cd, Pg : **не лъжесвѣдѣтельствоуѣши** Th — *μη ψευδομαρτυρήσης*; Мф. 5.36 **ни главож своеж кльни са : ниже главож твоеж кльнеши са** Cd — *μητε ἐν τῇ κεφαλῇ σου ὀμόσης*.

Регулярно и последовательно новая калька с греческого реализуется с конца XIV века в переводах круга патриарха Евфимия Тырновского и митрополита Киприана. В последующей переводческой традиции калька отходит на периферию церковнославянской книжной нормы и не фиксируется в грамматиках. Ее игнорируют Максим Грек и патриарх Никон при исправлении богослужебных книг. В переводе Нового Завета 1674 г., сделанном в кругу Епифания Славинецкого, она получает неожиданное возрождение в пассаже из Евангелия от Луки (Лк. 18:20). Данный пассаж впоследствии окажет влияние на текст 10 заповедей Моисея (Декалог), войдет в таком виде в буквари и будет учтен при исправлении в Елизаветинской Библии 1751 г.

¹Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-04-00283.

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛА: КАК ПИСАЛИ В XIX ВЕКЕ И КАК ПИШУТ СЕГОДНЯ¹

Тексты XIX века, как показало исследование Е. В. Рахилиной и соавторов, проведенное на материале одного из самых близких к современности по строю речи романов — романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», содержат не менее 20% слов и конструкций, подвергшихся за истекшие с момента создания текста полтора столетия переосмыслению, видоизменению и функциональной трансформации, вплоть до вытеснения из активной речи, см. [Рахилина и др. 2016а,б; Рахилина 2017]. Эти изменения затрагивают лексическую и грамматическую составляющие высказывания, проявляются в выборе слова и конструкции. Так, по наблюдениям исследователей, не характерны для современной речевой практики, включая и поэтически маркированные тексты, глагольные конструкции с префиксами и предлогами следующего вида: *нырнуть из-за X* (*нырнул из-за куста*; ср. современное *вынырнул из-за куста* при нормативном *нырнул за куст*), *копыта оборвались с X* (*Задние его копыта оборвались с противоположного берега*; ср. современное *сорвались* при нормативном *веревка оборвалась*), *подбавить X* (*Не хотите ли подбавить рому?* — в чай без рома, ср. современное *добавить* (ром к чистому чаю) при нормативном, хотя и разговорном, *подбавить*, если в напитке ром изначально присутствовал). Внимание к подобным явлениям микросинтаксиса позволяет проследить, как меняется речевая практика и какие черты отличают язык позапрошлого столетия от языка современности.

Материалом дальнейшего исследования послужил текст повести И. С. Тургенева «Ася». Информантам — старшекласникам было предложено выявить слова и выражения, не входящие в практику активного употребления, и привести их аналоги, принадлежащие

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02071 «Пограничный русский: оценка сложности восприятия русского текста в теоретическом, экспериментальном и статистическом аспектах»).

современному узусу. Часть расхождений относится к функционированию глагольных конструкций: *я вмешался в толпу* (ср. *смешался с толпой*); *женская фигура <...> поместилась на уступе стены* (ср. *уселась*, отсутствующее в авторских вариантах и авторитетных изданиях, включая отмеченные разночтения, но по недоразумению попавшее в электронные версии текста); *мы уместились на лавочке*; *спросил еще кружку* (ср. *попросил*).

Некоторые из обнаруженных изменений касаются варьирования частных видовых значений и смены способов глагольного действия, вариантов рефлексивности, вариативного падежного управления в глагольной конструкции и связанного с характером смены управления изменения падежного значения зависимого имени. Доклад посвящен анализу выявленных расхождений, см.:

За столом она держалась очень чинно, почти чопорно, едва отведывала кушанья и пила воду из фюмки.

*Он только по временам добродушно **взглядывал** на меня и слегка пожимал плечом.*

*— Давно ли ты стала **спрашиваться**? — отвечал он со своей неизменной, на этот раз несколько смущенной улыбкой.*

ЛИТЕРАТУРА

- Е. В. Рахилина.* «Не хотите ли подбавить рому?»: о нестандартном Лермонтове. Доклад на научном семинаре школы лингвистики ФГН НИУ ВШЭ. 2017. (<https://ling.hse.ru/news/201379660.html>)
- Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян, М. А. Бородин.* «Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX в. // Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии. Тезисы докладов Международной научной конференции 30 мая — 1 июня 2016 г. М., 2016а. (<http://www.ruslang.ru/doc/thesis.pdf>)
- Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, М. А. Бородин.* «Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX в. // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова 2016б, 10. С. 242–255.

О ФАКТОРАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА ВЫБОР МЕЖДУ
АБСОЛЮТНЫМ И ОТНОСИТЕЛЬНЫМ УПОТРЕБЛЕНИЕМ
ВРЕМЕН В ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ ПРИДАТОЧНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Одним из многих достоинств книги «Русский глагол» [Бондарко, Буланин 1967] является то, что инвариантное значение временных форм определяется с помощью понятия «грамматическая точка отсчета». Это позволяет различать абсолютное употребление этих форм, при котором точкой отсчета выбирается момент речи, от относительного употребления, где отношение к выражаемому действию определяется с точки зрения другого действия. При анализе примеров вводится удобное понятие «дополнительная временная ориентация». Заслуженное внимание уделяется сложным предложениям с изъяснительной придаточной частью, в которых «существуют как бы два измерения, два центра временных отношений» [Бондарко, Буланин 1967: 11]. Отмечается важный факт, что в таких структурах возможна замена временной формы в придаточной части, при которой, например, «абсолютная ориентация превращается из дополнительной в основную, а относительная ориентация становится дополнительной»: *Евдоким <...> слушал, как Евдокия ходит в кухне* и *<...> слушал, как Евдокия ходила* [Бондарко, Буланин 1967: 114].

Рамки указанной работы не позволили более подробно рассмотреть подобные случаи «конкуренции» между временными формами и указать факторы, влияющие на их выбор. Именно этим вопросам будет посвящен наш доклад. При этом мы ограничимся примерами, в главной части которых глагол имеет форму прошедшего времени.

Мы различаем следующие факторы.

а) Лексическое значение глагола в главной части предложения. Рассматриваемая конкуренция проявляется ярче всего при глаголах активного и пассивного восприятия типа *(по)смотреть*, *(по)слушать* и *(у)видеть*, *(у)слышать*, *(по)чувствовать*.

б) Выбор союза. Между союзами *что* и *как* наблюдаются значительные различия в реализации абсолютного употребления временной формы в придаточной части.

в) Характер действия придаточной части. Важно различать случаи с конкретным действием, локализованным во времени, и более обобщенными действиями. При этом вид глагола играет важную роль.

г) Тип употребления прошедшего времени в главной части. Различаем «нарративный» и «ретроспективный» типы. В нарративном типе действие рассматривается в своих взаимоотношениях с другими действиями, как сменяющийся или совпадающий элемент определенного целого, некоторого повествования. В ретроспективном типе прошедшие события рассматриваются с перспективы центральной точки отсчета, прототипически – момента речи говорящего. В придаточной части этого типа более распространено абсолютное употребление временной формы.

В докладе будет приведен корпусный материал, показывающий релевантность указанных факторов.

ЛИТЕРАТУРА

А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967.

ДВУВИДОВЫЕ ГЛАГОЛЫ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ИХ ИНТЕГРАЦИЯ В СЛАВЯНСКУЮ ВИДОВУЮ СИСТЕМУ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И РЕЗЬЯНСКОГО ДИАЛЕКТА)

Проблема интеграции глаголов иноязычного происхождения в видовую систему русского языка, т.е. языка, обладающего грамматикализованной — «славянской» — категорией вида, выражаемой системой видовых пар, — это весьма интересная проблема, тесно связанная с проблемой так называемых двувидовых глаголов. Исследователи отмечали общую тенденцию этих глаголов к интеграции в парновидовую систему, в основном благодаря префиксации (перфективации), но также и суффиксации (имперфективации) (Черткова, Чанг 1998; Андросюк 2015] и др.).

Цель нашей работы — внести вклад в дискуссию по этому вопросу, сравнивая данные русского языка с данными резьянского диалекта словенского языка, находящегося на периферии славянской языковой системы, в северо-восточной Италии. Это говор, веками находящийся внутри романского языкового окружения и потому особенно богатый иноязычной (в основном романской) лексикой.

Изучение способов грамматикализации глагольного вида в этом диалекте дает различные результаты в зависимости от того, с исконнославянской или с романской лексикой имеет дело исследователь. Это было отмечено в работе [Бенаккьо, Стэнвейк (в печати)] по поводу процессов перфективации (в основном префиксации) и имперфективации (суффиксации) в резьянском диалекте.

В данной работе мы обратимся к двувидовым глаголам, отличая при этом глаголы исконно славянского происхождения от заимствованных романских глаголов.

Об исконно славянских глаголах можно сказать, что двувидовых среди них мало — чуть больше, как нам представляется, чем в русском языке; ср., например, *čūt* ‘слышать’, *vidēt* ‘видеть’, *tēt* ‘хотеть’ и *vačerjat* ‘ужинать’.

Среди романской лексики биаспективы встречаются гораздо чаще. Можно сказать, что общей является тенденция

к интегрированию в (парную) славянскую систему. Однако в отличие от русского языка, где более частотна перфективация путем префиксации, в резьянском диалекте интеграция иностранных слов происходит путем суффиксации (имперфективации): *rišpundaŭat* < *rišpondät* ‘отвечать’ (от итал. *rispondere*); *danaġaŭat* < *danaġät* ‘вредить’ (от итал. *danneggiare*) и т. д.

Интегрирование заимствованных глаголов этим путем происходит очень регулярно. Вследствие этого в резьянском диалекте среди глаголов романского происхождения биаспективов мало — меньше, чем в русском языке. За редкими исключениями (например, *kaput* ‘понимать’), биаспективы принадлежат к одному деривационному классу глаголов, а именно к классу на *-inat*, ср. *vinčinat* ‘победить’ (от итал. *vincere*).

ЛИТЕРАТУРА

Н. Андросюк. Биаспектив и контекст // *Р. Бенаккьо (ред.)*. Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. München — Berlin — Washington, D. C., 2015. С. 21–34.

Р. Бенаккьо, Х. Стэнвейк. Префиксация и суффиксация как способы грамматикализации глагольного вида в резьянском диалекте: исконно славянская и романская лексика // *R. Benacchio, A. Muro, S. Slavkova (ред.)*. Роль префиксов в процессах формирования категории аспектуальности. Вопросы грамматикализации / The role of prefixes in the formation of aspect and related categories. Problems of grammaticalization. Firenze (в печати).

М. Черткова, П. Чанг. Эволюция двувидовых глаголов в современном русском языке // *Russian Linguistics* 1998, 22. С. 13–34.

**СЛУШАЙТЕ / А С ЧЕГО НАЧИНАЮТСЯ РЕПЛИКИ?
(ПО ДАННЫМ РЕЧЕВОГО КОРПУСА)**

В настоящем докладе императивные реплики рассматриваются на материале устных бытовых диалогов. Обсуждаются вопросы, какое словесное оформление имеют начала реплик с императивами, какие функции выполняют наиболее частотные императивы, стабильно употребляющиеся в начале реплик, и какими свойствами они обладают.

Из морфологически размеченного подкорпуса «Один речевой день» (ОРД) размером в 240 000 слов выбраны все реплики с императивом 2 лица, получен гомогенный «мини-корпус» объемом 15 970 токенов, состоящий только из реплик с императивами 2SG и 2PL. Для этой выборки получены списки n-грамм. В частности, выделены биграммы вида <S> *токен*, триграммы вида <S> *токен* *токен*, <S> *токен* <\S>, где <S> — это тег начала фразы, а <\S> — тег конца фразы, соответствующий знакам фразового членения «//», «!», «?», совпадающим с концом строки (в качестве примера см. таблицы ниже).

Список n-грамм не нормализован, если сохранена внутрифразовая пунктуация, и нормализован, если внутрифразовая пунктуация устранена. N-граммы с нормализацией показательны при описании сочетаемостных паттернов, а n-граммы без нормализации могут быть показательны при описании просодии. Во втором случае важно

Таблица 1. Топ-5 триграмм

с нормализацией		без нормализации	
<S> <i>слушай слушай</i>	22	<S> <i>слушай //</i>	144
<S> <i>ну вот</i>	17	<S> <i>подожди /</i>	30
<S> <i>ну ты</i>	13	<S> <i>слушай /</i>	21
<S> <i>ну смотри</i>	12	<S> <i>ну /</i>	20
<S> <i>ну давай</i>	9	<S> <i>ну вот</i>	20

Таблица 2. Топ-10 биграмм

без нормализации			
<S> ну	227	<S> ты	48
<S> слушай	188	<S> так	48
<S> вот	70	<S> подожди	48
<S> а	67	<S> не	43
<S> да	49	<S> смотри	34

первоначально зафиксировать наличие границ «/» и «//» после императивов (так как это можно считать первичным показателем их просодической автономности).

В результате анализа состава императивных реплик в ОРД было выяснено, что пятью наиболее частотными глаголами в императиве (2SG и PL) являются *слушать*, *смотреть*, *подождать*, *сказать*, *извинить* [Блинова (в печати)]. Преобладают императивы, управляющие протеканием дискурса, а именно императивы установления контакта и привлечения внимания слушающего (*слушай*, *смотри*), императив *подожди* (употребляющийся преимущественно в значениях ‘не начинай говорить’, ‘прекрати говорить на время’), императивы от глаголов речи (*скажи*, *говори*) и императив *извини*, способный вводить новые реплики и комплексы реплик одного говорящего, или «очереды» (*turns*).

Языковые выражения, управляющие единицами дискурса — обеспечивающие его членение и связность, направленные на управление очередностью говорения (*turn management*), введение новых тем (*topic management*), управление временем и скоростью протекания диалога (*time management*) и др., — принято называть дискурсивными маркерами (ДМ)¹. Замечено, что частотные императивы в функции ДМ тяготеют к определенным позициям внутри реплик и очередей; обычно это позиция начальная. Так, еще в [Баранов, Крейдлин 1992] *слушай* и *смотри* описывались как лексические показатели начала минимальных диалогических единиц (МДЕ).

В докладе будет показано, что частотные императивы-ДМ — те, для которых характерна стабильная начальная позиция в репликах и очередях, — отличаются не только особой семантикой, особыми

¹Б. Хайне цитирует работу, где каталогизируются 42 английских термина, когда-либо использованные для обозначения «дискурсивных маркеров» [Heine 2013].

сочетаемостными свойствами, которые можно охарактеризовать как «синтаксическую автономность», но и рядом признаков просодической автономности. Рассматриваемая разновидность ДМ соответствует характеристикам, которые приводит для ДМ Б. Хайне [Heine 2013].

ЛИТЕРАТУРА

- А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин.* Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания 1992, 3.
- О. В. Блинова.* Побудительные реплики и их компоненты в русском устном диалоге: количественное описание // *N. Richter, N. Thielemann (eds.). Studies in sociolinguistics, grammar and pragmatics of spoken Russian [Potsdam Linguistic Investigations].* Frankfurt a. M. (в печати).
- В. Heine.* On discourse markers: grammaticalization, pragmaticalization, or something else? // *Linguistics* 2013, 51, 6.

ГЛАГОЛЫ В УСТНОЙ РЕЧИ: ПУТЬ ОТ ЛЕКСЕМЫ К ПРАГМАТЕМЕ

Исследования последних лет накопили достаточно информации о специфике функционирования глаголов в русской речи. Так, оказалось, что в повседневной речи эта категория слов занимает первое место по частотности (17% [Звуковой корпус... 2014: 299]), чуть-чуть «опережая» существительное, местоимение–существительное и частицу (по 16% соответственно). Однако те же исследования показали, что глаголы в устной речи далеко не всегда выступают именно как глаголы, т. е. обозначают действие или состояние: наиболее частотными здесь оказываются употребления глагольных форм, выполняющих (иногда в составе развернутой конструкции / коллокации) функцию различных **прагматем** [Богданова–Бегларян 2014; Звуковой корпус... 2015]. Это позволяет говорить о некоторой **типологии глагольных прагматем**, демонстрирующей своеобразный переход от лексемы к прагматеме.

Так, в функции **вербальных хезитативов** выступают в нашей речи глагольные прагматы (*я не знаю, (я) (не) думаю что, боюсь что, (так) скажем (так), знаешь, понимаешь* и под.

В функции **дискурсивного маркера** (чаще всего финального, но возможны также стартовый и направляющий, часто помогающий говорящему еще и сменить тему) способны выступать конструкции *думаю что, боюсь что, скажем так*.

Личные формы глагола *говорить* активно функционируют в роли **ксенопоказателя** (чаще в редуцированном виде — *гыт, грит, грю* и под.).

В роли **рефлекси́ва**, в том числе «упреждающего», вводящего в речь нечто нетривиальное, может быть употреблена конструкция *скажем так*.

Существует большая группа контактных глаголов, выступающих в речи в функции **метакоммуникативов**: *знаешь, понимаешь, представляешь; прикинь* и под.

Широко распространены в речи **междометные** (в основе своей также глагольные) **прагматемы** *здрасьте (пожалуйста)! (ну) извини(те)! (ну) давай.*

Часто глаголы образуют специфические **вопросительно-риторические конструкции**, также очень частотные: *не видишь что ли?! с ума сошёл что ли?! издеваешься что ли?! знаешь что / где / как...; видишь как / какой... и под.*

Хорошо видна **полифункциональность** большинства рассмотренных единиц, а также действие процесса **прагматикализации** (иногда — через грамматикализацию), который привел к их возникновению. В докладе предложена типология иллюстрируется контекстами из Звукового корпуса русского языка (см. о нем [Звуковой корпус... 2013]) и доказывается необходимость отдельного описания и лексикографической фиксации подобных глагольных форм и конструкций, что непременно изменит и взгляд на статус глагола в устной повседневной речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Н. В. Богданова-Бегларян.* Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология 2014, 3(27). С. 7–20.
- Звуковой корпус... 2013 — *Н. В. Богданова-Бегларян (отв. ред.).* Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание. СПб., 2013.
- Звуковой корпус... 2014 — *Н. В. Богданова-Бегларян (отв. ред.).* Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории. СПб., 2014.
- Звуковой корпус... 2015 — *Н. В. Богданова-Бегларян (отв. ред.).* Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов. СПб., 2015.

РУССКИЕ КОНТАКТНЫЕ ГЛАГОЛЫ В УСТНОЙ СПОНТАННОЙ
РЕЧИ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ
РАЗНООБРАЗИЕ

Анализ материала русской устной повседневной речи (корпус ОРД, см. [Русский язык... 2016]) показал, что из всей глагольной лексики наивысшей употребительностью обладают не полноценные глаголы, а так называемые глагольные прагматы [Богданова-Бегларян 2014] и особенно — контактные глаголы (КГ), выполняющие прежде всего метакоммуникативную функцию, которая может быть сопряжена с дискурсивной, гезитативной и некоторыми другими [Блинова 2016; Маслова 2016]:

- *вот ты **знаешь** / я короче уже один раз завалила как будто;*
- *а у меня друган / *П он занимается / клинингом // ну моет окна / **знаешь**;*
- *она меня вечно боится / а так **видишь** нет;*
- *время было такое / **понимаешь**;*
- ***смотри** / сейчас ты мне объяснишь;*
- *без очков стригёт / вот храбрая / **слушай!***
- *не / ну **прикинь** / там было <...> пятеро ролевиков.*

Прагматическое использование КГ — черта исключительно диалогической речи: все они являются маркерами регулирования очередности говорящих в диалоге, причем могут как инициировать реплику, так и передавать очередь конкретному коммуниканту.

Грамматически, семантически и функционально КГ делятся на две группы: это глаголы понимания в форме 2 л. ед. и мн. ч. (*знаешь / те, понимаешь / те, видишь / те*) и глаголы восприятия в форме императива 2 л. ед. и мн. ч. (*представь / те, (по)смотри / те, (по)слушай / те, вообрази / те, взгляни / те, заметь / те, (по)гляди / те*, а также разговорные *прикинь, зацени, глянь / те*). Любопытно, что только разговорные глаголы могут быть представлены в качестве КГ и в совершенном (СВ), и в несовершенном (НСВ) виде. Исключением является глагол *представить / представлять*, который в форме СВ

попадает в группу императивов (*представь / те*), а в форме НСВ (*представляешь / те*) — в группу глаголов понимания.

В рамках данной группы КГ обычно взаимозаменяемы, т. е. синонимичны на уровне выполняемых функций. При этом у глагола *понимаешь / те* наблюдается ослабление лексического значения в большей степени, чем у других глаголов группы. Можно предположить, что функционирование в качестве вербального хезитатива — одна из последних ступеней на шкале прагматикализации глагола. Слово почти полностью десемантизируется и превращается в пустую вставку для заполнения паузы колебания.

Все описываемые контактные глаголы входят в семантическую группу глаголов интеллектуальной деятельности, и, вероятно, их список не закрыт и может быть пополнен.

ЛИТЕРАТУРА

- О. В. Блинова. Слушай, смотри, подожди, скажи, извини: частотные императивы как «коммуникативные девайсы» // XLV Межд. филол. науч. конф. Тезисы докладов. СПб., 2016. С. 615–616.*
- Н. В. Богданова-Бегларян. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология 2014, 3 (27). С. 7–20.*
- Е. Р. Маслова. Функционирование контактных глагольных форм в русской устной речи. Дисс. ... маг. лингв. СПб., 2016.*
- Русский язык... 2016 — *Н. В. Богданова-Бегларян (отв. ред.). Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. СПб., 2016.*

ИЕРАРХИИ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАРТЕ ФУНКЦИЙ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

В докладе рассматривается диапазон употреблений русских граммем непрошедшего времени глагола. Исходными можно считать следующие положения.

1. Формы морфологического наст. времени основ совершенного вида были переосмыслены как показатели будущего времени, но сохранились функции неактуального настоящего, которым либо свойственны определенные модальные или иллокутивные функции, либо которые поддерживаются специальными условиями таксиса (см. [Stunová 1986] и мн. др.).

2. Из всех грамматических времен формы наст. времени (основ обоих видов), скорее всего, обладают наиболее распространенной сетью (*network*) значений. При этом дискуссионным является вопрос о том, какие из этих употреблений следует признать отдельными значениями, а какие — всего лишь контекстно или лексически обусловленными вариантами значений.

3. Функции форм наст. и буд. времен частично пересекаются как в области высказываний с четкой соотнесенностью с моментом речи (напр. профетическое: *Мы завтра встречаемся в театре*), так и в области высказываний, лишенных такой соотнесенности (ср. прежде всего гномическое настоящее и всю область внешней кратности [Wiemer 2008: 399–403; Wiemer 2015: 591–593]). Определение зон пересечения остается трудным, в первую очередь для последнего типа высказываний. Причина здесь, скорее всего, в том, что нет ясного представления о том, как функции граммем соотносятся с «денотатами», а также неясно, где провести границу между неактуальным наст. и буд. временами.

Основываясь на этих положениях, мы предлагаем таксономию функций форм морфологического наст. времени в современном русском литературном языке. Строится она частично на результатах работ [Бондарко 1958, 1971; Panzer 1963; Grochowski 1972; Станков 1976; Mehlig 1995] и других. Уточняются «невралгические» точки, в которых

основы обоих видов вступают в конкуренцию, т. е. такие контексты, в которых возможна их взаимная замена, но не без определенных смысловых сдвигов. Возникает вопрос, происходят ли эти сдвиги из-за разницы в виде или разницы во времени, а также — чем объясняются различные модальные и речеповеденческие эффекты, к которым они приводят.

Чтобы не запутаться в порочном круге, результаты проводимого анализа сопоставляются с идентичным анализом в трех других языках, каждый из которых отличается от русского языка хотя бы по одному категориальному параметру глагольной системы, а именно:

- с языком, в котором существует оппозиция СВ : НСВ, но буд. время обозначается отдельным показателем независимо от вида (болгарский);
- с языком, в котором продуктивно применяется показатель буд. времени, а система образования глагольных основ максимально похожа на славянскую, но не в такой же степени грамматикализована (литовский);
- с языком, в котором вида нет, а показатель буд. времени хотя и существует, но не используется последовательно (немецкий).

Предполагается, что такое межъязыковое сравнение позволит как сделать набросок семантической карты функций непрошедших времен, так и ввести иерархию в сеть этих функций.

ЛИТЕРАТУРА

- А. В. Бондарко.* Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в славянских языках. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1958.
- А. В. Бондарко.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
- В. Станков.* Конкуренция на глаголните видове в българския книжовен език. София, 1976.
- М. Grochołowski.* Znaczenia polskiego czasownika: aktualne, potencjalne, habitualne, uniwersalne — w świetle kategorialnego znaczenia form czasu teraźniejszego // *Studia semiotyczne* 1972, III. S. 161–168.
- H.-R. Mehlig.* Wesen und Funktion des Präsens im Slavischen // *H. Jachnow, M. Wingender (eds.).* Temporalität und Tempus (Studien zu allgemeinen und slavistischen Fragen). Wiesbaden, 1995. S. 176–198.

- B. Panzer.* Die Funktion des Verbalaspekts im Präsens historicum des Russischen. München, 1963.
- A. Stunová.* Aspect and iteration in Russian and Czech. A contrastive study // *A. A. Barentsen, B. M. Groen, M. Sprenger (eds.)*. Dutch studies in Russian linguistics. Amsterdam, 1986. P. 467–501.
- B. Wiemer.* Zur innerslavischen Variation bei der Aspektwahl und der Gewichtung ihrer Faktoren // *K. Gutschmidt, U. Jekutsch, S. Kempfen, L. Udolph (eds.)*. Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongreß, Ohrid 2008. München, 2008. S. 383–409.
- B. Wiemer.* О роли вида в области кратности и прагматических функций (эскиз с точки зрения хронотопии) // *R. Benacchio (ред.)*. Глагольный вид: грамматическое значение и контекст / Verbal aspect: grammatical meaning and context. München, 2015. С. 585–609.

ПРОСЬБЫ И ЖЕЛАНИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Первоначальные формы просьбы у детей включают глаголы в императиве и инфинитиве, а также могут выражаться при помощи глаголов желания [Stephany et al. (forthcoming)]. Дети, говорящие на разных языках, с самого раннего возраста обнаруживают предпочтения в выборе между формами просьбы и выражением желания: по данным Аргус [Argus (forthcoming)], эстонские дети рано начинают формулировать желания, в то время как в русском языке такая форма воздействия на собеседника встречается нечасто. Очевидно, что такие предпочтения опираются на разговорную речь взрослых носителей языка. Выражения желания и просьбы являются функциональными разновидностями модальной характеристики высказывания и принадлежат к группировке функционально-семантических полей модальности; о связи желательности и императивности см. [Бондарко 1990: 78–79].

В книге «Русский глагол» подчеркивается, что «модальность может быть связана в контексте с формами глагола, не относящимися к тому или иному наклонению» [Бондарко, Буланин 1967: 121]. Это позволяет поставить вопрос о сравнении волитивных и императивных высказываний в рамках динамической и деонтической сфер модальности.

Исследование посвящено функционированию высказываний с *хочу* и *дай* и их синонимических вариантов в устной речи. Данные НКРЯ позволяют сделать вывод о том, что сами глаголы в динамической и деонтической функции употребляются приблизительно с равной частотностью. Волитивные высказывания распадаются на две функциональные разновидности — сообщения о намерении *Я хочу поиграть* (НКРЯ, 1977) и пожелания передачи объекта *Я хочу блинов на дрожжах* (НКРЯ, 2015). По количеству вхождений первая разновидность превышает вторую почти в 10 раз. Таким образом, глагол *хотеть* чаще используется не для каузации обретения, а для сообщения о намерениях.

Донативные глаголы в императиве свободно используются в разговорной речи: *Дай диск какой-нибудь послушать* (НКРЯ, 2007). Однако прямая просьба о передаче объекта встречается крайне редко. В речи преобладают донативные частицы, прескрипции и предложения типа *Давай блинчики погрей* (НКРЯ, 2007). Сами же просьбы чаще выражаются косвенным побуждением: *У тебя есть трешка добавит?* (НКРЯ, 1997). В докладе рассматриваются социальные и лингвистические основания данных предпочтений.

ЛИТЕРАТУРА

- А. В. Бондарко*. Реальность / ирреальность и потенциальность // *А. В. Бондарко (отв. ред.)*. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 72–79.
- А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин*. Русский глагол. Л., 1967.
- R. Argus*. Acquisition of requests in Estonian // *U. Stephany, A. Aksu-Koç, M. D. Voeikova (eds.)*. Acquisition of modality. Berlin — New York (forthcoming).
- U. Stephany, A. Aksu-Koç, M. D. Voeikova (eds.)*. Acquisition of modality. Berlin — New York (forthcoming).

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ ЦИРКУМФИКСОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Русские префиксально-постфиксальные глаголы уже не раз привлекали внимание исследователей, при этом основных вопросов обычно постулируется два. Во-первых, за сколько этапов происходит деривация таких глаголов — за один (тогда сочетание префикса и постфикса можно признать циркумфиксом) или за два (тогда имеет значение порядок дериваций)? Во-вторых, какова семантика этих глаголов и чем она определяется? В докладе мы попытаемся ответить на оба эти вопроса.

В [Киселева, Татевосов 2015] представлена гипотеза о том, что деривация приставочно-постфиксальных глаголов происходит в два этапа — на первом к глаголу добавляется приставка. У предельных глаголов при этом оказывается неспецифицированным подсобытие изменения состояния и доспецификация происходит за счет присоединения *-ся*, которое устанавливает кореферентность субъекта подсобытия деятельности и субъекта результирующего состояния. Однако представляется, что данный анализ не учитывает большое количество приставочно-постфиксальных глаголов, таких как глаголы с приставкой *до-* (*допить*, *доиграться*), которая сама по себе имеет свойство вводить предел, а также дериваты от предельных глаголов типа *накопался*. Представляется, что деривация приставочно-постфиксальных глаголов происходит в один этап и что все русские циркумфиксы имеют в своей семантике общий компонент.

Семантика таких глаголов обычно связывается с интенсивностью: так, в [Бондарко, Буланин 1967: 15, 18–19] эти глаголы выделяются в усилительный и интенсивный способы действия, то же самое постулируется в [Недолужко, Хорошкина 2014]. Но кажется, что семантика глаголов типа *истисался* и *отстоялся* весьма далека от интенсивности, а у глаголов типа *разговорился*, *заговорился* и *договорился* присутствуют разные компоненты значения. В докладе на основании корпусных данных выдвигается гипотеза, согласно

которой семантика русских циркумфиксов состоит в том, что они выражают вхождение субъекта действия, обозначенного производящим глаголом, в новое состояние. Будет показано, что это состояние не является результирующим; так, у глагола *разговориться* наступление этого состояния не совпадает с концом говорения — состояние наступило, а разговор продолжается. Основные свойства данного состояния определяются приставкой (в случае *разговориться* это кульминационное состояние, при *допиться* — состояние, обусловленное наступлением неблагоприятных последствий, и т. п.). Постфикс же несет своего рода антипассивную семантику — он маркирует частичную потерю субъектом агентивных свойств, понижение переходности клаузы и соответствующий переход процесса в состояние.

ЛИТЕРАТУРА

А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967.

К. Л. Киселева, С. Г. Татевосов. Гулял — нагулял — нагулялся. Заметки о структуре префиксально-постфиксальных глаголов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам конференции Диалог-2015. Вып. 14 (21). М., 2015. С. 272–283.

А. Ю. Недолужко, А. С. Хорошкина. «Вчера насочинялся ворох строк»: Productive circumfixal intensifying patterns in Russian // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам конференции Диалог-2014. Вып. 13 (20). М., 2014. С. 449–460.

ПРОБЛЕМА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ГЛАГОЛА И ГЛАГОЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ XVIII ВЕКА В ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Сложность лексикографического описания глагола и глагольной терминологии XVIII в. в историческом словаре состоит в том, что система глагола в это время находилась в процессе формирования; грамматисты наблюдали разные фазы этого процесса; кодификация в грамматиках была производна от теоретических установок их авторов. Это выражалось в том числе и в том, что в грамматиках этого периода по-разному интерпретировались глагольные формы, образованные от основ, характеризующихся разными способами глагольного действия.

Категория способа глагольного действия была введена М. Смотрицким: он противопоставил *первообразному виду производный вид* и выделил две его разновидности — *начинательный* и *учащательный*. Эти категории рассматриваются М. Смотрицким как словоизменительные: различия форм преходящего и прешедшего времен соотносятся у него с различиями глагольных основ. Эта схема описания сохраняется вплоть до начала XVIII в.; только в грамматиках Ф. Максимова и Ф. Поликарпова первообразные и учащательные глаголы получают самостоятельные парадигмы [Rönka 2005: 137–140].

В конце XVII — начале XVIII вв. создаются первые грамматики русского языка, в которых представлены различные способы описания глагола. Г. Лудольф и В. Е. Адодуров выделяют одно прошедшее время, выраженное *л*-формами, а способы глагольного действия рассматривают как словоклассифицирующую категорию. И. Э. Глюк, Э. Копиевич и Ж. Со́йе накладывают на русский материал классическую схему трех прошедших времен (IMPF, PF, LPPF), однако эти три подсистемы заполняются у них либо полностью идентичными формами, либо формами с различными основами. Церковнославянская система сохраняется в грамматике И.-В. Пауса, однако это приводит только к запутанному описанию со множеством искусственных форм. Наконец, у М. В. Ломоносова способы глагольного действия рас-

смагтриваються як словоизменительные категории, участвующие в образовании форм, обладающих различной семантикой [Rönka 2005: 165–167]. В одной парадигме среди выделенных им десяти глагольных времен встречаются и аналитические, и приставочные формы, и формы, образованные от разных основ. Такая трактовка способов глагольного действия и видовых различий как временных категорий сохраняется во многих грамматиках второй половины XVIII в. [Живов 2004: 578–601].

Таким образом, XVIII в. — это время попыток переосмысления традиционной книжно-славянской грамматической традиции при одновременной ориентации на европейские модели [Живов 2017: 2, 1001–1016]. В области описания глагола результатом этого стало создание сложных классификаций и конкурирующих терминологий, а также появление в грамматиках искусственных, редко используемых или вовсе отсутствующих в узусе форм. Именно поэтому выработка принципов представления глаголов и глагольной терминологии XVIII в. в современном историческом словаре является непростой задачей, над которой в настоящее время работает коллектив авторов «Словаря языка М. В. Ломоносова».

ЛИТЕРАТУРА

- В. М. Живов.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.
- В. М. Живов.* История языка русской письменности: в 2 т. М., 2017.
- R. Rönka.* У истоков русской и славянской аспектологической мысли. Описание темпорально-аспектуальных систем от первых трактатов до Николая Греча и Александра Востокова. Tampere, 2005.

РУССКИЙ ГЛАГОЛ У ДЕТЕЙ ЗА РУБЕЖОМ: ПОТЕРЯ ГРАММАТИКИ ИЛИ ЕЕ ВОЗНИКНОВЕНИЕ?

Последние десятилетия были ознаменованы глобальной миграцией. По данным Международной организации по миграции, только в 2014 году мигрировало около 214 млн. человек. Велико и количество русскоговорящих за рубежом: так, Министерство иностранных дел Российской Федерации указывает примерно на 30 млн. человек.

Развитие и отмирание грамматических и лексических категорий у людей, проживающих в странах, в которых не говорят на их родном языке (таких людей называют наследниками), стало предметом изучения разных теоретических направлений современной лингвистики. В последнее время стала меняться перспектива описания функционирования языка наследников: вместо отмирания языковых категорий говорят о динамике их изменения, вместо неполного усвоения русского языка пишут о возникновении новой грамматики или о перераспределении грамматических категорий в разговорном или письменном регистре.

Предметом данного исследования являются изменения грамматических категорий глагола у билингвальных русско-немецких детей и подростков, проживающих в ФРГ. Обсуждается вопрос реструктурирования системы глагольных категорий в процессе усвоения грамматической системы русского языка. Особое внимание уделяется разговорной речи дошкольников и письменной речи школьников младших классов. Используются лонгитюдные данные двух симультанных русско-немецких билингвов, а также устные и письменные рассказы по картинкам симультанных и сукцессивных русско-немецких билингвов.

В процессе усвоения глагольных категорий наблюдалось значительное влияние инпута на возникновение, последовательность и скорость усвоения языковых средств выражения вида и времени, а также числа, лица или рода. Некоторые типы ошибок были схожими с ошибками монолингвальных детей, например: *Я не знаю, как это*

**будет *сказать* (С. 3;7), *Не надо это *убрать* (С. 3;7). Примечательно, что дети поправляли себя в случаях неправильного употребления вида глагола: *Я тихо *оторвать *буду, тихо оторву* (С. 3;7) или замены семантически полнозначных глаголов глаголом *делать*: *Я мячик *чистую *делаю ... чищу* (С. 6;11). Такая вариативность форм остается у билингвальных детей достаточно долго.

Часто на инновативное употребление глаголов влияет становящийся доминантным немецкий язык. Так, под влиянием так называемого трансфера встречаются употребления типа *Наша команда потеряла* (С. 6;9) вместо *проиграла* или *Это платье мне стоит?* (С. 7;3) вместо *идет*.

В формообразовании глаголов отмечены инновации, типичные для монолингвов, например использование основы императива для образования формы прошедшего времени: Бабушка: *Давай, положи рот и пошли*. Ребенок: *Я уже *положила*; ср. Бабушка: *Не вертись*. Ребенок: *Почему не *вертись?* (С. 3;7). Такие инновации постепенно исчезают, если русский язык регулярно поддерживается. При недостаточном инпуте подобные употребления характеризуются устойчивостью, которая ведет к переструктурированию системы глагольных категорий и ее закреплению в устной и письменной речи детей.

Таким образом, развитие русского глагола у детей-наследников зависит от количества и постоянства инпута, а также от возраста, в котором начинается активный контакт с немецким языком. С точки зрения нормативной грамматики и русского литературного языка изменения в языке наследников считаются потерей грамматики. С точки зрения теории изменения грамматики системное и стабильное использование ненормативных элементов и их передача следующему поколению может привести к возникновению нового варианта категорий русского глагола.

Т. И. Галеев, В. Д. Соловьев
Институт филологии и межкультурной коммуникации
им. Льва Толстого, Казанский (Приволжский) федеральный
университет

ВАРИАТИВНОСТЬ О / А В КОРНЕ ВО ВТОРИЧНЫХ ИМПЕРФЕКТИВАХ: КВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ¹

Один из самых острых вопросов филологии, который, помимо специалистов, интересует широкие слои общества, — это вопрос о норме. Особое внимание в современных исследованиях стало уделяться изучению условий, при которых новый вариант по частоте употребления превосходит старый. С помощью статистических методов доказано, что более частотные английские глаголы меньше склонны к переходу из разряда неправильных в правильные (для *arise: arose* » *arised*) [Lieberman et al. 2007]. Аналогичные исследования выполнены и на основе анализа конкуренции глаголов из сильного и слабого спряжений глаголов немецкого языка [Carroll et al. 2012]. Эти работы подтвердили фактическими данными естественное предположение о том, что более частотные слова дольше сохраняют словоизменительный тип, а менее частотные слова легче изменяются под влиянием различных факторов.

Целью исследования является выявление закономерностей эволюции вариативных форм глагольной парадигмы на основе частотности их словоупотребления. Объектом исследования являются пары вторичных имперфективов с вариативностью гласных в корне (*удост-о / а-ивать*). При помощи корпуса Google Books Ngram объемом около 67 миллиардов слов были построены графики частотности 14 форм словоизменительных парадигм для 65 исследуемых глаголов (взятых по [Граудина 1977]) в интервале с 1800 по 2008 гг.

В результате анализа более 900 графиков динамики вариативных глагольных форм было обнаружено, что почти в половине

¹Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00165а «Когнитивная модель словоизменительной глагольной парадигмы в русском языке: квантитативный анализ динамики частотности словоформ»).

графиков (46%) конкуренция форм отсутствует. Из 65 глаголов 23 употреблялись в рассматриваемом временном интервале только с *a* в корне, 10 глаголов — только с *o* и у 17 произошла смена нормы. По остальным 15 глаголам ситуация остается неопределенной либо недостаточно данных для анализа. Вопреки ожиданиям, установлено, что раньше меняются более частотные глаголы. Так, средняя частота употребления 17 глаголов со сменой нормы — 0,002‰, в то время как у 10 глаголов, сохраняющих *o*, — 0,00012‰ (т. е. в 17 раз меньше). Обсуждаются возможные причины этого явления.

Другой изучавшийся вопрос сводится к следующему. Если у глагола меняется норма, то в каком порядке она меняется у его словоизменительных форм? Абсолютной закономерности нет, однако выявлена статистическая закономерность. Наиболее стабильной оказалась форма прошедшего времени муж. рода, далее следуют формы 3 л. ед. ч., инфинитив, деепричастие, 3 л. мн. ч., 1 л. ед. и мн. ч. Остальные формы малочастотны, в силу чего не рассматривались. Обсуждается связь полученной иерархии стабильности словоизменительных форм с их частотностью, местом в когнитивной иерархии ‘центр — периферия’, а также с результатами аналогичной работы по изучению вариативности суффиксов типа *алкаю* / *алчу* [Nesset, Janda 2010].

Случаев функционирования двух вариантных лексем в одинаковом объеме в последнее десятилетие XX в. практически нет, вопреки распространенному мнению о языковом хаосе постсоветской России.

ЛИТЕРАТУРА

- Л. К. Граудина.* Статистический критерий грамматической нормы // *Языковая норма и статистика.* М., 1977. С. 135–157.
- R. Carroll, R. Svarc, J. Salmons.* Quantifying the evolutionary dynamics of German verbs // *Journal of Historical Linguistics* 2012, 2, 2. P. 153–172.
- E. Lieberman, J.-B. Michel, J. Jackson, T. Tang, M. A. Nowak.* Quantifying the evolutionary dynamics of language // *Nature* 2007, 449. P. 713–716.
- T. Nesset, L. Janda.* Paradigm structure: evidence from Russian suffix shift // *Cognitive Linguistics* 2010, 21 (4). P. 699–725.

ДИСКУССИЯ О РУССКОМ ВИДЕ КАК ГРАММАТИЧЕСКОЙ
КАТЕГОРИИ СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНОГО *VS.*
КЛАССИФИЦИРУЮЩЕГО *VS.* СМЕШАННОГО ТИПА

В [Бондарко, Буланин 1967] при обсуждении места категории русского вида в типологии ГК приводятся две точки зрения: авторская, в соответствии с которой «вид <...> следует признать ГК смешанного типа — отчасти словоизменительного, отчасти классификационного» [Бондарко, Буланин 1967: 48], и точка зрения Ю. С. Маслова, считавшего русский вид категорией словоизменительной с дефектностью парадигмы на отдельных участках системы [Бондарко, Буланин 1967].

Несмотря на то, что с момента выхода в свет книги [Бондарко, Буланин 1967] прошло полвека, дискуссия так и не закрыта, тем более что в РГ-80 [РГ 2005] была дана однозначная характеристика вида как категории несловоизменительной [РГ 2005: 584]. Таким образом, налицо три различные трактовки категории вида русского глагола.

В недавнем перечне «болевых точек» русской аспектологии, сформулированных в [Храковский 2015], особое внимание также уделено характеристике вида как (слово)классифицирующей *vs.* словоизменительной ГК. Обсуждению этого вопроса, а также регулярности механизма суффиксальной имперфективации посвящена статья [Горбова 2017].

В [Храковский 2015] сформулировано пожелание к сторонникам словоизменительной трактовки русского вида предложить правило (не)образования вторичного имперфектива от префигированного перфектива. Это правило должно описать «мотивацию существующих запретов» [Храковский 2015: 328] для глаголов СВ, не принимающих суффиксальную имперфективацию.

Для приближения к решению поставленной задачи в докладе предполагается обсудить десять обозначенных как перфективные СД русского глагола в трактовке А. А. Зализняка и А. Д. Шмелева [Анна А. Зализняк и др. 2015: 110–135] с точки зрения применимости

к ним суффиксальной имперфективации, верифицируемой по НКРЯ (<http://www.ruscorgora.ru>).

Анализ проводится с учетом теории множественной префиксации и запрета на третичную имперфективацию, сформулированных С. Г. Татевосовым [Татевосов 2013]. В частности, именно последним объясняется (не)возможность имперфективации обладающих одинаковым инхоативным префиксом *за-* глаголов типа *запеть* (» *запевать*) и *запереживать* (» **запереживывать*). Во втором (но не в первом) случае селективно-ограниченный инхоативный префикс *за-* входит в имперфективную глагольную основу после введенного в нее на предшествующем этапе деривации имперфективирующего суффикса *-ва-* (*[за[[пере[жи]]^{IPFV}ва]^{IPFV}ть*), вследствие чего еще одна имперфективация уже невозможна, поскольку созданы именно те условия, в которых реализуется запрет на третичную имперфективацию.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ГК — грамматическая категория, (Н)СВ — (не)совершенный вид, PFV — перфектив (СВ), IPFV — имперфектив (НСВ)

ЛИТЕРАТУРА

- А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967.
- Е. В. Горбова. Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация или набор квазиграммем? // Вопросы языкознания 2017, 1. С. 24–52.
- Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелев. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М., 2015.
- РГ 2005 — Н. Ю. Шведова (гл. ред.). Русская грамматика. Т. 1. М., 2005.
- С. Г. Татевосов. Множественная префиксация и ее следствия // Вопросы языкознания 2013, 3. С. 42–89.
- В. С. Храковский. Категория вида в русском языке: болевые точки // Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Киото, 2015. С. 321–334.

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ ЧАСТНЫХ ВИДОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Актуальность разработки проблемы интенциональности заключается в продолжении разработки идей А. В. Бондарко. В своих работах ученый выделил интенциональность как особый уровень в стратификации семантики: «Функциональная интерпретация речевого смысла подчеркивает значимость фактора интенции говорящего в соотношении с результатом, достигаемым в речевом акте. Данное истолкование речевого смысла согласуется с общим принципом выделения в семантике высказывания а) словесно выраженного компонента и б) компонента, вытекающего из фоновых знаний и знания конкретной ситуации. При разной терминологии речь идет а) о собственно языковом содержании, носителями которого являются слова и формы, и б) о содержании, исходящем от ситуации и фоновых знаний участников речевого акта» [Бондарко 1998: 58].

Выбор глагольной формы с тем или иным видовым значением происходит на начальном этапе формирования высказывания и тесно связан с интенциями говорящего. Возможность конкуренции видов и актуализации аспектуальной семантики дает говорящим / пишущим свободу выразить мысль именно в той форме, которая более соответствует предполагаемому содержанию высказывания [Дунев 2001].

Интерпретация слушающим употребления глагольной формы НСВ в обобщенно-фактическом значении возможна в условиях конкуренции видов:

Я никак не могу забыть Вашего «звоните», брошенного мне со ступеньки трамвайного вагона. Для незнакомого такое «звоните» — это разрешение на продолжение знакомства. Для меня, знающего Вас, это «звоните» — всего лишь «до свидания», а «до свидания», к сожалению, ни на какое свидание не намекает. Если бы Вы сказали «позвоните» — это было бы не только Ваше разрешение, но и Ваше желание. Две буквы, а какая разница. «Позвоните» не говорится в первый день знакомства. (А. Рыбаков. Страх)

Опираясь на идеи А. В. Бондарко [Бондарко 1998, 2001], мы пытаемся выделить типы интенциональности аспектуальных значений: а) по способу актуализации грамматического значения; б) по типу интенции; в) по характеру частного видового значения.

Исследование языковых значений в высказывании и целостном тексте целесообразно соотносить с понятием интенциональности.

В рамках функционального анализа мы определяем два направления исследования: 1) от интенции к смыслу высказывания и текста; 2) от смысла текста к интенции автора.

По мысли А. В. Бондарко, «интенциональность выступает прежде всего как участие семантической функции того или иного языкового средства в смысле текста» [Бондарко 1998: 61].

ЛИТЕРАТУРА

- А. В. Бондарко.* О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики: материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. СПб., 1998. С. 51–63.
- А. В. Бондарко.* Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 4–13.
- А. И. Дунев.* Интерпретационный компонент в структуре интенционального содержания высказывания // Проблемы интерпретационной лингвистики: автор — текст — адресат. Новосибирск, 2001. С. 95–100.

В ЗАЩИТУ ПОНЯТИЯ СОСТАВНОГО СКАЗУЕМОГО

1. В последнее время в отечественной лингвистике все большую популярность приобретает понятие клаузы. Нельзя не признать его целесообразность: это удобное обозначение, охватывающее как развернутые в элементарное предложение, так и свернутые глагольные группы (по Я. Г. Тестельцу, в отсутствие знаменательного глагола возглавляемые также и связкой или ее грамматическим эквивалентом [Тестелец 2001: 256]).

2. Вместе с тем последовательное использование этого понятия приводит к отказу от понятия составного глагольного сказуемого. В самом деле: в любом предложении с таким сказуемым, следуя указанному подходу, приходится констатировать наличие 1) группы, возглавляемой фазисным или модальным глаголом (*я начинаю, я хочу*), 2) группы, возглавляемой инфинитивом (*читать лекцию, выучить французский*). В пределе это ведет к признанию простых предложений с составным глагольным сказуемым не простыми, а «полипредикатными», то есть, судя по всему, сложными (ср. [Циммерлинг 2013: 57, 96–97, 137, 261–262, 472, 480, 483]). В работе [Летучий 2014] конструкции типа *решили подобрать, любит кататься* интерпретируются как ПЕРЕХОДНЫЙ ГЛАГОЛ + НЕКАНОНИЧЕСКОЕ ПРЯМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ, выраженное сентенциальным актантом — инфинитивным оборотом, то есть, в сущности, тоже как сложное предложение.

3. При этом, однако, последовательность соблюдается только с формальной точки зрения. Как из упомянутого определения клаузы у Я. Г. Тестельца, так и из толкований термина *clause* в англоязычных работах очевидно, что клаузой является такая группа, которая либо развернута, либо может быть развернута в полноценное простое предложение. Собственно, изначально этим термином в англоязычной традиции и было принято именовать или простое, или предикативную часть сложного предложения.

Представить себе полноценные простые предложения с абсолютными употреблениями глаголов *Я начинаю, Я хочу, Мы решили, Он любит* невозможно. Такие фрагменты могут функционировать только в качестве неполных предложений, когда ясное из контекста / ситуации опускается. Особенно показательны в этом смысле два

последних примера. *Мы решили* возможно как неполное предложение, служащее ответом, допустим, на вопрос: *Кто решил эту задачу?* Но значение глагола в этом случае вовсе не то, что мы имеем в случае *Мы решили подобрать еще несколько примеров*. *Он любит* возможно как полное предложение с абсолютным употреблением глагола только в том случае, когда сам глагол *любить* используется отнюдь не в том значении, которое он имеет в сочетании *любит кататься*.

Вывод: признание за сочетаниями типа *я начинаю, я хочу, мы решили, он любит* статуса клаузы возможно только при полном игнорировании семантики. Если же ее учитывать, то придется отказать таким сочетаниям в праве именоваться развернутыми предложениями (речь о развернутых предложениях потому, что в них фигурируют финитные формы). Иными словами, клауз такого типа не существует, а трактовка конструкций вида *Я хочу выучить французский язык* как «полипредикатных» ошибочна.

4. Предикат в этих конструкциях один. В базовой реализации он не осложняется ни фазовыми, ни модальными оттенками (*Я выучу французский язык*). Появление вспомогательного глагола вносит такие оттенки, но нет никаких оснований видеть в этой модификации (не более!) появление второй предикации и второго предиката.

Если, конечно, не отбрасывать семантику за ненадобностью.

ЛИТЕРАТУРА

- А. Б. Летучий. Переходность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2014.
- Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- А. В. Циммерлинг. Системы порядка слова славянских языков в типологическом аспекте. М., 2013.

PRÆSENS HISTORICUM В РАННЕДРЕВНЕРУССКИЙ ПЕРИОД¹

Изучению настоящего исторического несовершенного и совершенного видов в славянских языках была посвящена кандидатская диссертация А. В. Бондарко (1958) (опубликована в [Бондарко 2005]). Автор обнаружил примеры настоящего исторического несовершенного вида с событийным значением в старославянских источниках — Мариинском, Зографском, Ассеманиевом евангелиях и Супрасльской рукописи [Бондарко 2005: 569 и др.].

При рассмотрении Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской I летописей, «Вопрошания Кирикова» и «Хожения игумена Даниила» Е. А. Мишиной было найдено всего лишь 9 случаев употребления настоящего исторического несовершенного вида, среди которых не нашлось примеров с событийным значением [Мишина 1999: 151].

М. В. Новикова приводит цепочки из 68 форм *præsens historicum* в «Слове о полку Игореве» и отмечает, что это фактически единственный текст раннего периода, в котором настоящее историческое активно используется автором как художественно-образительное средство ментального совмещения действия и сообщения о нем [Новикова 2016: 103].

Однако цепочки форм настоящего исторического (или драматического настоящего), наряду с одиночными формами, как показал анализ, представлены в произведениях современника «Слова о полку Игореве» Кирилла Туровского.

В недавнем диссертационном исследовании Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского, ранний перевод которого, как показал К. И. Невоструев, был известен Кириллу Туровскому, также приводятся цепочки форм настоящего исторического, которые, однако, являются, как правило, калькой с греческих форм [Федорова 2017: 217–232]. Вместе с тем мы не обнаружили у Кирилла Туровского прямых заимствований подобного рода форм: они принадлежат оригинальным фрагментам его проповедей.

¹Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 15-04-00283).

ЛИТЕРАТУРА

- А. В. Бондарко.* Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного вида в славянских языках // *А. В. Бондарко.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005. С. 425–608.
- Е. А. Мишина.* Типы употребления презенса совершенного вида в восточнославянских памятниках XI–XV вв. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999.
- М. В. Новикова.* Особенности нарративных функций видо-временных форм в севернорусских былинах в сопоставлении с памятниками русской письменности XII–XVII вв. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2016.
- Е. В. Федорова.* Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского в древнейшем славянском переводе: лингвотекстологический анализ. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2017.

ВИДЫ ГЛАГОЛА В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

А. В. Бондарко предложил описывать функционирование видов в литературном языке с помощью четырех аспектуальных ситуаций и представленных в них частных аспектуальных смыслов. Это ситуации единичного конкретного действия, повторяющегося действия, постоянного отношения и обобщенного факта [РГ 1980: 604–605]. Данные ситуации носят универсальный характер, поэтому оказалось весьма плодотворным использование этой теории для описания употребления глаголов разных видов и в диалектной речи [Закревская 2002].

Цель данного доклада — представить некоторые особенности употребления глаголов совершенного и несовершенного видов в диалектах как факт устной речи вообще. Материалом послужили собственные записи диалектной речи, осуществленные в разных районах Архангельской области (в последние несколько лет — преимущественно в Каргопольском районе). Анализ позволил выявить следующее.

1. Более последовательный по сравнению с кодифицированным языком процесс имперфективации: *сделать* — *сдельвать*, *сочитать* — *сосчитывать*, *докупить* — *докупать* (*Я сосчитывала 50 вдовиц. Докупали-то немного кирпичей*).

2. Активное употребление так называемых многократных глаголов (*Овцу сама зарежу, телёнка не резывала. Не люблю спорить, я и в деревне ни с кем не спаривала. Я ни у кого соли не спрашивала*).

3. Параллельное существование имперфективов, образованных по разным морфонологическим моделям: *угореть* — *угорать* — *угаривать* — *угоревать*; *спросить* — *спрашивать* — *спрошиивать* — *спрошиивливать*.

4. Более широкий функциональный диапазон глаголов совершенного вида (по сравнению с литературным языком), а именно: свободное употребление в контекстах кратного и длительного действия (*Так расстроюсь каждый раз с ним. 101 раз дождик принялся*).

Они всё на лодках уплывут, а нам надо по горе бежать. Привыкла потом да привыкла). На возможность совмещения значения длительности действия с совершенным видом обратил внимание А. В. Бондарко еще в книге «Русский глагол» [Бондарко, Буланин 1967: 30].

5. Свободное варьирование в одном контексте глаголов разных видов:

Встанем, походим в кадрель. К утрию нать к обыходу домой. Корзинка на руке и пошел, на день хлебушка возьмишь. Губки сожала. Слова лишнего не скажет. А бежали вместе, по одной дороге. Нать семь раз переодеться в святки. Отец меня жалел да тешил. Не одиново-то переоденемся. Сама себя не изнахратила. В тихих омотах черти в хомутах. Сидеть недосуг — надо всё плясать русского. Потом стали в кадрель ходить. Мне нать кружиться больше, обкружу всех. Что прожито — помнишь, а что не жито — не знаешь.

По словам А. В. Бондарко, «благодаря обращению к уровню высказывания исследователь получает возможность наиболее полно и адекватно описать и объяснить функционирование и взаимодействие различных компонентов аспектуальности в высказывании» [Бондарко 1982: 4].

ЛИТЕРАТУРА

- А. В. Бондарко. Аспектуальные ситуации и вопрос о «категориальных ситуациях» в грамматике // Уч. зап. Тарт. ун-та 1982, 625. С. 3–20.
- А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967.
- В. А. Закревская. Употребление приставочных глаголов совершенного и несовершенного видов в диалектной речи (на материале архангельских народных говоров). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002.
- РГ 1980 — Русская грамматика. Т. I. М., 1980.

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ СООТНОШЕНИЯ ПРИЧАСТИЙ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ НА -М И НА -СЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В книге «Русский глагол» выделяются две формы страдательного залога в русском языке: возвратные формы переходных глаголов (*разносятся*) и страдательно-причастные формы переходных глаголов (*побежден*) [Бондарко, Буланин 1967: 151]. Следуя общей логике образования форм страдательного залога посредством залогового суффикса *-ся*, Л. Л. Буланин относит также и причастия настоящего и прошедшего времени на *-ся* к страдательным причастиям (*читающийся, читавшийся*), при этом причастия с суффиксом *-ем-, -им-* считаются «грамматическим синонимом» причастий настоящего времени на *-ся* [Буланин 1976: 153]. Академические грамматики современного русского языка, однако, не включают причастия на *-ся* в разделы, посвященные страдательным причастиям настоящего времени [Грамматика 1960: 508–509; Грамматика 1970: 419; Грамматика 1980: 667]. Несмотря на то, что во многих случаях причастия настоящего времени на *-ся* являются единственной формой, употребляющейся в пассивном значении (ср., например: *кладущийся* — **кладомый, моющийся* — **моемый, пишущийся* — **пишимый, поющийся* — **поёмый, шьющийся* — **шьёмый* и др.), эти причастия не нашли своего отражения и в словаре причастных форм И. К. Сазоновой [Сазонова 1989]. Таким образом, возвратная форма причастия настоящего времени в пассивном употреблении оказалась не описанной ни в грамматике, ни в словаре. Долгое время не получал своего более подробного исследования и затронутый Л. Л. Буланиным вопрос о «грамматической синонимии» причастных форм на *-м* и на *-ся* [Буланин 1976: 153]¹.

Положение изменилось в последнее десятилетие в связи с интенсивным развитием корпусных методов обработки и анализа языкового материала: пассивные формы на *-ся*, в том числе и причастные формы на *-ся* в пассивном употреблении, снова привлекли внимание исследователей (см., например, [Коломацкий 2009; Холодилова 2011; Сай 2016]).

¹Исключение составляет работа Н. Герритсен [Gerritsen 1988].

Было, в частности, показано, что отношения между анализируемыми формами причастий нельзя отнести ни к отношениям дополнительной дистрибуции, ни к свободному варьированию. В ряде случаев причастные формы могут конкурировать друг с другом в похожих контекстных условиях, как в примере (1):

- (1) а. *Резкое падение рождаемости, **отмечающееся** с начала 90-х годов прошлого столетия, привело к усилению процесса демографического старения.*

[«Вопросы статистики», 2004.11.18, НКРЯ]

- б. *Спад грузоперевозок, **отмечаемый** с начала 90-х годов, повлиял на снижение доходов, а следовательно, и уменьшение инвестиций для воспроизводства основных фондов.* [«Восточно-Сибирская правда» (Иркутск), 2003.06.10, НКРЯ]

Однако во многих случаях наблюдается предпочтительное употребление той или иной формы, о чем свидетельствует распределение частотностей их употребления [Сайт 2016: 442]. Таким образом, вопрос о том, какую из конкретных форм и в каком значении можно или предпочтительнее употребить в том или ином контексте (*издаваемый* или *издающийся*, *продаваемый* или *продающийся*, *характеризуемый* или *характеризующийся*, *хранимый* или *хранящийся* и т. п.), остается по-прежнему открытым и требует дальнейшего изучения. Описание лексико-грамматического профиля каждого глагола с учетом частотности употребления его значений и форм — задача будущих составителей специализированных словарей, основанных на реальном употреблении (ср. англ. термин *usage-based dictionaries*).

В настоящем исследовании предпринимается более скромная попытка анализа функционирования ряда причастий настоящего времени страдательного залога. Целью исследования является выделение типов соотношения причастий на *-м* и причастий настоящего времени на *-ся*. Нас интересуют в первую очередь примеры, когда обе формы возможны, однако во внимание принимаются и случаи отсутствия формы на *-ся* в пассивном значении. Исходным материалом исследования послужила частичная выборка причастных форм на *-м* из словаря И. К. Сазоновой (1989). Эти причастные формы затем проверялись на возможность образования причастной формы от финитного возвратного глагола с той же основой. Ср.: *продавать* — *продаваемый* и *продаваться* — *продающийся*. При дальнейшем анализе

учитывалось лексическое значение глагола и особенности выражения партиципантов с гиперролями Субъект (подлежащее активной конструкции) и Объект (прямое дополнение активной конструкции) (термины В. С. Храковского, см. [Храковский 1991: 148]).

В результате предварительного анализа был выделен ряд типов соотношения анализируемых причастных форм в ситуациях 1) с глаголами эмоционального отношения (*любимый* — **любящийся*) и с глаголами эмоционального и ментального воздействия (*обижаемый* — *обижающийся*, *убеждаемый* — *убеждающийся*), у которых форма на *-м* является единственной формой выражения пассивного значения в настоящем времени, а форма на *-ся*, если она образуется, не имеет пассивного значения; 2) с глаголами эмоциональных действий и процессов (*переживаемый* — *переживающийся*); 3) с глаголами конкретных физических действий: а) с глаголами приготовления (*варимый* — *варящийся*), где значительно преобладает форма на *-ся*; б) с глаголами различных действий, направленных на прагматически важный для жизнедеятельности человека объект (*глотаемый* — *глотающийся*, *читаемый* — *читающийся*), причастные формы которых часто выступают в пассивно-качественном значении. Особое внимание уделяется глаголам, обозначающим действия и деятельности, по природе своей осуществляемые в течение длительного промежутка времени и / или имеющие обыкновение повторяться. В этой многочисленной группе наблюдаются различные соотношения исследуемых причастных форм (*воспитываемый* — *воспитывающийся*, *изучаемый* — *изучающийся*, *продаваемый* — *продающийся* и т. п.).

ЛИТЕРАТУРА

- А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин.* Русский глагол. Л., 1967.
- Л. Л. Буланин.* Трудные вопросы морфологии. М., 1976.
- Грамматика 1960 — Грамматика русского языка. Т. I. М., 1960.
- Грамматика 1970 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
- Д. И. Коломацкий.* Дистрибуция русских пассивных форм: корпусное исследование. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.

- И. К. Сазонова.* Русский глагол и его причастные формы. М., 1989.
- С. С. Сай.* Страдательное причастие настоящего времени // *В. А. Плунгян (отв. ред.)*. Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I. СПб., 2016. С. 389–445.
- М. А. Холодилова.* Релятивизация О-участника при пассиве в русском языке. Выпускная квалификационная работа бакалавра лингвистики. СПб., 2011.
- В. С. Храковский.* Пассивные конструкции // *А. В. Бондарко (ред.)*. Теория функциональной грамматики. Персональность, залоговость. СПб., 1991. С. 141–180.
- N. Gerritsen.* How passive is 'passive' *-sja?* // *A. A. Barentsen, B. M. Groen, R. Sprenger (eds.)*. Dutch contributions to the tenth international Congress of Slavists, Sofia, September 14–22, 1988 [Studies in Slavic and general linguistics 1]. Amsterdam, 1988. P. 97–180.

ДЕЕПРИЧАСТΙΑ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

В современной поэзии, начиная со второй половины XX в., деепричастие оказалось очень востребованным и подверженным многим экспериментам. Это объясняется преимущественно такими свойствами этой глагольной формы.

1. Функцией обозначать второстепенное действие, сопутствующее главному. Поэты противопоставляют этой общепринятой картине мира свою — с измененной иерархией главного и второстепенного. Например, ироничное стихотворение В. Строчкова «Затянувшееся танка» построено на длинной цепочке из 35 деепричастных оборотов внутри одного предложения, описывающих действия в течение дня и предшествующих заключительной строке «всё думал напряжённо о другом», в которой глагол обозначает не физическое, а ментальное действие. Главная мысль стихотворения: действия, из которых состоит жизнь, второстепенны, главное — то, что человек думает, но оно в действиях не воплощается.

В стихотворении того же автора «Деепричастность» содержится 37 деепричастий, при том, что ни субъект, ни предикат вообще не обозначены. Деепричастиями выражены преимущественно не действия, а изменения состояний в метафоре «жизнь — сон». Кольцевая композиция «Засыпая <...> Засыпая» вместе с заглавием стихотворения указывает на то, что причастность к действию есть, а действия нет.

2. Происхождением деепричастий из причастий, совмещающих атрибутивную и предикативную функции. Поэты, особенно склонные к традиционно-поэтической изобразительной архаике, употребляя деепричастия, реставрируют синкретизм, подобно метафоре, объединяющий разное. Встречаются тексты, в которых деепричастие может читаться как определение к существительному-субъекту:

И если жизнь пред Господом не битва,
То что же вопль мой, дух **вооружа**?..;

кто мы такие, **играя** ножами?

(А. Аргутин)

Ряд примеров показывает усиление у деепричастия предикативной функции в контекстах без личного глагола или инфинитива:

О, мощь империи,
 политика барокко:
 На иноверие **косясь** косматым оком,
 Мятежникам **крича**:
 назад, назад, не смей
 И воинов **крестя**
 в безумие и смерть. (С. Стратановский)

Вероятно, такой грамматический архаизм воспринят через поэтику О. Мандельштама («И, тоненький бисквит **люмая** / Тончайших пальцев белизна»).

Воспроизводится структура оборота типа «встав и рече», в котором союз «и» соединяет однородные члены предложения:

Я помню запах человека,
 гонимого еще недавно.
 Лежал он, как собор, в соборе,
 и головой цветы **сминая**. (А. Миронов)

Синтаксическим архаизмом можно также считать некореферентное употребление деепричастия и глагола с субъектом действия:

Я тихо думаю о том,
 Как хорошо бы все устроилось,
 И обошлось, и успокоилось,
Имея каждый — личный дом. (Ю. Ким)

На основе нормативной кореферентности Т. Кибиров создает текст с неопределенностью субъекта:

Не поддаваться давай... Канарейкам **свернувши** головки,
 здесь развитой романтизм воцарился, быть может, навеки.

3. Вариантностью формообразовательных аффиксов, позволяющих создавать как стилистическую гармонию с темами и образами текстов, так и стилистический диссонанс:

Между тем имею зависть
 к тем, кто славу Аполлона
 бесконечно умножает,
сочиняючи стихи. (В. Ботева)

Иногда ненормативные в современном языке деепричастия совпадают с правильными формами грамматического рода бывших причастий. У Б. Ахмадулиной при резком стилистическом контрасте

приставки и суффикса в неологизме «восплывши» воспроизводится архаическая форма женского рода:

Иль то усталость моего же лба,
восплывши в небо, надо мной смеялась?

4. Многочисленными нормативными ограничениями на системное формообразование, создающими лакуны и тем самым побуждающими к языковой рефлексии:

карамельку **лижа**
или все же **лизя**,
нет, «**лизя**» говорить
однозначно нельзя. (Д. Легеза)

Поэты часто следуют логике языка, образуя деепричастия *спя, едя, хотя, мяя, пахня, пухня, пъя, бъя, шья, жгя, чеша, пиша, толча, стрижа*.

5. Омонимией с некоторыми существительными и прилагательными, создающей грамматическую неоднозначность и способствующей языковой игре:

То ли остров не тот, то ли впрямь, **залив**
синевой зрачок, стал твой глаз брезглив; (И. Бродский)
Хромая и как бы случайная
Весна забрела на Валдай. (С. Соколов)

6. Глагольностью деепричастий, позволяющей путем чресступенчатого формообразования создавать имплицитные личные глаголы-неологизмы:

захлебнется разум и, раскован,
промется, вырвется из плена. (В. Строчков)

Встречаются и деепричастия-неологизмы, не совпадающие с существительными, например:

И крылышки моли из шкапа летят, **нафталя**;
(В. Гандельсман)

чуть дышало окно,
паруся занавески. (В. Гандельсман)

В таких случаях получается, что производность форм обратна нормативной — не от личного глагола к деепричастию, а от авторского деепричастия к личному глаголу.

Итак, множество поэтических экспериментов с деепричастиями показывает, насколько эта глагольная форма насыщена и грамматическими, и лексическими смыслами, а также способна и к архаизации, и к неологизации.

ПАРАДИГМА ФОРМ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА

В главе «Категория залога» книги «Русский глагол» [Бондарко, Буланин 1967] Л. Л. Буланин предложил, на наш взгляд, одно из самых точных и исчерпывающих описаний залоговых противопоставлений спрягаемых форм в русском языке. Отметим, что в последующей, также ставшей классической работе «Трудные вопросы морфологии» Л. Л. Буланин представил оригинальную характеристику возвратных действительных причастий, функционирующих в пассивных конструкциях типа *книги, читающиеся школьниками* [Буланин 1976].

Если формы страдательного залога глаголов несовершенного вида (*дом строится рабочими*) не вызывают у большинства исследователей вопросов, а некоторыми лингвистами признаются чуть ли не единственными представителями категории залога в русском языке, то формы страдательного залога глаголов совершенного вида типа *дом построен известным архитектором* до сих пор не находят однозначного морфолого-синтаксического описания.

Характеризуя спрягаемые формы страдательного залога глаголов совершенного вида, Л. Л. Буланин называет их «страдательно-причастными» [Бондарко, Буланин 1967: 151], особо подчеркивая словоизменительный характер категории залога в русском языке: *был побежден* (пример Л. Л. Буланина) — это страдательно-причастная форма глагола *победить*. Следовательно, если *был побежден, будет побежден* — это формы страдательного залога глагола *победить*, то подобные им формы следует признать аналитическими формами страдательного залога спрягаемых глаголов совершенного вида, что влечет за собой признание за такими формами статуса простого глагольного сказуемого, а не составного именного, который до сих пор им приписывается.

Описание взаимодействия спрягаемых форм страдательного залога глаголов совершенного вида также нашло отражение в книге «Русский глагол», однако Л. Л. Буланин в первую очередь сосредоточился на соотношении залоговых форм с категорией

вида глагола. Как нам кажется, дополнительного анализа требуют вопросы взаимодействия форм страдательного залога глаголов совершенного вида с категориями времени и наклонения. Если считать «страдательно-причастные» формы типа *написан, побежден, вырыт* и т. п. формами страдательного залога глаголов совершенного вида, то закономерен вопрос о наличии (или отсутствии) у них форм наклонения и времени, т. е. парадигмы, аналогичной формам страдательного залога глаголов несовершенного вида. Ср.: *Дом будет строиться известным архитектором* — аналитическая форма будущего времени страдательного залога глагола несовершенного вида; *Если бы дом строился известным архитектором, то...* — аналитическая форма сослагательного наклонения страдательного залога глагола несовершенного вида. В таком случае примеры типа *Дом будет построен известным архитектором* и *Если бы дом был построен известным архитектором* также необходимо признать формами сослагательного наклонения и будущего времени страдательного залога глаголов совершенного вида. Однако современные исследования по морфологии глагола отказывают подобным формам в статусе аналитических форм страдательного залога глаголов совершенного вида, что, на наш взгляд, во многом связано с представлением об отсутствии у причастий форм наклонения и будущего времени, в то время как формы типа *построен, был построен, будет построен, был бы построен* не являются атрибутивными формами глагола, а входят в парадигму спрягаемых глагольных форм совершенного вида.

ЛИТЕРАТУРА

А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967.

Л. Л. Буланин. Трудные вопросы морфологии. Пособие для учителей. М., 1976.

ПОВЕЛИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С МОДАЛЬНЫМИ ЧАСТИЦАМИ В РУССКОЙ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

В настоящем докладе рассматривается функционирование повелительных высказываний с модальными частицами *пусть* (*пускай*) и *давай* в русской детско-родительской коммуникации.

Такие высказывания включают как сочетания, входящие в императивную парадигму русского языка [Храковский, Володин 1986], — формы совместного действия (гортатив) с *давай*: *Давай почитаем!*; повеление, обращенное к исполнителю в третьем лице (юссив) с *пусть*: *Пусть он читает!* — так и другие побудительные конструкции, например сочетание частицы *давай* с императивом: *Давай читай!*

Материалом исследования служат корпусы записей спонтанных диалогов детей в возрасте от полутора до четырех лет и их родителей, также приводятся данные устного подкорпуса НКРЯ.

В речи детей встречаются конструкции, в которых модальные частицы *пусть* и *давай* функционально не разделены: *Давай пусть сюда уберем* (2 г. 8 м.), *пусть* сочетается с контекстом, типичным для частицы *давай*: *Пусть покажешь* (2 г. 10 м.). Кроме того, присутствует значительное число контекстов, где эти частицы в диалоге оказываются взаимозаменяемыми: *Пусть / Давай там козленок живет*. С другой стороны, высказывания с *пусть* и *давай* в наиболее типичных своих употреблениях покрывают разные коммуникативные ситуации, не равноценные для детско-родительского взаимодействия, и, вследствие этого, демонстрируют различную сочетаемость с типами предикатов и участников коммуникативной ситуации, а также усваиваются ребенком в разные возрастные периоды: гортативы и другие побуждения с *давай* — относительно рано (после полутора лет), юссивы — на третьем году жизни.

¹Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект №14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

Для детской речи несхожесть рассматриваемых конструкций не сводится к лицу каузируемого субъекта. Значение конструкций с *давай* — это каузация действия, подразумевающая его контролируемость и наличие агентивного исполнителя: *Ведерко давай сделаем* (2 г. 8 м.), в то время как для конструкций с *пусть* только малая доля высказываний включает исполнителя, способного совершить действие. В 80% высказываний «юссив» обращен к слабо- или неагентивному поверхностному субъекту, игрушке или предмету, что в большинстве случаев делает адресата высказывания реальным исполнителем каузируемого действия. С этим может быть связано статистически значимое расхождение между данными детско-родительской коммуникации и устным подкорпусом НКРЯ в употреблении переходных глаголов, учитывая их связь с контролируемостью и агентивностью [Hopper, Thompson 1980]: на примере корпуса «Лиза» показано, что в обращенной к ребенку речи в конструкциях с частицей *давай* 72% переходных глаголов, с *пусть* — только 33%, тогда как в обследованной выборке НКРЯ переходные и непереходные глаголы в сочетании с двумя типами побудительных конструкций распределены поровну.

ЛИТЕРАТУРА

- В. С. Храковский, А. П. Володин.* Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.
- P. Hopper, S. Thompson.* Transitivity in grammar and discourse // *Language* 1980, 56 (2). P. 251–299.

СООТНЕСЕННОСТЬ КАТЕГОРИЙ *ГЛАГОЛ* И *ПРЕДИКАТИВ* В АВТОРИЗОВАННОМ ПРОЧТЕНИИ

Взгляд на грамматический строй языка с функциональных позиций, продиктованный исторически обусловленным развитием науки, потребовал расширения исследовательского объекта (часто сводимого к морфологической форме) за счет синтаксических, словообразовательных, лексических, стилистических и других языковых средств с учетом их взаимодействия. Тем самым создавалась наиболее эффективная платформа для постижения структурно-семантической и модусной сущности не только предложения-высказывания, но и текста, начиная с его фрагментов, в большей или меньшей степени структурированных (ср. сверхфразовое единство (ССЕ) и «сегмент текста»).

Весьма впечатляющее место в продвижении этих фундаментальных лингвистических идей принадлежит А. В. Бондарко, который останется в памяти не только как «идееносец», но и как тщательный исследователь, воспитавший плеяду талантливых учеников.

Наиболее известным итогом деятельности уникальной школы А. В. Бондарко явилась шеститомная «Теория функциональной грамматики» [ТФГ 1987, 1990, 1991, 1992, 1996а, б], первый том которой включал, кроме теоретического «Введения», разделы «Аспектуальность», «Временная локализованность» и «Таксис». Результаты осмысления этих теоретических посылок в специальной литературе оценивались неоднократно, но история их возникновения и углубления, по существу, оставалась за кадром.

А. В. Бондарко, ученика Ю. С. Маслова, глагол, с его глубинно-интригующей категорией вида, покорила властно и навсегда. Уже в конце 50-х годов в «Славянском языкознании» появилась его знаменитая статья «О настоящем историческом в славянских языках с точки зрения глагольного вида». Целесообразно хронологически проследить всю аналитическую цепочку, принадлежащую ученому, с точки зрения вхождения в круг анализа не только таких привычных лингвисту категорий, как вид, время, залог, но и захватывающих

грамматическое воображение понятий категориальной ситуации, функционально-семантического поля, среды. Весьма показательно, что аббревиатуры КС и ФСП приобрели общепринятый терминологический характер.

П. Флоренский сравнивал роль вновь предложенного и утвердившегося термина с математической формулой, номинативно подытоживающей увенчавшийся успехом научный поиск. Упомянутая в заглавии соотношенность глагола и предикатива не дань грамматической традиции, а обозначение звеньев исследовательского пути А. В. Бондарко, каждое из которых становилось научным событием.

Блок «Предикативность» стал главным по полемическому накалу на знаменитой ленинградской международной конференции «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков» (1971). Спор шел преимущественно о вхождении / невхождении в предикативность, помимо модальности и синтаксического времени, категории синтаксического лица. А. В. Бондарко же выступил не в жанре полемики, а в свойственном ему жанре «исследовательской дополнительности», предложив дополнить триаду В. В. Виноградова категорией временной локализованности, тем самым отчасти намечая перспективу для углубления интегрально-дифференциальных возможностей исследований речевой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- ТФГ 1987 — *А. В. Бондарко (отв. ред.)*. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- ТФГ 1990 — *А. В. Бондарко (отв. ред.)*. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- ТФГ 1991 — *А. В. Бондарко (отв. ред.)*. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- ТФГ 1992 — *А. В. Бондарко (отв. ред.)*. Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб., 1992.
- ТФГ 1996а — *А. В. Бондарко (отв. ред.)*. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб., 1996а.
- ТФГ 1996б — *А. В. Бондарко (отв. ред.)*. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996б.

ПОЧЕМУ (У)ВИДЕННЫЙ? (ЗАГАДКА ОДНОГО ПРИЧАСТИЯ)

Как известно, русские глаголы II спряжения не на *-ить* делятся на две группы: оканчивающиеся на *-ать* (после шипящих и [j]); тип *держать*) и оканчивающиеся на *-еть* (после прочих согласных; тип *вертеть*).

Глаголы типа *держать* образуют страдательное причастие прошедшего времени (прич. страд. прош.) с сохранением тематической морфемы *-а-*, к которой прибавляется *-нн(ый)*, ср. *удержать* — *удержанный*, *отлежать* — *отлежанный*, *настоять* — *настоянный* и неск. др. Эта модель соответствует общему правилу образования прич. страд. прош. и поддерживается бесчисленным множеством глаголов на *-ать*, принадлежащих к другим классам, ср., например, *смешать* — *смешанный*, *склевать* — *склёванный*, *написать* — *написанный*, *послать* — *посланный*, *передать* — *переданный* и т. д. и т. п.

Глаголы типа *вертеть*, вопреки всем правилам, образуют прич. страд. прош. с отсечением тематической морфемы *-е-*, прибавлением суффикса *-нн(ый)* и переходным смягчением согласных, т. е. как бы от основы настоящего (!) времени, ср. *завертеть* (*заверчу*) — *заверченный*, *обидеть* (*обижу*) — *обиженный*, *вытерпеть* (*вытерплю*) — *вытерпленный* и неск. др. Возникновение данной модели естественно приписывать влиянию чрезвычайно обширного и продуктивного класса глаголов II спряжения на *-ить*, для которых такой способ образования прич. страд. прош. является единственно возможным, ср. *разбудить* (*разбужу*) — *разбуженный*, *спросить* (*спрошу*) — *спрошенный*, *вставить* (*вставлю*) — *вставленный* и т. д.

При этом, однако, среди глаголов типа *вертеть* имеется «исключение из исключения»: глагол *видеть* и его приставочные производные (прежде всего *увидеть*) образуют прич. страд. прош. без чередования: *виденный*, *увиденный*. Это тем более удивительно, что глагол *обидеть* по происхождению также является приставочным производным от *видеть*.

Вопрос о причинах аномальности глагола *видеть* в исследованиях по русской морфологии, как кажется, раньше не ставился. Мы полагаем, что такой причиной является тенденция к максимальному

сходству поведения глаголов *видеть* и *слышать*, применительно к прич. страд. прош. создающая морфологическую пропорцию

$$(y)слыша-ть : (y)слыша-нн(ый) = (y)виде-ть : ?,$$

откуда ? = (y)виде-нн(ый).

В докладе рассматриваются различные факты, свидетельствующие о том, что такая тенденция не просто может быть постулирована «из общих соображений», но и действительно имеет место. К числу таких фактов относятся наличие у глаголов *видеть* и *слышать* особых коррелятов с очень нетривиальными свойствами *видать* и *слыхать*, устойчивое выражение *видом не видывал*, *слухом не слыхивал*, в котором не только форма *слухом* не встречается ни в каких других контекстах, но и форма *видом* лишь «притворяется» творительным падежом от обычного существительного *вид*, и др. — вплоть до многовекового бытования в истории русского языка двух лексем с одинаковой и при этом абсолютно уникальной моделью словоизменения: *око* и *ухо*.

МЕНТАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В РАННЕЙ ДЕТСКОЙ РЕЧИ: ФОРМЫ, ФУНКЦИИ, КОНТЕКСТ¹

В докладе обсуждается онтогенез ментальных глаголов (модальных / интенциональных / пропозициональных предикатов **мнения** (полагания) и **знания**, далее — МГ) в речи русскоязычных монолингвальных типично развивающихся детей раннего возраста. Усвоение данной семантической группы глаголов весьма нечасто попадает в поле зрения зарубежных ученых [Tomasello 2003], не изучен этот процесс и на материале русского языка. Вместе с тем предикаты ментальной семантики являются существенным элементом так наз. модального языка (*modal language*), с помощью которого происходит начальная вербализация **субъективной** сферы говорящего, а именно находят эксплицитное выражение представления ребенка о себе и Другом (*Theory of mind*).

В данном исследовании анализ прототипичных МГ *знать*, *думать* и *считать* ('полагать') сопряжен с изучением более ранних (в процессе речевого онтогенеза) маркеров эпистемической модальности — вводно-модальных слов (*наверное, может быть, конечно, разумеется, действительно* и др.). Основанием для подобного подхода служит не только их функционально-семантическое, но и прагматическое единство. И те и другие языковые средства способны выражать точку зрения говорящего и квалифицировать его высказывание с различной степенью уверенности в достоверности сообщаемого [Казаковская 2011, 2016]. Освещаются следующие аспекты речевого онтогенеза МГ: время и очередность их появления в активном лексиконе ребенка; разнообразие репертуара (*lemmas*) и частотность употребления (*tokens*); синтаксическое окружение и особенности начальных контекстов использования; морфологические, деривационные и функциональные характеристики. Онтогенез МГ представлен на фоне усвоения других сфер в рамках ментального модуса

¹Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

и — шире — других модусов [Арутюнова 1988: 109–132]: в частности, к анализу привлекается сфера памяти (*помнить, забыть*), а также **перцептивный** (*смотреть, видеть*), **волеитивный** (*хотеть*) и **речевой** (*говорить, сказать, рассказать*) модусы.

В качестве материала для наблюдений за появлением и особенностями функционирования МГ в речи детей избраны корпусные данные — расшифрованные аудио- и видеозаписи коммуникативного взаимодействия «взрослый — ребенок» (1;5–4;0). Спонтанная речь партнеров по диалогу была затранскрибирована и морфологически размечена в соответствии с CHILDES (В. MacWhinney) [Gagarina et al. 2002]. Далее использовался пакет программ CLAN: модуль *freq* — при анализе лексического состава МГ, *kwal* и *combo* — при рассмотрении их грамматического и диалогического окружения.

Результаты анализа (среди прочего) свидетельствуют о довольно раннем появлении МГ в речи детей: *знать* (1;10–2;10), *думать* (2;1–3;0), *считать* (2;9–3;4), однако не показывают начальных предпочтений в их употреблении информантами, в отличие от ранних эгоцентриков [Казаковская 2016]. В связи с этим особого внимания требует изучение механизмов влияния инпута (речи-источника) на освоение ребенком данного фрагмента языковой системы, проявляющегося, в частности, в тактике так наз. подстраивания (*fine-tuning*).

ЛИТЕРАТУРА

- Н. Д. Арутюнова. Типы языковых значений (оценка, событие, факт). М., 1988.
- В. В. Казаковская. Вопрос и ответ в диалоге «взрослый — ребенок». М., 2011.
- В. В. Казаковская. Эпистемическая модальность в русской детской речи // А. М. Молдован (отв. ред.). Грамматические процессы в синхронии и диахронии [Труды ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова 10]. М., 2016. С. 104–119.
- N. Gagarina, M. Voeikova, S. Gruzincev. New version of morphological coding for the speech production of Russian children (in the framework of CHILDES) // P. Kosta et al. (eds.). Investigations into formal Slavic linguistics. Contributions of the fourth European conference on formal description of Slavic languages. Frankfurt a. M., 2002. P. 243–258.
- M. Tomasello. Constructing a language: a usage-based theory of language acquisition. Cambridge, MA — London, 2003.

АНАЛИЗ ВИДОВ ГЛАГОЛА И ДЕЕПРИЧАСТИЯ В РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТАХ С ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Деепричастия чаще встречаются в современных литературных произведениях, чем в классических. В литературных произведениях деепричастные обороты реализуют различные значения в зависимости от контекста. При этом функцию деепричастия следует разбирать исходя из хода повествования. В связи с этим мы рассмотрим с диахронической точки зрения, как глаголы (далее Г) и деепричастия (далее Д) изменяют свое расположение в структуре предложения. В предыдущих работах [Китадзё 2014, 2015] было отмечено, что взаимное расположение конструкций прямой речи (далее КПр) и глагольных форм основной пропозиции представляет собой важную характеристику развертывания текста. Эту идею мы продолжаем развивать в данном докладе.

Мы анализируем расположение Г, Д и КПр, обращая внимание на вид. Предикативные глаголы совершенного вида (далее ПГСВ), предикативные глаголы несовершенного вида (далее ПГНВ), деепричастия совершенного вида (далее ДСВ) и деепричастия несовершенного вида (далее ДНВ) взяты из 20 русских литературных произведений XIX–XX веков.

Наше исследование обнаружило пять возможных позиций Г и Д по отношению к КПр: 1) Г/Д сливается с КПр, 2) Г/Д находится в интерпозиции, 3) Г/Д находится непосредственно перед КПр, 4) Г/Д находится непосредственно после КПр, 5) Г/Д находится на расстоянии более чем одного предложения от КПр. Выявленные нами частотности употребления Г и Д по отношению к КПр позволяют сделать следующие выводы.

1. ПГСВ расположены ближе от КПр в современных произведениях, чем в классических. Тогда как ПГНВ в основном расположены далеко от КПр в классических и современных произведениях.

2. ДСВ употребляются в большей дальности от КПР в современных произведениях, чем в классических. Между тем как ДНВ — в большей близости от КПР в современных произведениях, чем в классических.

3. Со временем наблюдается изменение позиций ПГСВ и ДНВ по отношению к КПР по сравнению с ПГНВ и ДСВ.

ЛИТЕРАТУРА

М. Кутацэ. Видовые синонимичные формы русских деепричастий и причастий в художественном тексте // *О. Я. Титаренко (ред.)*. Типология вида / аспекта: проблемы, поиски, решения. Симферополь, 2014. С. 30–48.

М. Кутацэ. Видовые синонимичные формы русских и японских деепричастий в художественном тексте // *Р. Бенаккьо (ред.)*. Глагольный вид: грамматическое значение и контекст [Die Welt der Slaven. Sammelbände — Сборники]. München, 2015. С. 309–323.

ПЕРЕХОДНОСТЬ ГЛАГОЛА И ВОЗВРАТНОСТЬ

Непереходность традиционно считается свойством, характеризующим все русские рефлексивы: «Общая функция *-ся* — устранение переходности глагола или усиление его непереходности» [Виноградов 1947: 630]. Вместе с тем нужно иметь в виду, что в понятии переходности/непереходности сочетаются два аспекта: семантический — направленность действия на внешний объект — и синтаксический — сочетаемость глагола с прямым дополнением в форме вин. падежа без предлога. При этом одни исследователи на первый план выдвигают значение глагола (**семантическую** переходность/непереходность), а другие — его синтаксические свойства (**синтаксическую** переходность/непереходность).

Так, например, Л. Л. Буланин видел в переходности/непереходности лишь синтаксическое свойство глагола, определяемое его способностью/неспособностью сочетаться с прямым дополнением в вин. падеже без предлога: «В синтаксическом плане переходные и непереходные глаголы четко противостоят друг другу. Что же касается семантики, то здесь установить единое различие между ними невозможно» [Буланин 1970: 214–215]. Между тем В. Н. Сидоров придерживался противоположной точки зрения: «Подразделение невозвратных глаголов на переходные и непереходные основано на их значении. Непереходные глаголы выражают состояние, становление и действие, которое не обращено и не может быть по самому своему характеру обращено на прямой объект. <...> В отличие от них переходные глаголы обозначают только действие, причем такое действие, которое непосредственно обращено на прямой объект. <...> Значением переходных глаголов определяется возможность соединения с ними в речи существительных в винительном падеже без предлога, обозначающих прямой объект, т. е. предмет, на который направлено действие» [Аванесов, Сидоров 1945: 162–163].

Возвратные (рефлексивные) глаголы и конструкции с ними сочетают многообразие семантических разновидностей с их поразительной однотипностью в самых разных языках. Так, в русском языке

можно различать (не всегда под теми же названиями), в частности:

а) **собственно возвратные**: *Стасик воспрянул духом. Подготовился. Стал водить экскурсии* (С. Довлатов); б) **рефлексивно-посессивные**: *Удивившись, Коля Старков опустил руку, прищурившись, посмотрел в зал* (В. Липатов); в) **автокаузативные**: *Андрей спрятался за высоким памятником, чтоб не ехать на поминки* (А. Азольский); г) **декаузативные (антикаузативные)**: *Естественно, с течением времени гласные путались, забывались, заменялись на другие и т. п.* (А. Зализняк); д) **потенциально-пассивные**: *«...» говорят о новой книге. Барс утверждал, что она написана изощренно и замысловато, и в каждом слове чувствуется бессонная ночь; дамский голос сказал, что «ах нет, она так легко читается»* (В. Набоков); е) **пассивные**: — *Ах, — говаривал Отто, — войны всегда проигрываются преступниками, а выигрываются героями* (В. Коротич).

Как свидетельствуют современные типологические исследования, значения, выражаемые рефлексивами, приобретаются именно в этой последовательности: собственно возвратное значение является начальной точкой их семантического развития, а функция выражения пассива — одной из последних [Генюшене 1983: 146; Haspelmath 2003: 235].

Собственно возвратные и рефлексивно-посессивные глаголы можно считать имеющими подразумеваемый объект действия, т. е. семантически переходными. Показательно, что А. А. Шахматов, в целом разделявший точку зрения о непереходности рефлексивов, делал исключение для собственно возвратных глаголов: «Формы на -ся во всех случаях, кроме собственно-возвратного залога (*я моюсь*), указывают на безобъективность глагола» [Шахматов 1941: 476]. Автокаузативные и декаузативные глаголы обозначают ситуации с одним участником; при этом первые подобны «неэргативным» (агентивным) непереходным глаголам типа *плясать*, а вторые — «неаккузативным» (пациентивным) непереходным глаголам типа *знить*. Что же касается пассивных глаголов, то они явно семантически переходны, поскольку предполагают наличие агенса, который своими сознательными целенаправленными действиями видоизменяет объект приложения усилий; ср.: «Пассивные конструкции оказываются той позицией, в которой переходность глагола полностью сохраняется в ее семантическом аспекте...» [Бондарко 1992: 119]. Потенциально-пассивные глаголы занимают промежуточное положение между декаузативом и пассивом.

Таким образом, рефлексивы покрывают весь спектр отношений, связываемых с семантической переходностью / непереходностью.

ЛИТЕРАТУРА

- Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров.* Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.
- А. В. Бондарко.* Переходность / непереходность глагола в системе субъектно-предикатно-объектных отношений // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб., 1992. С. 114–125.
- Л. Л. Буланин.* О соотношении переходности и залога в русском языке // Учен. зап. МОПИ 1970, 278. С. 213–219.
- В. В. Виноградов.* Русский язык: грамматическое учение о слове. М. — Л., 1947.
- Э. Ш. Генюшене.* Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Вильнюс, 1983.
- А. А. Шахматов.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.
- M. Haspelmath.* The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison // *M. Tomasello (ed.).* The new psychology of language. V. 2. Mahwah, NJ, 2003. P. 211–242.

ВТОРАЯ И ВТОРИЧНАЯ ПРЕДИКАЦИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Доклад содержит результаты работы, рассматривающей формы глагола как средства выражения второй и вторичной предикации в русском и чешском языках. Анализ эквивалентов деепричастных, причастных и инфинитивных оборотов в русском и чешском языках обнаружил некоторые функциональные сходства и различия. Анализ проводится на данных параллельного корпуса InterCorp [InterCorp CZ; InterCorp RU]. Оба исследуемых языка различаются не только общими системными возможностями (например отсутствие страдательных причастий настоящего времени в чешском; ср. [Изотов 1993; Буланин 1983]), но прежде всего частотностью использования оборотов с нефинитными формами.

В чешском, в отличие от русского, преобладает тенденция к выражению предикации в первичной форме, т. е. при помощи финитной формы глагола; обороты с нефинитными формами употребляются реже [Изотов 1993: 84; Giger 2008]. Это соответствует ярко выраженному флективному строю чешского языка. В русском, наоборот, более выражена тенденция к употреблению неконгруэнтной предикации [Акимова 1998: 87–93] и имплицитному способу выражения [Weiss 1998: 79]. Эту тенденцию поддерживает целый ряд других признаков: большое количество промежуточных конструкций между предложением и словосочетанием (инфинитивные, деепричастные, причастные обороты и др.; ср. [Козинцева 2003: 184]), выражение субъекта не только при помощи именительного падежа и др. При этом результаты проведенного анализа демонстрируют не потенциально возможные, а наиболее часто употребляемые в языке решения.

ЛИТЕРАТУРА

Г. Н. Акимова. Различные формы проявления аналитизма в современном русском грамматическом строе // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. СПб., 1998. С. 86–94.

- Л. Л. Буланин.* Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории // Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. Л., 1983. С. 94–115.
- А. И. Изотов.* Чешские атрибутивные причастия на фоне русских. М., 1993.
- Н. А. Козинцева.* Таксисные функции, передаваемые причастиями и причастными оборотами, в русском языке // *А. В. Бондарко, С. А. Шубик (отв. ред.).* Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность / вариативность. СПб., 2003. С. 175–189.
- M. Giger.* Partizipien als Exportschlagler. Zum Einfluss des Russischen auf andere slavische Sprachen im 19. Jhd. // *P. Kosta, D. Weiss (Hrsg.).* Slavistische Linguistik 2006/2007: Gerd Freidhof zum 65. Geburtstag gewidmet [Slavistische Beiträge 464]. München, 2008. S. 125–152.
- InterCorp RU — *N. Rajnochová, N. Runštuková, M. Vavříň.* Korpus InterCorp – ruština. ÚČNK Filozofická fakulta UK. (<http://www.korpus.cz>)
- InterCorp CZ — *A. Rosen, M. Vavříň.* Korpus InterCorp — čeština. ÚČNK Filozofická fakulta UK, Praha. (<http://www.korpus.cz>)
- D. Weiss.* Russian converbs: a typological outline // *M. Haspelmath, E. König (eds.).* Converbs in Crosslinguistic Perspective. Berlin — New York, 1998. P. 239–282.

ЧТО НОВОГО ВНЕСЛА КНИГА А. В. БОНДАРКО И Л. Л. БУЛАНИНА «РУССКИЙ ГЛАГОЛ» (1967) В РУСИСТИКУ?

0. Книга А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина «Русский глагол» 1967 г. стала важным этапом становления Ленинградской аспектологической школы (основанной Ю. С. Масловым) и легла в основу Санкт-Петербургской школы функциональной грамматики.

1. В книге сосюроевское различие *langue* («язык–система») *vs. parole* («речь», «высказывание») не только последовательно проводится, но и применяется к семантическому анализу грамматических значений (ГЗ).

2. Это первый опыт теории русской грамматики на основе концепции так называемых «функционально–семантических категорий» (далее ФСК). Она восходит к концепции «понятийных категорий» (далее ПК) И. И. Мещанинова (восходящей к ПК О. Есперсена). Решающий критерий признания (выделения) той или иной ПК — сочетание двух признаков: лексической и грамматической выраженности.

ФСК есть двустороннее единство, объединяющее («разноуровневые»: морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические) средства выражения значений.

Содержание ФСК выявляется при взаимодействии этих значений в речи.

ФСК имеют полевою структуру «ядро (центр) *vs.* периферия»; ср. термин–синоним «функционально–семантическое поле» (ФСП). В качестве ядра (центра) ФСП выступает, как правило, та или иная грамматическая категория (ГК); таким образом, между системой ФСК и системой ГК данного языка есть некоторое прототипическое соответствие: между «аспектуальностью» и ГК вида; «темпоральностью» и ГК времени; «модальностью» и ГК наклонения¹; «персональностью» и ГК лица; «залоговостью» и ГК залога². Но у некоторых ФСК нет (в данном языке) «своей» ГК³.

¹Модальность как семантическая категория ранее выделялась В. В. Виноградовым (1947; 1950), а еще раньше — Ш. Балли (1942).

²С 1970 в работах Ленинградской типологической школы (а также за ее пределами) в значении функции залога используется термин «диатеза» (восходящий к работам Л. Теньера 1930–х — 1950–х гг.).

³В книге дан пример аспектуальности в немецком языке. Позднее, в 1970–х — 1990–х гг., перечень этих «не–моноцентрических» ФСК был расширен.

3. Система русских ГК описывается через противопоставления (оппозиции); многочленные оппозиции строятся из двучленных (бинарных).

За. Оппозиции бывают равнозначные (эквиполентные) *vs.* привативные (по Н. С. Трубецкому).

Зб. Вслед за Р. О. Jakobсоном в привативной оппозиции различаются сильный (маркированный, признаковый) член *vs.* слабый (немаркированный, беспризнаковый).

4. Вслед за Р. О. Jakobсоном при анализе ГЗ различаются два уровня абстракции: «общего (инвариантного) ГЗ» *vs.* «частных ГЗ (вариантов общего)». Частные ГЗ — результат взаимодействия грамматической формы (ГФ) с контекстом и ситуацией речи.

5. «Общие ГЗ» описаны как пучки семантических дифференциальных признаков.

6. Среди частных ГЗ (вслед за Р. О. Jakobсоном) выделяется «главное (основное) ГЗ», наименее зависимое от контекста (иногда таких ГЗ — несколько).

7. В книге различаются «прямое» *vs.* «переносное» употребление (функционирование) ГФ.

СТРУКТУРА ОДНОСОСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ XVIII–XIX ВЕКОВ (ПО ДАННЫМ
МАТЕРИАЛОВ «СИНТАКСИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
РУССКОЙ ПОЭЗИИ»)¹

Выбор поэтами определенных типов односоставных предложений отражает особенности поэтического синтаксиса авторов, их мировоззрение, взгляд на окружающую действительность. Полученные в ходе работы над «Синтаксическим словарем русской поэзии» данные, связанные с активностью односоставных предложений в творчестве ведущих поэтов XVIII–XIX веков, позволяют как сделать выводы о функционировании этих типов конструкций в поэзии авторов, так и уточнить сведения, связанные с использованием определенных типов односоставных предложений.

Анализируемый тип конструкций по праву можно назвать одним из способов отражения авторского взгляда, поскольку конструкции используются поэтами для решения различных задач (от версификационных до изобразительно-выразительных), а высокий либо низкий процент определенных типов односоставных предложений позволяет говорить о роли конструкций в формировании индивидуально-авторского стиля, а в некоторых случаях — и об их влиянии на восприятие текста читателем.

В ходе анализа были определены синтаксические предпочтения авторов в сфере односоставных предложений. К примеру, отличительной особенностью творчества Крылова можно считать неопределенно-личные предложения, встречающиеся более чем в четыре раза чаще, чем у большинства его коллег по перу, творивших в XVIII веке; здесь прослеживается прямая связь с жанром басни, предпочтительным для данного автора. Высок процент определенно-личных предложений в творчестве Ломоносова и Дмитриева (для последнего этот показатель составляет 72%).

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168.

Напротив, творчество Ломоносова практически лишено безличных предложений, а Дмитриева — номинативных, что позволяет сделать выводы, связанные с синтаксическими предпочтениями высокого и низкого штилей. Не менее важными видятся и сведения, связанные с расширением модели односоставного предложения при помощи однородных членов, а также с его осложнением.

Сопоставительный анализ включает в себя сравнение односоставных конструкций, представленных в поэтическом творчестве, по ряду признаков: 1) вид односоставного предложения; 2) длина конструкции; 3) расширение модели предложения при помощи однородных членов; 4) осложнение предложения; 5) коммуникативный тип; 6) эмоциональная окраска. В исследовании были не только использованы материалы авторов XVIII века (Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов, В. К. Третьяковский, М. М. Херасков), но и проведено сопоставление со статистическими данными, полученными в ходе анализа текстов И. А. Крылова, творившего на стыке столетий, и П. А. Вяземского, автора XIX века.

Полученные в рамках исследования материалы не исчерпываются одной лишь статистикой, а включают в себя и интерпретацию количественных значений, что может быть полезно с точки зрения определения преемственности отдельных авторов и целых поэтических поколений.

И. Н. Левина
РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

ГЛАГОЛЫ КАК КОНТАКТНЫЕ СЛОВА: МОТИВАЦИОННАЯ
СФЕРА В ЗЕРКАЛЕ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА
МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И РОМАНА
«БЕДНЫЕ ЛЮДИ»)

Проблемы представления картины мира креативной языковой личности плодотворно разрабатываются в последние десятилетия; очевидный результат поиска новых принципов и методов — крупные проекты в области писательской лексикографии, призванные максимально полно, подробно и точно отразить идиолект. Одной из самых известных работ этого типа является «Словарь языка Достоевского» [СД] (см. обзор и анализ индивидуальной лексикографии в [Козырев, Черняк 2014: 226–245; Шестакова 2011: 143–377]).

Постановка вопроса о дополнительных способах подачи материалов идиолекта, как и об извлечении с их помощью информации о «картине мира» языковой личности, обусловлена, с одной стороны, собственно лингвистическими основаниями, что в нашем случае подразумевает расширение инструментария за счет обращения к лексико-синтаксической модели (ЛС-модели) сложноподчиненного изъяснительного предложения [Ильенко, Левина 2007], с другой стороны, техническими возможностями организации и анализа исчерпывающих баз данных в электронном виде.

Ориентация на синтаксическую единицу (сложное предложение) дает существенную дополнительную информацию (причем принципиально иного плана, по сравнению с описанием на основе слова), связанную с презентацией мотивационной сферы языковой личности. Это подтверждается, в частности, сопоставлением результатов анализа речевых партий персонажей романа «Бедные люди», с одной стороны, с опорой на данные [СД], с другой стороны — с ориентацией на модели СПП.

Актуальный ракурс исследования связан с выявлением особенностей художественной vs. нехудожественной сферы в языке писателя. Сопоставление романа в письмах «Бедные люди» с эпистолярным письмом писателя дает в этом плане интересные данные.

Ввиду небольшого объема переписки Достоевского в период интенсивной работы над текстом романа «Бедные люди» (по наиболее принятой версии датировки — с января 1844 по май 1845; см. [ПСС: т.1, 464]) — 11 писем в 1844, 2 письма в 1845 [ПСС: т.28, 85–110], — верхней границей сравниваемого хронологического периода был выбран год, когда писателем были внесены **последние изменения** в текст романа; таким образом, корпус анализируемых эпистолярных текстов составили письма 1832–1865 гг.

ЛИТЕРАТУРА

- С. Г. Ильенко, И. Н. Левина.* Лексико-синтаксический словарь русского языка: модели сложноподчиненного предложения. СПб., 2007.
- В. А. Козырев, В. Д. Черняк.* Русская лексикография: век нынешний и век минувший. СПб., 2014.
- ПСС — *Ф. М. Достоевский.* Полное собр. соч. в 30 т. Л., 1972–1990.
- СД — *Ю. Н. Караулов (ред.).* Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. М., 2008–2012.
- Л. А. Шестакова.* Русская писательская лексикография. Теория, история, современность. М., 2011.

О. Н. Ляшевская
НИУ ВШЭ / ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, Москва
Л. А. Янда, Х. М. Экхофф
Арктический университет Норвегии / Университет Тромсё

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ПРОТИВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ: КАК ПРЕДСКАЗАТЬ ВИД РУССКОГО ГЛАГОЛА?

Изучающим русский язык как иностранный трудно запомнить, к какому виду относится тот или иной глагол. Обычно в этом им помогает усвоение системы правил, как образуются глаголы совершенного и несовершенного вида, какие словообразовательные модели задействованы, принадлежит ли глагол к классу глаголов движения и т. п. Однако, возможно, подсказкой могут стать частотные эффекты в употреблении грамматических форм [Janda, Lyashevskaya 2011], а не знание словообразовательной структуры. Данное предположение строится на исследованиях детской речи, в которых показано, что частотные распределения в речи детей копируют распределение форм в речи родителей ([Tomasello 1992], «Distributional bias hypothesis» [Shirai, Andersen 1995] и др.).

Чтобы выяснить, какие факторы лучше предсказывают вид, мы провели корпусный статистический эксперимент, разметив случайные выборки примеров из НКРЯ и построив модели предсказания вида для текстов публицистики, художественной литературы и научно-технических текстов. Разбиение по функциональным сферам было необходимо в связи с тем, что, как известно, в зависимости от жанра разные видо-временные формы имеют разную интерпретацию [Падучева 2008] и разную частотность в корпусе (см. [Bartoň et al. 2009] для чешского языка).

По нашим данным, словообразовательный класс глагола помогает предсказать его вид с точностью (*accuracy*) до 95,6% (в среднем для разных жанров). Если же мы принимаем в расчет только частотное распределение форм времени и склонения, инфинитива, причастий и деепричастий, точность падает статистически не значимо (до 92,7%).

Сравнивая поведение словообразовательных классов глаголов в отношении частотности употребления их грамматических форм, мы обнаруживаем «прототипические случаи»: перфективы

с приставками (ср. *написать*) и вторичные имперфективы (ср. *показывать*). Необычно ведет себя глагол *смочь* (вероятно, потому, что форма будущего времени противоположного вида **буду мочь* отсутствует), глагол *быть*, глаголы ненаправленного движения типа *ходить* (у которых обнаруживается перевес форм прошедшего времени) и двувидовые глаголы.

Таким образом, наше исследование позволяет говорить о прототипических зонах в употреблении видо-временных форм совершенного и несовершенного вида. В настоящее время у нас нет достаточного объема свидетельств того, как словообразовательные факторы работают при усвоении языка детьми и изучающими РКИ. Однако наше исследование позволяет сделать вывод, что знание дистрибуции глагольных форм как минимум может поддерживать усвоение вида.

ЛИТЕРАТУРА

Е. В. Падучева. Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам Международной конференции «Диалог-2008».* Вып. 7 (14). М., 2008. С. 412–419.

T. Bartoň, V. Cvrček, F. Čermák, T. Jelínek, V. Petkevič. *Statistiky češtiny.* Prague, 2009.

L. A. Janda, O. Lyashevskaya. Grammatical profiles and the interaction of the lexicon with aspect, tense and mood in Russian // *Cognitive Linguistics* 2011, 22, 4. P. 719–763.

Y. Shirai, R. W. Andersen. The acquisition of tense-aspect morphology: a prototype account // *Language* 1995, 71. P. 743–762.

M. Tomasello. *First Verbs.* Cambridge, 1992.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ АРГУМЕНТНОЙ СТРУКТУРЫ ГЛАГОЛА НА СЛОЖНОСТЬ ЕГО ОБРАБОТКИ

Глаголы играют центральную роль в процессах понимания и порождения предложений, так как именно они определяют количество аргументов и их характеристики: грамматическую категорию, семантическую роль, а также позицию в синтаксической структуре предложения. Поэтому исследования психолингвистического процесса обработки глаголов и их аргументной структуры имеют как теоретическую ценность, позволяя уточнять модели языковой обработки на уровне слова и предложения, так и большое практическое значение: на их основе могут разрабатываться диагностические тесты и программы логопедических занятий для пациентов с нарушениями речи (например с аграмматизмом при афазии).

В психолингвистике существует две основные точки зрения на хранение информации об аргументной структуре глагола. Согласно конструктивистскому подходу, характеристики аргументной структуры полностью определяются лексическим значением глагола и контекстом, а потому не требуют отдельного хранения в ментальном лексиконе [Hale, Keyser 2002]. С точки зрения лексикалистского подхода информация об аргументной структуре глагола хранится в лемме глагола в ментальном лексиконе и оттуда переносится в структуру предложения [Boland, Blodgett 2006]. Однако даже в рамках лексикализма существуют различные мнения о том, какие именно характеристики аргументной структуры хранятся в ментальном лексиконе.

В докладе будут представлены результаты психолингвистического эксперимента, где исследовалось, как на сложность обработки русского глагола влияют три параметра его аргументной структуры: переходность (сравнивались переходные глаголы типа *мысль* и неэргативные типа *бежать*), каноничность маркирования тематических ролей (сравнивались неэргативные глаголы типа *бежать* и неаккузативные типа *тонуть*), а также количество валентностей (сравнивались глаголы с обязательной переходностью типа *мысль* и с необязательной

переходностью типа *вязать*). Участники эксперимента (молодые носители русского языка без языковых нарушений) выполняли четыре задания с глаголами из вышеперечисленных групп. Два задания тестировали порождение (на уровне слова — название глагола по рисунку; на уровне предложения — составление предложения по рисунку), а два — восприятие (на уровне слова — проверка соответствия слова рисунку; на уровне предложения — суждение о грамматичности предложения). Анализ времени реакции позволит сделать выводы о том, какие характеристики аргументной структуры глагола хранятся в ментальном лексиконе и извлекаются во время обработки глагола при порождении и понимании на уровне слова и предложения.

ЛИТЕРАТУРА

- Љ. E. Boland, A. Blodgett. Argument status and PP-attachment // Journal of Psycholinguistic Research 2006, 35. P. 385–403.
- K. L. Hale, S. Љ. Keyser. Prolegomenon to a theory of argument structure. Cambridge, MA, 2002.

ВИДОВАЯ
СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ / НЕСООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ
ГЛАГОЛОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Внимание к лексическому значению глагола, его взаимодействию с элементами окружающего контекста при видовой характеристике отчетливо выражено уже в совместной книге А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина «Русский глагол» [Бондарко, Буланин 1967] и последовательно проводится во всех работах А. В. Бондарко (см. [Бондарко 2011]).

В последние годы активно изучаются аспектуальные свойства различных семантических типов предикатов, в т. ч. и глаголов деятельности, например в работах Е. В. Падучевой [Падучева 1996] и Ю. Д. Апресяна [Апресян 2006]. Речь идет о таких глаголах, как *садовничать*, *директорствовать*, *руководить*, *управлять*, *работать (кем)* и др., обозначающих, по Ю. Д. Апресяну, «совокупность разнородных и одновременных действий, имеющих одну конечную цель, причем время существования ситуации, называемой данным глаголом, растягивается на несколько раундов наблюдения». При выделении данного семантического типа отмечается их видовая несоотнесенность.

Предикаты деятельности до сих пор имеют довольно неопределенный статус: нет единства относительно их номинации, состава, критериев выделения и аспектуальной характеристики. Принятое определение дает основание включить в данный семантический тип двувидовые глаголы типа *активизировать*, *русифицировать*, *социализировать* и под., которые каждый раз обобщают новые конкретные действия, направленные на достижение определенной цели. В этой связи необходимо уточнить их биаспектуальную характеристику, наметить оттенки в значениях разных форм двувидовых глаголов по отношению к семантике деятельности (о двувидовых глаголах в русской и зарубежной аспектологии существует обширная литература, ср. [Славкова 2009; Korba 2007] и мн. др., но их характеристика редко связывается с семантическим типом).

Анализ высказываний с глаголами деятельности позволяет выделить несколько подтипов, имеющих определенные различия

в видовой характеристике, в том числе и по их отношению к наличию / отсутствию видовой соотносительности, а также образованию определенных способов действия, сочетанию с показателями лимитативности, фазовости, ограниченной длительности, употреблению в контекстах кратности и т.д.

Характеристика аспектуальных свойств различных глаголов деятельности позволяет определить общие черты всего класса, дифференциальные признаки семантических подтипов и выделить те из них, которые способствуют переходу данного семантического типа в другой.

ЛИТЕРАТУРА

- Ю. Д. Апресян.* Фундаментальная классификация предикатов // *Ю. Д. Апресян (отв. ред.).* Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 75–109.
- А. В. Бондарко.* Категоризация в системе грамматики. М., 2011.
- А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин.* Русский глагол. Л., 1967.
- Е. В. Падучева.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- С. Славкова.* Морфология и синтаксис на службе выражения аспектуальности // *Болгарская русистика* 2009, 3–4. С. 18–36.
- Љ. Љ. Korba.* The development of overt aspectual marking among Russian biaspectual verbs. Chapel Hill, 2007.

ВРЕМЯ И ТАКСИС: ОДНОВРЕМЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

1. Русский глагол, как известно, морфологически выражает вид и время. Что же касается таксисных отношений, то они, по словам А. В. Бондарко [2015], выражаются комбинаторикой видо-временных форм, т. е. последовательностью глаголов СВ и НСВ, а также обстоятельствами времени типа *затем, через десять минут, до этого...* Мне представляется важным проследить, в чем именно заключается роль видо-временных форм глагола независимо от влияния обстоятельств времени и коннекторов вообще. Комбинаторику видо-временных форм необходимо рассматривать, с моей точки зрения, не в рамках предложения, как часто делается в большинстве исследований по русскому таксису, а на уровне высказывания. Интерес такого подхода к изучению временного порядка отмечал и сам Бондарко [2015: 128], подчеркивая перспективность описания реализации категориальной семантики на уровне высказывания и целостного текста, т. е. описания временных и таксисных категорий в дискурсивном ракурсе.

2. В данном исследовании будут рассмотрены некоторые нестандартные употребления форм времени для выражения одновременно протекающих действий. Время может играть особую роль в нестандартных употреблениях для выражения как собственно временных, так и таксисных отношений. При этом одновременность действий может быть рассмотрена по отношению к моменту речи или по отношению к точке отсчета, т. е. может определяться временем или таксисом.

Нестандартные употребления форм прошедшего времени глагола, соотносящихся с одновременными действиями, могут выражать перцептивный способ восприятия действий (2, 5) или эпистемический (1, 3, 4, 6):

1) дезиративные глаголы с глаголами говорения:

(1) *Я хотел Вас кое о чем попросить;*

2) перцептивный опыт восприятия статической ситуации:

(2) *Мы вышли из магазина. Подруга уже жалела, что не купила платье, и со вздохом сказала мне:
— Красивое **было** платье!*

3) эвиденциальность [Milliaressi 2015: § 3.3.2]:

(3) *Мы с подругой весь день ходили по магазинам. Она пригласила меня зайти к ней домой. Мы вошли, но собака не выбежала, как обычно, мне навстречу. Серези тоже не было дома. Я спросила подругу:
— Сереза должен **был** гулять с собакой?*

4) сослагательное наклонение:

(4) *Если бы у меня **было** время, я бы непременно **занимался** музыкой;*

(5) *Я очень хочу, чтобы ты **была** счастлива;*

5) согласование времен (6a) [Храковский 2009: § 7; Guiraud-Weber 2004: § 3.11.2]:

(6) а. *Я смотрел, как дети **играли** в саду;*
б. *Я смотрел, как дети **играют** в саду;*

6) логическая связь («родовое понятие / видовое понятие» или «целое / часть»), обуславливающая интерпретацию одновременности действий [Milliaressi 2015: § 3.3.4]:

(7) *Он **потолстел** и **обрюзг**;* (пример В. С. Храковского)

(8) *Я сегодня **убиралась**: **пропылесосила** и **вымыла** окна.*

3. Первые четыре случая определяются семантикой времени, в то время как последние два — семантикой таксиса.

ЛИТЕРАТУРА

- А. В. Бондарко*. Глагольный вид: система и среда // *Р. Бенаккьо (ред.)*. Глагольный вид: грамматическое значение и контекст [Die Welt der Slaven — Sammelbände 56]. München — Berlin — Washington, D.C., 2015. С. 117–130.
- В. С. Храковский*. Таксис: семантика, синтаксис, типология // *В. С. Храковский (отв. ред.)*. Типология таксисных конструкций. М., 2009. С. 11–113.
- М. Guiraud-Weber*. Le verbe russe : temps et aspect. Marseille, 2004.
- T. Milliaressi*. Aspects et temporalité. Villeneuve d'Ascq, 2015.

«НАСТОЯЩЕЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ»
В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ¹

Необычные с точки зрения современного языка употребления глагольных форм (как в хорошо известном пассаже о расселении славянских племен из «Повести временных лет») встречаются в древнерусских летописях и хождениях:

- (1) **днѣпръ во потече изъ оковьскаго лѣ[са]. и потечеть на полъдне. а двина ис того же лѣса потечет а идеть на полунощье и ввидеть в море варажское;** (ПВЛ)
- (2) **и есть рѣка та нѣѣ соуха. пвд землею течеть. и двит же са рѣка та оу мора содомскаго. тоу входить в морѣ содомское.** (Хождение игумена Даниила)

Данные контексты неоднократно обращали на себя внимание исследователей, по-разному трактовавших в них функционирование видо-временных форм, см. обзор в Горбунова [1997]. Наиболее оправданной представляется трактовка данных форм как презентных форм СВ. В частности, доказательству совершенности форм *втечеть, потечеть, ввидеть* посвящена работа [Бондарко 1962].

На наш взгляд, объяснить такое нестандартное употребление презентных форм СВ в древнерусских текстах (назовем его условно «настоящим географическим» по аналогии с «настоящим историческим») возможно через понятия **наблюдателя**, связанного с лексической семантикой глаголов перемещения [Апресян 1986], и **точки отчета**, трактуемой как временная позиция наблюдателя, его настоящее время [Падучева 1996]. Многие «географические» контексты, включающие формы СВ, являются описанием дороги. В этом случае наблюдатель, идущий по описываемому пути, подразумевается не

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

только семантикой глагола, но и самим контекстом. Говорящий, мысленно следуя вместе с наблюдателем, ориентирует относительно его временной и пространственной позиции все действия и события. Похожие употребления презентных форм СВ встречаются и в современном русском языке, в основном в разговорной и диалектной речи, ср.: *У нас берег там такой был мелкий-мелкий, песок-песок. Того дальше иди — всё до колена, а уж потом пойдёт туда обрыв.*

В древнерусских текстах к презентным формам в «настоящем географическом» примыкают формы действит. прич. наст. времени от глаголов СВ, употребление которых в контексте также мотивировано ориентацией на фигуру мыслимого движущегося наблюдателя, ср. примеры из «Хождения игумена Даниила»:

- (3) а ѿ мѣста стго гевр҃гїа. поидоучи в горы. до Иер҃лима .і. вереть великийхъ;
- (4) полѣзоучи въ цр҃квь тоу на лѣвой странѣ веть печѣра глоувока велми.

ЛИТЕРАТУРА

- Ю. Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5–33.
- А. В. Бондарко. К вопросу о состоянии видовой дифференциации глагола в древнерусском языке // Р. И. Аванесов (отв. ред.). Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962. С. 76–84.
- Е. А. Горбунова (Мишина). Глагольные формы в географических описаниях по материалам восточнославянских памятников старшего периода (в сопоставлении с современными говорами) // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997. С. 47–66.
- Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

ГЛАГОЛЬНАЯ ПРЕФИКСАЦИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ В СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Оба языка имеют типологически соизмеримое количество глагольных приставок (при некотором количественном превосходстве в русском), которые существенно различаются в отношении продуктивности и выражаемых значений. В докладе рассматриваются семантические модификации, происходящие при присоединении приставок. Отметим, что в русском языке (РЯ) продуктивных глагольных префиксов существенно больше.

Абсолютное большинство русских глагольных приставок выражают то или иное локативное значение (ряд русских приставок совпадает по форме с предлогами). Приведем примеры приставочных дериватов от интранзитива движения *лететь* и транзитива деятельности *писать*: 1) *в-лететь*, *в-писать*, 2) *вз-лететь*, 3) *вы-лететь*, *вы-писать*, 4) *до-лететь*, *до-писать*, 5) *за-лететь*, *за-писать*, 6) *ис-писать*, 7) *на-лететь*, *на-писать*, 8) *над-писать*, 9) *об-лететь*, 10) *о-писать*, 11) *от-лететь*, *от-писать*, 12) *пере-лететь*, *пере-писать*, 13) *по-лететь*, *по-писать*, 14) *под-лететь*, *под-писать*, 15) *при-лететь*, *при-писать*, 16) *про-лететь*, *про-писать*, 17) *рас-писать*, 18) *с-лететь*, *с-писать*, 19) *у-лететь*, 20) *пред-писать*, 21) *недо-писать*. Другие приставки, не сочетающиеся с приведенными двумя глаголами, могут быть проиллюстрированы следующими дополнительными примерами: *обез-опасить*, *воз-нестись*, *пре-дать*, *пре-следовать*.

В английском языке (АЯ) большинство из приводимых ниже глагольных префиксов имеют весьма ограниченную способность сочетаться с глаголами.

В группу английских глагольных приставок входят следующие морфемы: 1) *be-* (*becalm*, *bedazzle*, *bewitch*) образует транзитивные глаголы с широкой семантикой; 2) *de-* (*decode*, *defrost*, *deescalate*) выражает обратное действие; 3) *dis-* (*disconnect*, *disinfect*, *disobey*, *dislike*) образует антонимы; 4) *down-* (*downgrade*, *downplay*) образует транзитивные глаголы с широкой семантикой; 5) *em-/en-* (*empower*, *endanger*,

enslave) образует транзитивные глаголы с широкой семантикой; 6) *fore-* (*foretell, forewarn*) выражает действие, совершаемое заранее, предварительно; 7) *inter-* (*intermarry, intertwine, interweave*) выражает реципрокальное значение; 8) *mis-* (*mishear, misinform*) выражает плохо выполняемое действие; 9) *mal-* (*maltreat, malfunction*) выражает плохо выполняемое действие; 10) *out-* (*outgrow, outlive, outrun*) выражает значение 'превзойти кого-либо в том или ином отношении (качество, длительность и т. п.) в выполнении соответствующего действия'; 11) *over-* (*overact, overbear, overboil, overbuild, overburden, overbuy*) выражает значение чрезмерности относительно нормальной степени выполнения действия; 12) *pre-* (*predate, predetermine, prejudge, preview*) выражает действие, совершаемое раньше, предварительно; 13) *re-* (*rebuild, reclaim, remake, resell, reuse*) выражает действие, совершаемое повторно, заново, в ряде случаев с целью исправить и улучшить результаты от первого действия; 14) *sub-* (*subdivide, sublet*) выражает значение добавочного, вспомогательного, «более мелкого» действия; 15) *trans-* (*transplant, transship*) выражает значение перемещения объекта; 16) *un-* (*undo, unleash, unpack, untie, unwrap, unzip*) выражает обратное действие; 17) *under-* (*underact, underbid, underbuy, undercharge, underestimate*) обозначает недостаточное или вспомогательное, добавочное действие; 18) *up-* (*update, upgrade, uproot*) образует транзитивные глаголы с широкой семантикой; 19) *with-* (*withdraw, withstand*) образует транзитивные глаголы с широкой семантикой.

Из вышеназванных префиксов с относительно большим количеством глаголов соединяются только морфемы *de-*, *over-*, *re-*, *un-*, *under-*.

Рассмотрев приведенные списки, можно сделать следующие выводы, касающиеся семантических особенностей русских и английских приставок, присоединяющихся к глаголам или образующих глаголы от других частей речи:

1) в АЯ практически отсутствуют глагольные приставки с локативными значениями;

2) русские глагольные приставки демонстрируют значительно большую полисемию (спектр выражаемых значений), нежели английские приставки;

3) список основных значений русских глагольных приставок включает а) всевозможные пространственные значения (например аллативное, аблативное, лативное), б) фазовые значения ('начать', 'закончить', например: *занять, донять*), в) значение полноты, тщательности, энергичности выполнения действия (например: *вытоптать*,

выфросить, раскупить, обойти), г) значение чрезмерности (*переварить, пересолить*), д) значение полной исчерпанности действия (*израсходовать, перемыть*), е) значение дополнительного добавочного действия (*подкрасить, довыбрать*), ж) значение неполноты, частичного выполнения действия (*недоварить, недолечить, недодвесить*), з) значение присоединения, добавления (*долить, достыпать, подлить, надвязать*), и) значение повторного действия (*переделать, переиздать*);

4) список основных значений английских глагольных приставок включает а) значение обратного действия (*de-, dis-, un-*), б) значение действия, выполняемого плохо, неправильно, недостаточно, ошибочно (*mal-, mis-*), в) значение 'превзойти кого-либо в выполнении какого-либо действия' (*out-*), г) значение предшествующего действия (*fore-, pre-*), д) значение повторного действия (*re-*), е) значение чрезмерности выполнения действия (*over-*), а также значения ж) недостаточного действия (*down-, under-*) и з) улучшения (*up-*).

Особые префиксально-постфиксальные словообразовательные модели (СМ) РЯ, отсутствующие в АЯ, включают производные глагольные формы с постфиксом *-ся*, играющим важнейшую роль как в лексике, так и в грамматике РЯ. Префиксально-постфиксальные глаголы, будучи всегда непереходными в силу наличия постфикса *-ся* после исходного глагола (ИГ), подразделяются на многочисленные группы, также рассматриваемые в докладе.

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ В КОНСТРУКЦИЯХ С ГЛАГОЛАМИ МОДАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

1. Предметом анализа в докладе является выбор ВИН. вместо РОД. в конструкциях, организованных глаголами *избегать*, *избежать*, *избежать*. Эти глаголы относятся к группе «эмоционально-модального отношения» [Золотова 1988: 34] (толкуются посредством ‘хочу / не хочу, чтобы...’) и образуют конструкцию, стандартно соединяясь с именем в РОД. (*бояться собаки; ждать поезда; избегать встречи*). В центре внимания находятся не столько нормативные аспекты явления (ср. понятие «синтаксической нормы» [Ицкович 1982]), сколько категориально-семантические, обусловленные взаимодействием категорий имени («предельная» семантика род. падежа / объектно-грамматическая — вин. падежа) и глагола (ирреальная / реальная лексическая модальность применительно к глаголам обсуждаемой группы). Ср. понятие «межкатегориальное взаимодействие» (А. В. Бондарко в [МСГ 1996: 3–5]), которое можно применить к конструкции, а также морфологизированный вариант подобного взаимодействия [Norreg, Thompson 1980].

2. Изучение конструкций предполагает анализ лексической и грамматической семантики компонентов конструкции; выход за пределы конструкции и интерпретацию авторских тактик в рамках текстового фрагмента; обращение к толковым словарям разного времени, к языковой рефлексии, отраженной в классических и современных филологических работах.

3. Семантическая асимметрия между *избегать* (НСВ) и *избежать* / *избежать* (СВ), а именно бóльшая / меньшая акциональность, меньшая / бóльшая интерпретативность в семантике, проявляется в их синтаксических свойствах: *избегать Катю* — [?]*избежать Катю*; *избегать Кати* — [?]*избежать Кати*. Это предположение находит поддержку в [ТС 1935: т. 1, 1140], где для *избегать* обнаруживаются два значения: (1) «уклоняться, сторониться»; (2) «избавляться, спасаться», которые можно охарактеризовать как акционально-констатирующее и интерпретационно-перфектное соответственно. Вин. падеж при

избегать может усиливать первое, констатирующее, значение, по Ушакову, оживляя пространственное осмысление, ср. *избегать соседку, магазин = огибать, обходить стороной*, что способствует увеличению акциональности глагола (констатационной составляющей в ущерб интерпретационности в семантике). Для СВ (*избегнуть, избежать*), очевидно, характерно только интерпретативно-оценочное значение, соответствующее *избегать* 2.

4. Особое внимание в докладе уделяется конструкциям, организованным *избежать / избегнуть* и непропозитивными именами (независимо от падежной характеристики), в плане 1) формы глагола и ее грамматической семантики и 2) словарной, словообразовательной и контекстной семантики имен: *избегнув преследователей, избежать паразитов, избежавшей косарей, избежал Гименя, чтобы избежать утесов, чтобы избежать старьевщика сеттера* (НКРЯ).

5. Соединение «эмоционально-модального» глагола с РОД. приглагольного имени получает интерпретацию как семантическое согласование по линии ирреальной модальности. Выбор граммы ВИН. обнаруживает разрушение «ирреального» семантического согласования и появление нового поликатегориального комплекса: для *избегать* это поле взаимодействия именных семантических категорий пространства (для предметных и личных имен: *избегать Катю, избежать орехи*) и персональности (для пропозитивных имен: *избегать удачу*), с одной стороны, и глагольной категории акциональности — с другой. Однако *избежать / избегнуть* в большей мере, чем другие глаголы данной группы (такие как *бояться, ждать*), сохраняют связь с «эмоционально-модальной» семантикой (на которую накладывается каузативность), а РОД. приглагольный сохраняет пропозитивное осмысление.

ЛИТЕРАТУРА

- Г. А. Золотова. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- В. А. Ицкович. Очерки синтаксической нормы. М., 1982.
- МСГ 1996 — А. В. Бондарко (отв. ред.). Межкатегориальные связи в грамматике. СПб., 1996.
- ТС 1935 — Д. Н. Ушаков (ред.). Толковый словарь русского языка: в 4 т. М., 1935–1940.
- P. Hopper, S. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // Language 1980, 56, 2. P. 251–299.

ГЛАГОЛЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ СЛОЖЕНИЕМ, В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В работе А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина «Русский глагол» отмечалась тесная связь глагольного формообразования и словообразования, однако до сих пор недостаточно изучены способы образования глаголов разных типов. Глагольная деривация в русском языке предполагает противопоставление отглагольных и отыменных образований, аффиксации и сложения.

Для словообразования глаголов характерна преимущественно аффиксация. Глаголов, образованных чистым сложением, относительно немного, при этом сложные глаголы и по продуктивности уступают сложным именам.

В сфере глагольной деривации выделяется несколько словообразовательных типов сложений. Это, во-первых, сложные глаголы с аффиксоидом *сам(о)-*, указывающим на действие, совершенное субъектом или самостоятельно (в этом случае значение направленности действия на самого субъекта дважды акцентируется), или самопроизвольно: *самовоспламениться, самоопределиться, самосовершенствоваться, самоустраниться, самоуправляться*. Эта модель является продуктивной в современной русской речи: словообразовательный тип активно пополняется новообразованиями. Ср.: *самоафрестоваться, самозакрепиться, самообразоваться, самокритиковаться* и др.

Во-вторых, сложные глаголы представлены словообразовательным типом с компонентом *полу-*, указывающим на неполноту или слабую степень процессуального признака, частичную его реализацию: *полулежать, полусидеть, полубернуться, полудремасть, полудеть* и др. Этот словообразовательный тип включает небольшое число узуальных, преимущественно одновидовых глаголов, однако по данной модели создается много потенциальных и окказиональных слов: *полуверить, полудействовать, полузабыть, полуослепнуть, полуслышать* и др.

К малопродуктивным в современном русском языке словообразовательным типам относятся сложные глаголы с компонентом

взаимо-, которые служат средством эксплицитного выражения взаимных отношений: *взаимоуничтожиться, взаимодействовать, взаимодополнять, взаимопроникать*. Сфера их употребления ограничена книжной речью.

Таким образом, сложные глаголы отмеченных типов преимущественно связаны с выражением субъектно-объектных отношений, а также семантики неполноты. Остальные сложные глаголы, функционирующие в современном русском языке, представляют собой нетипизированные образования, основанные на подчинительных отношениях и включающие препозитивные именные компоненты с объектной (реже обстоятельственной) семантикой, не повторяющиеся в других глагольных сложениях: *боготворить, видоизменить, кровохаркать, ночевродить, плодоносить*, разг. *грибоварить, куховарить*. Единичные глаголы образуются комплексным префиксально-сложным способом: *оплодотворить, умифотворить*.

Для современной русской речи характерна тенденция к постепенному расширению состава сложных глаголов, что связано с активизацией компрессивного словообразования в целом. Семантика, словообразовательная структура и грамматические особенности сложных глаголов требуют детального рассмотрения.

О СЛУЧАЯХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛЬНОГО ЛИЦА

Грамматическая категория лица принадлежит к числу шифтеров, коммуникативных операторов, обеспечивающих организацию общения, расставляющих по местам участников речевого акта. При этом распределение лиц оказывается важной характеристикой жанра и стиля.

Однако далеко не всегда глагольная форма отчетливо выражает свое значение лица. Не говоря уже о неличных глагольных формах (инфинитив, причастия, деепричастия, отглагольные существительные), существует множество случаев вторичного (переносного) употребления форм лица (это прежде всего «обобщенно-множественное 2-е лицо» и «неопределенно-множественное 3-е лицо», а также употребление формы 3-го лица по отношению к собеседнику). И, наконец, есть случаи, когда глагольная форма не определяет свое значение лица, т. е. может быть отнесена к разным участникам ситуации. Такая потенциальная омонимия (лицо может быть определено только в синтаксическом контексте) встречается в формах прошедшего времени, сослагательного и повелительного наклонений.

В частности, семантическая широта 2-го лица (от конкретно-го собеседника до неопределенного множества лиц) осложняет деятельность реципиента и даже приводит к коммуникативным затруднениям. Пример такой ситуации:

Из-за угла, ослепив своими фарами, вынырнул автомобиль. Я отскочил с мостовой на тротуар. Одновременно со мной отшатнулся какой-то человек бездомного вида. <...>

Усмехнулся и говорит:

— *Смерти не боишься, а вот от машины все-таки отскакиваешь.*

Я говорю:

— *Так уж и не боитесь?*

— *Чего же ее бояться. И жизнь не такая уж отличная.*

(Л. Пантелеев. Из старых записных книжек)

Здесь *смерти не боишься* и *от машины отскакиваешь* — это божж говорит, обращаясь к собеседнику, или же имеет в виду себя, но использует для этого все ту же обобщенно-личную форму глагола?

Второй пример с потенциальной омонимией лица:

*Признаюсь, что СТС — не мой канал. Точно так же, как «Караван историй» — не мой журнал, а Дарья Донцова — не мой любимый автор. Однако ж и тем, и другим, и третьим я время от времени пользуюсь — чищу психику. Тут все ясно и без обмана. **Развлекайся. Расслабляйся. Обольщайся** не сомнительной харизмой очередного претендента в народные кумиры, а сказочной историей Даши Васильевой... **Отдыхай.***

(«Известия», 27.09.2003)

Развлекайся, расслабляйся и т. д. — это императив, адресованный обобщенному 2-му лицу, или же так называемая автопрескрипция?

Говорящий может негласно одобрять такую «неопределеннозначность», но чаще всего он ее просто не замечает. Адресат же сообщения в подобных ситуациях опирается на «принцип Приоритета» (М. Б. Бергельсон, А. Е. Кибрик), выстраивая свою тактику понимания в соответствии с дискурсивными условиями. Зона нейтрализации значений лица в целом довольно узкая, поэтому данная ситуация не мешает взаимопониманию.

МОДАЛЬНОЕ ПРИРАЩЕНИЕ В СЕМАНТИКЕ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ИМПЕРФЕКТИВА

Отрицание при имперфективном глаголе может порождать модальное приращение — идею невозможности. Это происходит в двух разных контекстах.

1. В контексте неагентивного глагола стативного. Например:

- (1) *Это не объясняет его отказа* = ‘это не может объяснить его отказ’;
- (2) *Это не доказывает его правоты* = ‘это не может доказать его правоту’.

Дело в том, что агентивный глагол в конативном употреблении выражает каузальное отношение между деятельностью и ее результатом. Например, глагол *объяснить* в своем исходном агентивном значении выражает соотношение между деятельностью субъекта и состоянием сознания Адресата. Деятельность может быть либо успешной, либо не успешной, и неуспех означает, что агенс не достиг цели. В стативном же случае способность ситуации *S* каузировать результат *P* (например, выполнение соотношения *S объясняет P*) может определяться только ингерентным свойством ситуации *S* [Levin, Rappaport Novak 1995]. Отсюда тот факт, что в контексте стативного имперфектива *S* либо может, либо не может объяснить *P*; поэтому у такого имперфектива под отрицанием возникает не только значение отсутствия результата, но и модальное приращение невозможности.

2. В контексте агентивного глагола моментального. Например:

- (3) *Дело, конечно, твое, но не понимаю, к чему это пижонство?* [А. Арканов. Скорая помощь. Юмор (1985–1995)] [= ‘хочу, но не могу понять’]

- (4) *Простите, но не верю* [Итак... про мужчин (блог) (2008)] [= ‘не могу поверить’] (см. о синонимии *не верю* — *не могу поверить* [Vendler 1967; Анна А. Зализняк, Падучева 1989]).

Ср. *не нахожу* = ‘не могу найти’; *не выношу* = ‘не могу вынести’, *не терплю* = ‘терпеть не могу’ и др. Объяснение компоненту ‘не могу’ в семантике отрицательного агентивного глагола см. в [Шатуновский 2009: 129–135].

В докладе рассматривается пресловутая неоднозначная заключительная строфа стихотворения Пушкина «Воспоминание» (см. [Еськова 1999]).

Воспоминание безмолвно предо мной
 Свой длинный развивает свиток.
 И с отвращением читая жизнь мою,
 Я трепещу и проклиная,
 И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
 Но строк печальных не смываю.

Ставится вопрос о модальном приращении в семантике отрицательного имперфектива *не смываю*.

ЛИТЕРАТУРА

Н. А. Еськова. Хорошо ли мы знаем Пушкина? М., 1999.

Анна А. Зализняк, Е. В. Падучева. Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 92–115.

И. Б. Шатуновский. Проблемы русского вида. М., 2009.

V. Levin, M. Rappaport Hovav. Unaccusativity: at the syntax — lexical semantics interface. Cambridge, MA, 1995.

≈ Vendler. Linguistics in Philosophy. Ithaca, NY, 1967.

МУЛЬТИСУБЪЕКТНОСТЬ КАК СУБКТЕГОРИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

Как известно, под понятием категориальной ситуации (в дальнейшем КС), введенным А. В. Бондарко [1983], подразумевается «типичная содержательная структура, представляющая собой один из аспектов передаваемой высказыванием общей сигнификативной (семантической) ситуации» [Бондарко 2004: 21]. КС базируются на соответствующей семантической категории и функционально-семантическом поле (ФСП). Таким образом, персональные КС, передающие отношение к лицу, основываются на семантической категории и ФСП личности [Бондарко 2004: 29].

В докладе рассматривается один из количественных параметров ситуации: множественный характер субъекта, который в лингвистической литературе, как правило, называется мультисубъектностью. При интерпретации данного термина можно исходить из определения, сформулированного В. А. Плунгяном: «большое количество *X*-ов совершает *P*» [Плунгян 2011: 218]. Мы, со своей стороны, будем рассматривать мультисубъектность как типичную содержательную структуру с несколькими субъектами.

Наша работа представляет собой детальное описание мультисубъектных КС, включая их дальнейшую субкатегоризацию. Под таким углом зрения изучаются высказывания с дистрибутивным (примеры 1 и 2), взаимным (3), кумулятивным (4), дистрибутивно-кумулятивным (5) и комитативным значением (6).

- (1) *Все наши братья пережились.*
- (2) *Когда директор вошел в класс, все ученики повставали.*
- (3) *Девушки пересмеивались, перешептывались между собой.*
- (4) *В этом году навалило много снега.*

(5) *Понаехало много гостей.*

(6) *Иван обедает с друзьями.*

За исключением комитативных конструкций, в которых значение множественности субъектов выражается синтаксически, в центре нашего внимания находятся глаголы, выражающие значение мульти-субъектности морфологическими средствами. В наши задачи входит семантическое сопоставление указанных выше КС, определение их семантических взаимоотношений и различий между ними.

ЛИТЕРАТУРА

- А. В. Бондарко.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- А. В. Бондарко.* Теоретические проблемы русской грамматики. СПб., 2004.
- В. А. Плунгян.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

МЕСТОИМЕННЫЙ ГЛАГОЛ КАК КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ КЛАСС СЛОВ

Одна из нерешенных проблем современной русистики касается обоснованности выделения местоименных глаголов ([Панков 2009, 2014; Федунева 2011; Куншина 2014] и др.). Как известно, в рамках каждой из самостоятельных частей речи выделяются знаменательные и местоименные категориальные классы слов (ККС [Панков 2009]). Логично предположить, что и среди глаголов могут быть знаменательные и местоименные лексемы. Приведем аргументы в пользу этого предположения.

1. В русском языке функционируют как минимум два лексико-семантических варианта глагола *делать* — знаменательный *делать*₁ ('производить, изготавливать', ср. англ. *to make*) и местоименный *делать*₂ (ср. англ. *to do*). В ответ на вопрос *Что Иван сейчас **делает**?* с *делать*₁ нужно употребить существительное: *кормушку, макет танка* и т. д., а в ответ на вопрос с *делать*₂ следует использовать глагол: ***мастерит** кормушку, **строит** модель танка, **рисует*** и т. д.

2. Все специальные вопросы выражаются местоименными словами: *кто, что, какой, чей* и т. д. Закономерно, что и специальный вопрос *Что **делать**?* тоже включает местоименные слова: *что* и *делать*.

3. Не является убедительным контраргументом то, что невозможно заменить словом *делать* любой глагол аналогично тому, как мы заменяем существительные местоимениями. Например: *Иван **болеет***. Ср. некорректность: **Иван **делает***. Замена знаменательного слова на местоименное не является универсальным операциональным методом верификации ККС. Такого рода ограничения возможны и в употреблении других местоимений. Так, не всегда возможна замена существительного на личное местоимение: *Иван написал **коротенькую записку***, ср. некорректность: **Иван написал **коротенькую её***; *Семинар будет во **вторник***, ср.: **Семинар будет в **него***. У местоименных слов, как видим, имеются грамматические особенности по сравнению со словами знаменательными.

4. Среди местоименных глаголов можно выделить как слова, не обладающие номинативным значением, типа *делать*₂, так и просторечные лексемы, которые мотивированы местоимениями, например глагол *этовать* и соответствующие префиксальные глаголы: *отэтовать*, *разэтовать*, *доэтовать*, *подэтовать*, *перезэтовать* и др. Аналогично выделяются местоименные причастия и деепричастия как ККС, мотивированные местоименным глаголом.

5. К местоименным можно отнести также десемантизированные глаголы-экспликаторы в составе описательных предикатов, имеющих однословные корреляты, например: *оказать* (*помощь*), ср. *помочь*; *произвести* (*посадку*), ср. *посадить* и др.

6. По-видимому, ККС местоименных глаголов — реальный феномен грамматической системы русского языка, характеризующийся полевой устройственностью с ядром и периферией [Бондарко, Буланин 1967].

ЛИТЕРАТУРА

- А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол: пособие для студентов и учителей. Л., 1967.
- В. С. Кунишина. Функционирование категориального класса местоименных глаголов в современном русском языке. Дипломная работа. М., 2014.
- Ф. И. Панков. Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2009.
- Ф. И. Панков. Местоглаголие в теории и практике преподавания русского языка как иностранного // Русский язык и культура в современном образовательном пространстве: V Международная научно-практическая конференция. Тезисы докладов. М., 2014. С. 60–62.
- Г. В. Фёдюнева. О статусе местоглаголия в языке // Вопросы языкознания 2011, 2. С. 89–96.

ОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ОДНОСОСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В МАТЕРИАЛАХ «СИНТАКСИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ»¹

Как известно, поэтический синтаксис является одной из наиболее интересных, хотя и наименее разработанных отраслей филологии, несмотря на то, что именно в стихотворной речи, в силу ее специфики («высокая степень организованности» [Ковтунова 1986: 5]), отбор, строение и расположение синтаксических конструкций приобретают особое значение. Главными задачами, стоявшими перед создателями «Синтаксического словаря русской поэзии», были регистрация и классификация разнообразного со структурной, семантической и коммуникативной точек зрения репертуара синтаксических единиц, используемых представителями русской поэтической классики.

Примененная в настоящем лексикографическом опыте традиционная грамматическая классификация, разумеется, давала некоторые «сбои» в ходе проведения синтаксической разметки поэтических высказываний: участникам проекта нередко приходилось сталкиваться с «темноватыми», «непрозрачными» для анализа построениями — примерами как структурной, так и семантической контаминации (конденсации, «компрессии» лирического текста, создаваемого по принципу «как можно короче и как можно полнее» [Сильман 1977: 33]). Неоднозначность и «темнота» поэтических текстов — их «структурное свойство» [Ревзина 2002: 424]².

Так, принятия специального решения требовала от авторов словаря характеристика определено-личных предложений: семантика «определенности» лица требует конситуативно вполне однозначной соотносительности с говорящим или адресатом, однако в условиях поэтической коммуникации говорящим обычно является стоящий за текстом лирический герой, в той или иной степени совпадающий с фигурой автора; кроме того, состояние, действие, выражаемое

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168.

²См. также [Перцов 2000].

предикатом «определенно-личной» конструкции, потенциально может быть отнесено к любому читателю поэтического произведения, которому окажутся близки чувства лирического героя стихотворения. Адресат, как и субъект лирического произведения, тоже зачастую лишен точной референтной отсылки, иногда представлен собирательно-обобщающе: *Страшитесь, персы, рока злого!* (И. И. Дмитриев); адресатом может оказаться не только человек, но и абстрактная сущность, природное явление, неодушевленный предмет: *Примите, древние дубравы, Под тень свою питомца муз!* (И. И. Дмитриев); *Свищи, весна, свищи, красна!* (В. К. Тредиаковский). Несмотря на то что фактически все высказывания такого рода (с неодушевленным или собирательно представляемым субъектом либо адресатом) могут быть интерпретированы как условно- или обобщенно-личные, в словаре за подобными предложениями сохранен статус определенно-личных, однако условность этой квалификации подчеркнута знаком астериска («определенно-личные*»).

ЛИТЕРАТУРА

И. И. Ковтунова. Поэтический синтаксис. М., 1986.

Н. В. Перцов. О неоднозначности в поэтическом языке // Вопросы языкознания 2000, 3. С. 55–82.

О. Г. Ревзина. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002. С. 418–433.

Т. Сильман. Заметки о лирике. Л., 1977.

НАСТОЯЩЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ В ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ НА РУСИ

Старославянские евангельские тексты содержат немногочисленные формы настоящего исторического в соответствии с греческим *praesens historicum* [Бондарко 2005: 569–570]. Считается, что такая ситуация сохранялась в книжном языке славян до XIV–XV вв. Это положение опровергается восточнославянским переводом Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (до 1117 г., далее — ТЕ). В отношении настоящего исторического ТЕ неоднородно: в основном тексте эта форма встречается спорадически, в толкованиях — последовательно, в соответствии с греческим настоящим историческим. Большинство форм настоящего исторического в ТЕ представлено глаголами НСВ в событийном значении, что характерно для книжных памятников строгой нормы и значительно чаще встречается в более поздних текстах [Федорова 2017].

ТЕ послужило одним из источников Чудовской редакции Нового Завета (ЧРНЗ), представленной восточнославянскими списками XIV–XV вв. Систематическое употребление настоящего исторического в этой редакции, в большинстве случаев соответствующее греческому *praesens historicum*, отличает ее от афонского текста [Пентковская 2009: 112–135].

В ТЕ и ЧРНЗ имеются случаи, когда церковнославянским формам *praesens historicum* в греческом тексте соответствуют иные формы, в частности имперфект [Федорова 2017; Пентковская 2009: 133–135]. Случаи перевода имперфекта настоящим историческим объясняются семантической близостью этих форм в определенных условиях: имперфект называют настоящим относительным временем или настоящим временем в прошедшем [Чакърова 2015]. Так как греческое настоящее историческое «выражает действие длительное, развивающееся» [Бондарко 2005: 570], а формы имперфекта подчеркивают длительный характер действия в прошлом, они оказываются взаимозаменяемыми. Случаи, когда настоящее историческое соответствует не греческому *praesens historicum*, а какой-либо другой форме

оригинала, свидетельствуют о том, что употребление настоящего исторического в ТЕ и ЧРНЗ не является грамматической калькой.

Поздняя русская традиция (перевод Бесед на Евангелие от Матфея 1524 г. и Новый Завет Елифания Славинецкого (НЗЕ)), опирающаяся на ТЕ, ЧРНЗ и афонскую редакцию, демонстрирует два типа ориентации: отказ от систематического употребления настоящего исторического, который через афонскую редакцию восходит к старшим редакциям Евангелия (Беседы), и регулярное его употребление, восходящее через ЧРНЗ к толковой традиции (НЗЕ).

ЛИТЕРАТУРА

- А. В. Бондарко.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.
- Т. В. Пентковская.* К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке. Чудовская редакция Нового Завета. М., 2009.
- Е. В. Фёдорова.* Настоящее историческое в древнейшем переводе Толкового Евангелия Феофилакta Болгарского (на примере Евангелия от Марка) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология 2017, 2 (в печати).
- К. Чакърова.* Към въпроса за противопоставянето аорист — имперфект в съвременния български език // Да (пре)откриваш думите. Юбилеен сборник, посветен на проф. д. ф. н. Вера Маровска. Пловдив, 2015. С. 49–62.

АСИММЕТРИЯ ВИДОВЫХ И ВРЕМЕННЫХ КОРРЕЛЯЦИЙ В
РУССКОМ СТРАДАТЕЛЬНОМ ЗАЛОГЕ
(ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ)

Глагол в русском языке отличается от всех других частей речи особенно многообразными связями между своими морфологическими категориями [РГ 1980: 64]. Межкатегориальные связи русского глагола исследовались многими лингвистами — В. В. Виноградовым, Ю. С. Масловым, А. В. Бондарко, В. С. Храковским, Ю. А. Пупыниным, Ю. П. Князевым, В. И. Гавриловой и др. Функционально-семантический подход к изучению данного взаимодействия, реализованный в Петербургской школе функциональной грамматики (ПШФГ), намечен уже в книге А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина «Русский глагол» [1967]. Он получил дальнейшее развитие в целом ряде публикаций, написанных в русле ПШФГ; функционально-семантический анализ взаимодействия вида, времени и залога был проведен в серии работ Ю. А. Пупынина, см., например, [Пупынин 1984; Роурун 1999]. В докладе будет представлена **объяснительная концепция** особенностей взаимодействия вида, времени и залога, направленная на интерпретацию асимметрии вида и времени в русском страдательном залоге.

Как известно, в русском языке образование форм страдательного залога зависит от вида и реализуется в корреляции синтетических возвратных форм несовершенного вида (НСВ) и аналитических форм с краткими причастиями, образованными от глаголов совершенного вида (СВ), ср.: *Наш проект уже рассматривался (рецензентами) / Наш проект уже (был) рассмотрен (рецензентами)*. Возвратные формы страдательного залога от глаголов СВ в русском языке образуются крайне редко (в отличие от других славянских языков). В докладе мы постараемся объяснить, почему по-русски нельзя сказать *Наш проект уже *рассмотрелся (рецензентами)*. И почему в некоторых типах контекста в пассивных возвратных конструкциях допускается употребление глаголов СВ, сопровождаемое декаузативным эффектом (т. е. смыслом ‘само собой’). Например:

С женою отошло тебе первую песнь «Онегина». Авось с переменной министерства она и напечатается... (Из письма А. С. Пушкина).

Наше исследование показало, что в русском языке свободно и нейтральному употреблению возвратных форм пассива СВ препятствует прежде всего декаузативный эффект: если контекст исключает связанные с ним смыслы (стихийности, произвольности, отчасти неконтролируемости), то и употребление глаголов СВ в соответствующих пассивных возвратных конструкциях практически невозможно. Для создания объяснительной концепции особенностей взаимодействия вида и залога требуется 1) проанализировать специфику грамматики СВ в русском языке (на славянском фоне) [Петрухина 2012]; 2) рассмотреть грамматико-словообразовательную общность возвратных глаголов и форм, выражающих интерпретацию действия как произвольного, в известной степени неконтролируемого, к которой примыкают и возвратные пассивные формы СВ; 3) использовать сопоставительные данные об отношениях вида и залога в других славянских языках [Петрухина 2015]. Необходимо также учитывать взаимодействие основных функционально-семантических сфер в поле залоговости, определенных А. В. Бондарко [Бондарко 2005: 194–195], прежде всего активности / пассивности и транзитивности / интранзитивности (а также частных значений возвратных глаголов, которые мы рассматриваем в рамках названного выше грамматико-словообразовательного комплекса).

В докладе будут также проанализированы особенности выражения времени в аналитических конструкциях страдательного залога.

ЛИТЕРАТУРА

- А. В. Бондарко. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.
- А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967.
- Е. В. Петрухина. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. 2-е издание. М., 2012.
- Е. В. Петрухина. Вид в грамматическом контексте пассива (на материале русского и чешского языков) // Р. Бенаккьо (ред.). Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. München — Berlin — Washington, D. C., 2015. С. 404–420.

Ю. А. Путьнин. Взаимосвязи категорий вида и залога в русском языке при функционировании форм несовершенного вида в пассивных конструкциях // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 175–187.

РГ 1980 — Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.

Yu. A. Pulyunin. Interaction between aspect and voice in Russian. München, 1999.

УПОТРЕБЛЕНИЕ СВ И НСВ В БУДУЩЕМ ВРЕМЕНИ В РЕЗЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

Настоящая работа посвящена употреблению глагольного вида в будущем времени в русском и резьянском языках.

Резьянский микроязык является диалектом меньшинства словенской языковой группы, населяющего регион Фриули на северо-востоке Италии.

Среди славянских языков резьянский представляет собой весьма интересный случай: во-первых, благодаря постоянному контакту с романскими языками, в частности с фриульским и с итальянским; во-вторых, в силу того, что его связь со словенским языковым ареалом уже в XV веке полностью прекратилась [Rampovš 1928: 109–110].

Положение на периферии славянского языкового ареала, с одной стороны, и ситуация языкового контакта с романскими языками, с другой, способствуют сосуществованию в резьянском диалекте архаичных и новых черт (ср. [Benacchio 2002]).

Целью настоящей работы является поиск ответа на вопрос о том, повлияли ли эти разнонаправленные тенденции на употребление глагольного вида в резьянском языке. Вопрос решается в сопоставлении с русским, т. е. со славянским языком, в котором категория вида не только максимально грамматикализована, но и доминирует над категорией времени [Петрухина 2009: 174].

В русском языке, кроме синтетической формы будущего времени глагола *быть*, существует и аналитическая форма, состоящая из форм будущего времени глагола *быть* + инф. НСВ главного глагола, например *буду открывать*. Аналитическая форма передает незаконченное действие, повторяющееся действие или обобщенный факт. Для выражения будущего единичного, конкретного действия или, реже, для выражения повторяющегося действия (наглядно-примерное значение) прибегают к формам так называемого настоящего-будущего СВ, например *открою*, которые с точки зрения морфологии являются формами настоящего времени [Бондарко 1971: 89, 103].

В резьянском языке, как и в русском, только глагол *быть* обладает настоящими формами будущего времени; все остальные глаголы используют аналитическую форму. В этом отношении в резьянском имеется множество средств: 1) конструкция с глаголом *tēt* 'хотеть' + инф. главного глагола (1–2); 2) конструкция с глаголом *bet* 'быть' + причастие на *-l* главного глагола (3–4); 3) конструкция с глаголом *mēt* 'иметь' + инф. главного глагола (5–6). Все конструкции совместимы как с НСВ, так и с СВ.

- (1) *Zütra éon se zbüdet^{CB} na ne 7.*
*Завтра **проснусь** в 7.*
- (2) *Éon rüdi dajat^{HCB} mözino.*
*Буду всегда **подавать** милостью.*
- (3) *Ko bon skühala^{CB} bohačo, éon ti parnistyt din kos.*
*Когда **испеку** лепешку, **принесу** тебе кусок.*
- (4) *Zütra pojütrë kar bon þeglala^{HCB}, Sandro éë wmot þlate.*
*Завтра утром, пока я **буду гладить**, Сандро помое посуду.*
- (5) *Na vin, éi män dorivät^{CB}!*
*Не знаю, **успею** ли / **получится** ли у меня.*
- (6) *Du bej vi, éi litus mao gnät^{HCB} gobe!*
*Кто знает, **вырастут** ли в этом году грибы.*

Настоящая работа нацелена на определение контекстов употребления вышеуказанных оборотов, а также на выявление их значений в зависимости от употребляемого в них вида.

ЛИТЕРАТУРА

- A. В. Бондарко.* Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Е. В. Петрухина.* Русский глагол: Категории вида и времени. М., 2009.
- R. Benacchio.* I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto. Udine, 2002.
- F. Ramovš.* Karakteristika slovenskega narečja v Reziji // Časopis za slovenski jezik, književnost i zgodovino 1928, VII. S. 107–121.

СОЮЗНЫЙ ИНФИНИТИВ В РОЛИ СЕНТЕНЦИАЛЬНОГО АКТАНТА В ДРЕВНЕРУССКОМ¹

Сферы употребления инфинитива, присоединяемого союзом, в роли сентенциального актанта в древнерусском и в современном русском языке не совпадают. Кроме того, в современном русском языке союзы, вводящие актантный инфинитив, содержат частицу *бы* (*чтобы, как бы*), в то время как в древнерусском употреблялись союзы с частицей **вы** и без нее.

К числу предикатов, регулярно присоединяющих союзную конструкцию, принадлежат комиссивы, т. е. глаголы, которые обозначают, что субъект берет на себя те или иные обязательства: **клатиса** 'клясться', **крѣсть цѣловати** 'целовать крест (в подтверждение взятого на себя обязательства)', **(сѣ)доумати** 'выработать совместное решение сделать что-л.', **(сѣ)гадати** 'то же', **сѣвѣщатиса** 'то же', **сѣвѣтъ сѣтворити** 'то же', **доконьчати** 'заключить договор', **оурадитиса** 'договориться', **оуладитиса** 'то же', **извѣтитиса** 'удостоверить, подтвердить взаимные обязательства', **сѣречи** 'уговориться, условиться'. Ср.: **како** вси былъ оумолвилъ, **с** **вратомъ** **своимъ** **Рюрикомъ**. **и со мною**. **аже** совокоупитиса. **оу** **Чернигова** **веимъ** 'как ты условился с братом своим Рюриком и со мной, чтобы всем собраться у Чернигова' (Киевская летопись, л. 240) и т. п. В древнерусский период союзные инфинитивные конструкции при комиссивах решительно преобладают над бессоюзными.

Довольно часто управляют союзным инфинитивом глаголы, выражающие интенцию говорящего: **мыслити** 'думать', **доумати** 'то же', **печаловатиса** 'заботиться, хлопотать', **печаль имѣти** 'быть озабоченным', **лѣтити** 'злоумышлять', **ловити** 'выжидать удобного времени', ср.: **а** **w** **мостѣ** **печаль** **имѣюшоу**. **како** **Днѣстръ** **перейти** 'был озабочен по поводу моста, чтобы перейти Днестр' (Галицкая летопись // Полное собрание русских летописей, II, 759) и т. п. Интенцию с отрицательной оценкой ситуации выражает

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

глагол **възбранити / възбранати** ‘препятствовать’: **митрополитъ же много възбранаше и(м) (...)** како не оубити **Игора** ‘митрополит же <...> очень старался воспрепятствовать им убить Игоря’ (Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей, I, 317).

Существенно, что союзная конструкция употребляется только при предикатах, обозначающих ментальную интенцию; при глаголах со значением ‘стараться, прикладывать усилия’ (**тъснутисѧ, тъщатисѧ**) засвидетельствован только бессоюзный инфинитив.

Наконец, изредка союзная инфинитивная конструкция встречается при модальных глаголах: **ркоша втроку аще можеши како ити иди** ‘сказали юноше: «Если можешь идти, иди»’ (Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей, II, 54); **я сего ци хотѣлъ. вже бы мнѣ искати твоеи землѣ по твоемъ животѣ** ‘я разве хотел искать твоей земли после твоей смерти?’ (Волынская летопись // Там же, 902).

В. А. Плунгян
ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, Москва
А. Ю. Урманчиева
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ПЕРФЕКТ(Ы) В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»: ТРИ ПЕРФЕКТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ¹

В докладе рассматривается употребление перфекта в «Повести временных лет» (ПВЛ, по Ипатьевскому списку). Несмотря на то, что эта форма неоднократно становилась объектом лингвистического анализа, она, насколько нам известно, не изучалась в том ракурсе, который предлагается в нашем исследовании.

Перфект может быть представлен в тексте ПВЛ тремя формальными разновидностями: с препозицией вспомогательного глагола относительно причастной *л*-формы, с постпозицией вспомогательного глагола, а также бессвязочный перфект. Традиционно не ставится под сомнение, что эти варианты манифестируют форму с одним и тем же — перфектным — грамматическим значением.

В докладе тем не менее показано, что эти формы различаются дополнительными семантическими характеристиками. Так, форма с препозицией вспомогательного глагола употребляется при наличии в предложении непредикатного контрастивного фокуса, ср. в одинаковом синтаксическом и фонетическом контексте (1) с контрастивным фокусом и (2) без него:

(1) **прииде к нимъ Дѣдъ Игоревичъ . и ре^ѣ имъ на что ма есте привабили . все есмь . кому до мене вбида . и ѿвѣща к нему Володимеръ . ты еси прислалъ к намъ река . хоцю братъе приити къ вамъ . и пожаловати своее вбиды**

(2) **и посла Стополкъ . и Володимеръ ко Ѡлгови глѣа сице . се ты не шель еси с нама на поганыѣ. иже погубиша землю Русьскую**

¹Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 17-04-00517а «Развитие морфологического и семантико-синтаксического компонентов корпусного описания грамматики современного русского языка».

Что касается употребления *л*-причастия без связки в предикативной функции, по нашему мнению, оно существенно отличается от употреблений «полных» перфектных форм. Ср., в частности, (3), где полные перфектные формы используются для **характеризации** субъекта навета (Василька) в рамках прямой речи, и (4), где формы без связки используются **при пересказе** того же навета:

- (3) Давыдъ же имъ вѣры лживымъ словесемъ . нача молвити на Василка . гла сице . кто естъ оубилъ брата твоего **Ѓрополка** . а ныны мыслить на та и на ма . и сложилъса естъ с Володимеромъ да промышлаи си ѿ своеи головѣ .
- (4) наоутриа же Стополкъ . созва воаре и Киане и повѣда имъ . еже вѣ ему повѣдалъ Дѣдъ . яко брата ти оубилъ . и на та свѣщалъ с Володимеромъ хочеть та оубити . и градъ твои закати .

В (4) функции перфекта без связки похожи на функцию цитативной частицы *-де* в (5), в связи с чем уместно вспомнить формирование репортатива в болгарском, имеющего также цитативное значение (6):

- (5) *И я паче стал ево спрашивать, чего ради нейдет к иным кроме меня и он сказал, что: «Я де живучи в Москве с ума сходил и царя согрешил, бранил и за то в Преображенской бран и пытан и выпущен де я на поруку, поручился де по мне брат родной, понеже узнали де меня, что я без ума».* [епископ Питирим. Доношение нижегородскому вице-губернатору Ю. А. Ржевскому (1720), НКРЯ]

- (6) *Той се завърна и каза, че го не намѣрил.*
‘Он вернулся и сказал, что не нашел его.’ [Маслов 1956: 253]

Следует подчеркнуть, что мы различаем **цитатив** (передачу чужой речи, как в (5)) и **репортатив** (форму косвенной эвиденциальности со значением чужой речи в качестве источника информации о ситуации) и приписываем ряду бессвязочных перфектов в ПВЛ именно **цитативную** функцию. Однако в др.-р. цитативность не была грамматикализована в качестве единственного значения этой формы, о чем будет также сказано в докладе.

ЛИТЕРАТУРА

Ю. С. Маслов. Очерк болгарской грамматики. М., 1956.

**Кривичи же съдѣти на верхъ Волги: О ВАРЬИРОВАНИИ
ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ СОЧЕТАНИЙ С ВИНИТЕЛЬНЫМ И
МЕСТНЫМ ПАДЕЖАМИ ПРИ НЕКОТОРЫХ
ДРЕВНЕРУССКИХ ГЛАГОЛАХ**

В знаменитом пассаже о расселении славянских племен из «Повести временных лет» фиксируется варьирование винительного и местного падежей после предлога *на* при глаголе *съдѣти*: ср., с одной стороны, **кривичи же съдѣти на верхъ волги · а на верхъ двины и на верхъ днѣпра** и, с другой стороны, **на бѣлѣ озерѣ съдѣти весь** (ПВЛ по Лавр. сп., л. 4).

Семантически конструкция *на* + ВИН, обычная при глаголах перемещения, кажется неожиданной при глаголе, который в своем исходном значении указывает на положение в пространстве и хорошо сохраняет эту идею в производном значении 'жить на определенной территории'. Для объяснения этого винительного можно в качестве осторожной гипотезы, вслед за работой [Горбунова 1997], где обсуждаются причины употребления глаголов совершенного вида типа **потечеть** в контекстах географических описаний, высказать предположение о том, что не только выбор глагольной формы, но и выбор падежа здесь связан с наличием так называемой фигуры наблюдателя — как бы очевидца, перемещающегося по некоторому маршруту и описывающего то, что он видит.

Существуют, однако, и такие контексты, для которых никакой возможности предположить наличие фигуры наблюдателя нет; ср. **оурядили пакъ миръ како вы(ло) люво рзеи и веѣмоу латинескомуу языкоу кто то оу роусе гостити** (Смол. гр. 1229 г., сп. А) — «...кто в Русь торгует». Важно заметить, впрочем, что **гостити** может быть условно причислен к глаголам перемещения или, по крайней мере, семантически близким им. Варьирование винительного и предложного падежей при глаголах перемещения в подобных случаях описано на материале современного русского языка в работе [Апресян 2017], где отмечается связь винительного с идеей конечной точки и цели, в отличие от связи с идеей места и результата, харак-

терной для предложного падежа. Вероятно, конструкция **въ + ВИН** при **гостити** может быть объяснена сходным образом. Более того, кажется допустимым принять аналогичное решение и относительно глагола **сѣдѣти** — если учесть, что нахождение племени на определенной территории возникло вследствие его перемещения туда.

Круг древнерусских глаголов, способных подчинять себе предложно-падежные конструкции с винительным / предложным в зависимости от акцента на идее цели / результата, оказывается, таким образом, шире, чем круг подобных глаголов в современном русском.

Из более поздних лексем интересно отметить также глагол *кануть*, также допускающий указанную вариативность; ср. *кануть во что / в чем*.

ЛИТЕРАТУРА

- В. Ю. Апресян*. Двойные семантические роли в исходных и переносных значениях многозначных глаголов // Вопросы языкознания 2017, 2. С. 7–32.
- Е. А. Горбунова*. Глагольные формы в географических описаниях по материалам восточнославянских памятников старшего периода (в сопоставлении с современными говорами) // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. М., 1997. С. 47–66.

ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМУЛЫ РУССКОГО ЯЗЫКА С ГЛАГОЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ¹

В докладе речь пойдет о дискурсивных формулах (ДФ), которые, с одной стороны, во многом соотносятся с коммуникативами [Шаронов 1996], а с другой — мыслятся как конструкции, которые опираются на речевой акт в целом и на предшествующий и последующий контексты в частности. ДФ объединяют под собой разнородный класс единиц, обширную группу внутри которых составляют формулы, содержащие глагольный компонент. К ним можно отнести как исторические, так и современные формулы, например *помилуйте, перестань, брось, не говори!* и др.

В центре внимания проведенного исследования оказались формулы от глаголов *знать* и *хотеть*; детальному анализу с позиции диахронии подверглись контексты, содержащие формулы *как знаешь* и *как хочешь*, взятые из Национального корпуса русского языка.

Интересен статус этих формул с точки зрения фиксации в словарях. Например, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова [Ушаков 1935–1940] можно найти только толкование формулы *как хочешь*, в словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 2006] находим обе формулы, которые не совпадают полностью по значению, но могут являться синонимичными. В словаре под ред. А. П. Евгеньевой [Евгеньева 1981–1984] формула *как знаешь* приравняется по значению к *как хочешь*, при этом во фразеологическом словаре русского языка [Федоров 2008] эти формулы разводятся.

Анализ контекстов позволил, во-первых, выделить основные типы функционирования *как знаешь* и *как хочешь*, в частности отделить употребление синтаксических конструкций от собственно дискурсивных формул, а во-вторых, установить,

¹Работа выполнена при поддержке гранта РФФ №16-18-02071 «Пограничный русский: оценка сложности восприятия русского текста в теоретическом, экспериментальном и статистическом аспектах» (рук. Н. А. Слюсарь).

что данные единицы функционируют как синонимичные ДФ на протяжении значительного периода времени (XIX–XXI вв.).

Типичными употреблениями в функции ДФ становятся реакции на отказ, на утверждение или на высказанную позицию, что влияет на конкретное значение ДФ и структуру конструкции в целом:

Треплев. *Не хочу, мама, я сыт.*

Аркадина. *Как знаешь.*

[А. П. Чехов. Чайка (1896)]

Представленные ДФ могут употребляться в одном контексте, кроме того, значение ДФ может раскрываться последующим контекстом. Можно предположить, что лексическое значение единиц, входящих в состав ДФ, отходит на второй план, уступая место прагматическому значению (см. о прагматикализации в [Graf 2011]). В докладе также рассматриваются вопросы некомпозициональности исследуемых ДФ, соотношение их с иноязычными аналогами, а также их место в системе дискурсивных единиц с позиции существующих теорий.

ЛИТЕРАТУРА

- А. П. Евгеньева (ред.)*. Словарь русского языка. М., 1981–1984.
- С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова*. Толковый словарь русского языка. М., 2006.
- Д. Н. Ушаков (ред.)*. Толковый словарь русского языка. М., 1935–1940.
- А. И. Фёдоров*. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.
- И. А. Шаронов*. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания // Русистика сегодня 1996, 2. С. 89–112.
- E. Graf*. Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten. Frankfurt a. M., 2011.

ЧАСТНОВИДОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И ОТГЛАГОЛЬНОЕ ИМЯ ДЕЙСТВИЯ

В книге А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина «Русский глагол» сформулированы и намечены важнейшие идеи, многие из которых легли в основу современной теории аспектологии. В частности, четко дифференцированы функционально-семантическая категория аспектуальности и грамматическая категория вида, а также инвариантные и частные значения видов: «Общее значение грамматической категории является элементом структуры языка, его грамматической системы. Частные значения имеют отношение и к языку, и к речи... обусловлены контекстом и ситуацией речи» [Бондарко, Буланин 1967: 8]. Применительно к отглагольным именам действия это означает, во-первых, что отсутствие у них грамматической категории вида (в строгом смысле) не противоречит их лексической и/или контекстуальной аспектуальности. Во-вторых, обнаружение у них «частновидовых» значений (о которых пишут, например, [Урысон 2014; Труб 2015] и др.) не предполагает конструирования на основе этих частных значений категории «вида» русских отглагольных существительных (поскольку значения видов «не являются такой абстракцией, которая включает в себя абстракции более низкого порядка» [Бондарко, Буланин 1967: 46]), но является достаточным основанием для их включения в состав функционально-семантической категории аспектуальности. Приведем несколько примеров из нашей картотеки:

- (1) *Эта воздушная **переправа** совершена была Ахиллой благополучно*
(Н. Лесков)
(конкретно-фактическое значение);

- (2) *В двенадцать случился приступ: глотание запоздалых лекарств, **двукратное измерение** давления и ссора: вызывать или не вызывать «скорую помощь»?*
(В. Маканин)
(суммарное значение);

- (3) *И на этот раз Зотов с особенной любовью погрузился в **решение** вопросов: к чему гудит самовар, какую печаль пророчит печь*
 (А. Чехов)
 (конкретно-процессное значение) и т. п.

При этом нельзя утверждать, что такие значения приносятся исключительно контекстом, поскольку в одном и том же окружении разные имена действия могут реализовывать разные «частновидовые» значения:

- (4) *Аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем **пребывании** во Владикавказе*
 (А. Пушкин)
 (конкретно-процессное значение), ср.: *...не жалеют о своем **побеге*** (конкретно-фактическое значение).

В докладе на материале данных НКРЯ и других доступных источников современной русской речи будут рассмотрены типы и контекстуальные условия реализации «частновидовых» значений, которые могут выражать отглагольные имена действия.

ЛИТЕРАТУРА

- А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин.* Русский глагол. Л., 1967.
- В. М. Труб.* К проблеме интерпретации видовой соотнесенности отглагольных существительных // Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития: сб. ст. V Международной конференции Комиссии по аспектологии МКС. Киото, 2015. С. 299–306.
- Е. В. Урысон.* Частные значения несовершенного вида в семантике русского существительного // Scando-Slavica 2014, 60, 2. С. 367–383.

«СКРЫТЫЕ КАТЕГОРИИ» РУССКОГО ГЛАГОЛА КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

В общем виде «скрытые категории» представляют собой особый тип грамматических значений, которые не имеют формально выделяемых, морфологических средств выражения в языке, но тем не менее включаются в грамматическую систему языка на основании «косвенных» (например синтаксических) признаков, позволяющих говорить об их присутствии. Традиционно для русских глаголов выделяются «скрытые категории» **агентивности / неагентивности** и **актуальности / неактуальности** [Булыгина 1980]. Новые когнитивно-ориентированные стратегии научного поиска позволяют расширить список «претендентов» на роль «скрытых категорий» русского глагола.

I. Позиционность / локативность. Речь идет о возможности интерпретировать в терминах «скрытых категорий» разные типы употреблений русских глаголов типа *стоять, сидеть, лежать, висеть* и пр., когда они обозначают не физическое положение одушевленного субъекта (*Человек лежит*), а бытие или нахождение где-либо неодушевленного предмета или субстанции (*Снег лежит в долине*). Наличие трансформации позиционности в локативность верифицируется простым тестом на отрицание: *Ребенок не лежит в кровати* — отрицается его физическое положение; *Снег не лежит в долине* — отрицается сам факт нахождения снега. Синтагматическим свойством употребления глаголов в локативном значении является наличие обязательной семантической валентности на обстоятельство места или характеристики / образа, способа, степени, состояния. К парадигматическим свойствам относится формально-грамматическое ограничение — невозможность для глаголов в локативных употреблениях иметь форму 1–2 лица.

II. Экспериментальность / неэкспериментальность. Речь идет о возможности интерпретировать в терминах «скрытых категорий»

класс употреблений глаголов в так называемом «экспериментальном» значении: *Ботинки жмут, Рюкзак давит на плечи* и пр. К парадигматическим свойствам этих употреблений относится формально-грамматическое ограничение, которое заключается в невозможности для глаголов в экспериментальных употреблениях иметь форму 1–2 лица. Синтагматическим свойством данных употреблений является наличие глубинной синтаксической роли (валентности) на экспериментера (того, кто ощущает данное воздействие), которая может на поверхностном уровне не заполняться, но в когнитивной модели ситуации обязательно присутствует (*кому жмут, давит*).

«Скрытые категории» имеют идиоэтнический, т. е. конкретно-языковой, характер. Для их выявления можно предложить простой тест: некое нелексикализованное явление может выступать в языке *X* как «скрытая категория», если имеется язык *Y*, где данная категория является «открытой», т. е. обычной. Мы полагаем, что данное различие также существенно для моделей концептуализации события, отраженных в грамматиках разных языков мира.

ЛИТЕРАТУРА

Т. В. Булыгина. Грамматические и семантические категории и их связи // *Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева (отв. ред.).* Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 320–355.

*Н. Рингблом
Стокгольмский университет
Г. Р. Доброва
РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург*

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОСВОЕНИЯ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА РУССКО-ШВЕДСКИМИ ДЕТЬМИ-БИЛИНГВАМИ: К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ «ХЕРИТАЖНОГО» ЯЗЫКА¹

В исследовании предпринимается попытка понять, существуют ли различия в освоении глагольного вида детьми-«херитажниками», детьми-монолингвами и детьми с русским неродным.

Известно, что дети с родным русским языком не допускают ошибок в выборе вида [Гвоздев 2007; Цейтлин 2009], в то время как для людей с русским неродным эта проблема актуальна. Некоторые исследователи считают, что русские дети, адекватно используя видовые формы, не всегда воспринимают конвенционально видовые значения [Гагарина 2008]. Это заставляет исследователей предположить, что, в отличие от усвоения лексики, для грамматики более характерно адекватное использование грамматических форм до осознания соответствующих значений [Воейкова 2011].

Результаты были получены в ходе исследования лексикона детей с помощью CLT [Nenonen, Gaгарина]. В нем приняли участие 40 детей 3–14 лет: 10 симультантных русско-шведских билингвов; 10 детей из русских семей в Швеции; 10 проживающих в России инофонов и 10 монолингвов. Оказалось, что дети с родным русским языком даже на раннем этапе речевого развития не смешивали формы глагольного вида. При этом ошибки, связанные с видом, были характерны и для инофонов, и для детей, у которых два родных языка. Это различие показывает, на сколь раннем этапе «закладывается» осознание видового противопоставления.

Обнаружилось еще одно отличие симультантных билингвов от других групп: при использовании глагола «не того» вида дети часто

¹Участие в данном исследовании Н. Рингблом осуществлялось при поддержке гранта Anna Ahlströms and Ellen Terserus Foundation, а участие Г. Р. Добровой — при поддержке гранта РФФИ, проект № 14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

употребляли его в форме инфинитива: *Что она делает? — Почистить* (Саша, 11 л.). Видимо, дети создают в сознании некий концепт, объединяющий глаголы обоих видов и различных грамматических форм. Можно предположить, что, усвоив в детстве семантику видового противопоставления, дети, по мере все большего включения в другой язык, постепенно утрачивают ее понимание: оба глагола разных видов еще присутствуют в словаре ребенка как лексемы, а функциональные различия уже забываются. Аналогичным образом аттриция затрагивает и глагольные формы. В сознании ребенка формируется «комплекс», состоящий из глаголов разных видов (с близкой семантикой) в разных грамматических формах. Постепенно комплекс сужается, пока не доходит до формы инфинитива. Поэтому в речи детей-билингвов в период активного действия аттриции может наблюдаться неустойчивость в использовании глагольных форм.

ЛИТЕРАТУРА

- М. Д. Воейкова.* Усвоение первого и второго языка: сходства и различия // *Путь в язык: одноязычие и двуязычие.* М., 2011.
- Н. В. Гагарина.* Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб., 2008.
- А. Н. Гвоздев.* Вопросы изучения детской речи. СПб., 2007.
- С. Н. Цейтлин.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.
- O. Nenonen, N. Gagarina.* Crosslinguistic lexical tasks: Russian version (CLT-RU) [LITMUS COST IS0804 Battery]. Unpublished material.

ТРАДИЦИОННОЕ ОПИСАНИЕ ГЛАГОЛОВ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ
ТИПА *ИДТИ* — *ХОДИТЬ*: О ПРОБЛЕМАХ И О ПУТИ
ИХ РЕШЕНИЯ

1. Традиционно постулируемые глаголы передвижения типа *идти* — *ходить* имеют длительную историю в высшей степени плодотворного описания, см., например, [Виноградов 1986; Анна А. Зализняк и др. 2015]. При этом в богатейшей литературе почти нет вопросов, по которым исследователи единогласно сходятся во мнениях, см., например, [Hasko, Perelmutter 2010]. Так, анализ показывает, что отсутствуют единые критерии выделения данных глаголов в особый класс и единый термин для обозначения данного класса, общепринятые описания семантической специфики глаголов типа *идти* и типа *ходить*, а также общепризнанные термины для обозначения этих типов, нет единства в вопросах об их характеристике в отношении признака 'гомогенность / негомогенность', о наличии у них особой аспектуальной природы, об их чистовидовых коррелятах.

2. В основе предлагаемого решения лежит идея Ю. С. Маслова о том, что глагол передвижения может иметь как гомогенное значение, так и негомогенное, см., например, [Маслов 2004: 30, 32, 79, 315–316, 318, 458, 556]; ср. [Бондарко, Буланин 1967: 28]. Выражаясь точнее, принятая нами теория постулирует не два различных значения, но два самостоятельных омонимичных глагола передвижения, один из которых является гомогенным, а другой — негомогенным.

Мы также показываем, что традиционный подход создает неточное представление об исследуемом фрагменте глагольной системы, когда описывает постулируемые им глаголы передвижения *идти* — *ходить*, *бежать* — *бегать* и т. п. как непереходные (см., например, [ГСРЛЯ 1970: 347; ССРЛЯ 1991: 382, 392]). Наличие в русском языке конструкций типа *идти / ходить пять километров* и их широкая употребительность ставят традиционное представление под сомнение.

Итак, там, где традиционный подход характеризует глагол передвижения как непереходный, с нашей точки зрения, возможна одна из четырех трактовок: перед нами или гомогенный переходный глагол,

или гомогенный непереходный, или негомогенный переходный, или негомогенный непереходный.

Для ясности я излагаю суть предлагаемого решения в виде таблицы, в которой в качестве примера приводятся омонимичные глаголы *идти* и *ходить*, из соображений удобства помеченные первыми буквами двух их характерных черт. Можно видеть, что каждый направленный глагол имеет ненаправленный коррелят и наоборот.

Таблица 1. Предлагаемое решение («дорожная карта»)

характеристика		направленный глагол	ненаправленный глагол
гомогенный	переходный	<i>идти</i> ^{ГП}	<i>ходить</i> ^{ГП}
	непереходный	<i>идти</i> ^{ГН}	<i>ходить</i> ^{ГН}
негомогенный	переходный	<i>идти</i> ^{НП}	<i>ходить</i> ^{НП}
	непереходный	<i>идти</i> ^{НН}	<i>ходить</i> ^{НН}

Каждый из выделяемых нами глаголов обладает специфической, присущей только ему совокупностью черт. Здесь за неимением места отметим только, что, по всей вероятности, *ходить*^{НН} употребляется исключительно в отрицательной форме повелительного наклонения. Ср. (1) и (2):

(1) *Быстро иди домой! Нет, стой! Не иди!*

(2) **Быстро ходи домой! Нет, стой! Не ходи!*

ЛИТЕРАТУРА

А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967.

В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1986.

ГСРЛЯ 1970 — Н. Ю. Шведова (ред.). Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелев. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М., 2015.

Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.

ССРЛЯ 1991 — *К. С. Горбачевич (ред.).* Словарь современного русского литературного языка. Т. 1. М., 1991.

V. Hasko, R. Perelmutter (eds.). New approaches to Slavic verbs of motion. Amsterdam, 2010.

О СТАТУСЕ РУССКОГО *БЫЛО* КАК ГРАММАТИЧЕСКОГО МАРКЕРА

Исследование и установление границ понятия «грамматическая категория» — один из основных лейтмотивов научной деятельности А. В. Бондарко. Интересный пример пограничного случая представляет собой форма прошедшего времени с частицей *было*. По И. А. Мельчуку [1997], она попадает в категорию аналитических «квазиграммем», так как не входит ни в какую словоизменительную категорию, но отличается от словообразовательных значений своей регулярностью. Регулярность этой формы, как и ее обязательность (признак грамматичности, по Боасу — Якобсону), однако, при этом несопоставимы с другими элементами глагольной парадигмы; такой феномен в литературе о граммемах и квазиграммемах ранее специально не отмечался.

Частица *было*, как отмечено, в частности, Ю. П. Князевым [2004], факультативна с финитными глаголами и в гораздо большей степени обязательна с причастиями. С финитным глаголом она обычно выступает в составе конструкции *Р было, но Q*, которая и так подчеркивает нарушение нормального хода развития событий (и тем самым в определенной мере избыточна), в то время как в сочетании с причастиями такой устойчивой конструкции нет и отсутствие частицы *было* изменяет смысл предложения на противоположный (например, аннулированного результата на неаннулированный). Кроме того, состав глаголов, выступающих в финитной конструкции с частицей *было*, намного сильнее ограничен лексически, чем в нефинитной.

Таким образом, позже появившееся в языке сочетание причастия с частицей *было* грамматикализовано сильнее, чем сочетание с финитным глаголом, которое восходит к древнерусскому плюсквамперфекту, являвшемуся, как принято считать, стандартной граммемой грамматической категории времени (как опять же принято считать — абсолютно-относительного). Этот парадокс может быть несколько нюансирован, если учесть, что уже выбор плюсквамперфекта в древнерусском языке (как и во многих других

языках мира, где не действуют строгие правила «последовательности времен») имеет также в значительной степени факультативный характер; контексты, связанные с предшествованием в прошедшем, аннулированным результатом и т. п., в значительном количестве случаев обслуживаются аористом или перфектом [Петрухин 2004].

Современное русское *было* может быть проинтерпретировано как маркер не только семантики, но и фокусного выделения соответствующей информации: например, *было* плохо сочетается с уже введенными ранее в дискурс ситуациями (**кто пытался было проникнуть в помещение?*). Таким образом, этот показатель приближается к материальным показателям фокуса, которые типологически известны в ряде языков мира.

Исследование основывается на материале корпусов (современных и исторических) и опирается на подсчеты процентов семантически близких контекстов, в которых выступает маркированная и немаркированная формы прошедшего времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Ю. П. Князев. Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 296–304.
- И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 1. М. — Вена, 1997.
- П. В. Петрухин. Экспансия перфекта в древнерусском летописании как типологическая проблема // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 313–329.

ОППОЗИЦИЯ ПЕРФЕКТА / ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА В 1-Й НОВГОРОДСКОЙ ЛЕТОПИСИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДАННЫМИ РУССКИХ ГОВОРОВ¹

Формы перфекта и плюсквамперфекта в Новгородской 1-й летописи (НПЛ) как младшего, так и старшего изводов исследовались многократно. Тем не менее ряд вопросов остается нерешенным. Далеко не все контексты согласуются с традиционным представлением о том, что перфект и плюсквамперфект выражали действие как результат, первый — актуальный для настоящего, второй — для прошлого. В частности, это касается примеров, в которых перфект в нарративе выражает предпрошедшее действие. Почти никто из исследователей не дает объяснения подобным случаям. П. В. Петрухин приходит к выводу, что перфект и плюсквамперфект имеют дискурсивно-прагматические функции, однако данная интерпретация объясняет далеко не все примеры [Петрухин 2003].

В большинстве случаев в нарративе в НПЛ как старшего, так и младшего изводов перфект без связки обозначает предшествование другому действию в прошлом. Однако это не простое предпрошедшее: во всех примерах присутствует и результативный компонент значения: **И не вѣ видѣти леду: покрыло все кровию** (лл. 166–166 об.) — ‘Льда не было видно <из-за того, что он> весь был покрыт кровью’.

Регулярность, с которой перфект употребляется в таком значении, наводит на мысль о том, что *л*-форма без связки могла выражать результативность не только по отношению к настоящему, но и к прошлому.

Если исходить из того, что в древнерусском языке существовала категория результативности, то мы должны определить дистрибуцию членов этой категории. Маркированным членом оппозиции, по всей видимости, являлся плюсквамперфект, который

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

выражал результат, отнесенный исключительно к прошлому. Перфект же являлся немаркированным членом оппозиции и имел результативное значение без его соотнесения с временным планом.

Подобная интерпретация летописного материала подтверждается материалом русских говоров. В современных северо-западных русских говорах широко распространен так называемый северо-западный перфект и плюсквамперфект с бывшим причастием на *-ши / -вши* типа *вставши / был вставши*. В работах, посвященных этому диалектному явлению, обычно констатируется, что формами перфекта выражается результативность, отнесенная к настоящему, формами плюсквамперфекта — результативность, отнесенная к прошлому. Однако П. С. Кузнецов приводит примеры, в которых, как и в древнерусских летописях, форма перфекта (одиначное причастие) обозначает результат, отнесенный к прошлому: *Занутавши дорогами — уехал не ладно* [Кузнецов 1949: 60–61].

ЛИТЕРАТУРА

- П. С. Кузнецов.* К вопросу о сказуемом употреблении причастий и деепричастий в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. III. М. — Л., 1949. С. 59–83.
- П. В. Петрухин.* Лингвистическая гетерогенность и употребление прошедших времен в древнерусском летописании. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПОЗИЦИОННОСТИ АСПЕКТУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ РЕЦЕПТИВНЫХ И ПРОДУКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Композиционный характер категории аспектуальности в современной лингвистике не вызывает сомнения. Любое высказывание строится на основе коммуникативного намерения говорящего. В связи с этим мы полагаем, что изучение глагольного вида должно подразумевать не только анализ словообразовательных и синтагматических особенностей различных типов предикатов, но и учет характера речевых действий (рецепции и продукции). Отправным пунктом при этом может послужить понятие аспектуальности в том смысле, в каком оно трактуется в работе «Русский глагол»:

«Взаимодействие различных языковых средств, выражающих характер протекания действия, дает основания поставить вопрос о существовании особой функционально-семантической категории, объединяющей вид и способ действия (как мы увидим далее, сюда войдет и кое-что другое). Эта категория может быть названа “аспектуальностью» [Бондарко, Буланин 1967: 49].

Это понятие можно расширить с учетом коммуникативного намерения говорящего, которое предопределяет выбор конкретных языковых средств его выражения, их удельный вес в речевом акте. Например, исходя из семантики простого базового глагола НСВ, для выражения однократного результативного действия говорящий использует глаголы СВ с «чистовидовым» префиксом. Кроме того, видовое значение СВ может расширяться за счет дополнительных семантических компонентов: успешности конативного действия (*упросить*), достижения результата с применением определенных усилий (*выпросить*), осуществления действия повторно (*перестроить*), маркировки начальной фазы действия (*занять*). При добавлении суффикса *-ыва-* / *-ива-* сема однократности зачеркивается, а все дополнительные компоненты значения чаще всего сохраняются¹.

¹Особый случай представляют собой глаголы, называющие однократное темпорально ограниченное действие: *почитать, пописать, посидеть, погулять*.

Более того, они становятся основными семантическими составляющими полученной видовой пары (*переписать* — *переписывать*). Если же однократность является единственным значением префикса (*построить*), то она не исчезает и вторичный имперфектив не образуется (**постраивать*).

В докладе предлагается рассмотреть проблематику выбора глагола определенного вида с точки зрения рецептивных и продуктивных видов речевой деятельности, в частности при обучении русскому языку иностранцев. Большой коммуникативный потенциал глаголов, образованных путем префиксации и / или суффиксации, является причиной того, что стратегии выбора нужного смысла в речи зависят как от формальной структуры слова, так и от его сочетаемости, т. е. от той сети синтагматических отношений, в которые оно вступает в высказывании. При рецепции, наоборот, слушающему / читающему полагается эту сеть декодировать и извлечь заложенную в ней информацию. Иными словами, подтверждается мысль о том, что «аспектуальность выходит за пределы действия предиката» и что «выражение аспектуальных отношений не ограничивается глагольными предикатами, но затрагивает и другие элементы высказывания» [Бондарко 1987: 40].

Решая поставленную задачу, мы проанализировали «приоритеты» переводчика (с русского и на русский) при передаче значений семантического поля аспектуальности (на материале параллельного русско-итальянского корпуса переводных текстов). Полученные результаты можно будет учесть при изучении аспектуального поведения префигированных глаголов в иностранной аудитории — и для рецепции, и для продуктивных речевых действий.

ЛИТЕРАТУРА

- А. В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967.

ВАРИАТИВНОСТЬ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ПАМЯТНИКАХ РУССКОЙ АГИОГРАФИИ XVI–XVIII ВВ.

1. Грамматическая и лексическая вариативность возникает в региональных агиографических текстах в силу особенностей их создания и бытования. Составители поздних житий продолжали осуществлять отбор языковых средств, используемых при создании новых произведений, на основании представлений, почерпнутых из более ранних текстов. Необходимость следовать грамматическим установкам предшественников стала таким же жанровым признаком житий, как и воспроизведение агиографических топосов [Руди 2005].

2. Языковая вариативность в житиях может быть связана с намеренной редакторской правкой (избегание некнижных форм, исправление ошибок, выбор определенной формы по стилистическим и семантическим соображениям). Такие колебания характерны для одновременных редакций одного памятника, в тех случаях, когда правка связана не только с содержанием и композицией, но и с языковой стороной текста (ср. редакции Жития Михаила Клопского или Юлиании Лазаревской). В результате, помимо грамматических, как правило, появляются и лексические замены.

3. Жития на протяжении всей своей истории воспринимались как тексты, относящиеся к сфере церковнославянского (стандартного книжного) языка [Живов 1998, 2004; Ремнева 2003]. Этой установке в той или иной степени стремились следовать все агиографы, поэтому даже в течение XVIII в. житийные тексты сохраняют сложную систему прошедших времен. Однако такая намеренная архаизация языка приводит, с одной стороны, к колебаниям в области формообразования, а с другой — к переосмыслению и десемантизации ряда глагольных форм. Так, существенно меняются функции простых претеритов, сокращается и закрепляется за определенными контекстами и житийными топосами сфера употребления перфекта. Колебания в выборе формы могут приводить к возникновению в разных списках равноправных грамматических вариантов, а также к появлению аграмматичных употреблений. Особый интерес в связи

с этим представляет история причастий и их взаимодействия с простыми претеритами. В докладе эти явления рассматриваются на примере Жития Адриана Пошехонского, Жития Адриана и Ферапонта Усть-Монзенских, сборника житий Угличских святых.

4. Изучение грамматической вариативности в области глагольных категорий должно выявить зону допустимых колебаний, возникших в житийных текстах, и способствовать реконструкции лингвистических представлений региональных агиографов XVI–XVIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

- В. М. Живов.* Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности // Славянское языкознание: XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. М., 1998. С. 212–247.
- В. М. Живов.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.
- М. Л. Ремнева.* Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2003.
- Т. Р. Руди.* Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Poleмика. СПб., 2005. С. 59–101.

«АНАТОМИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛА»: ПОРЯДОК ВЕРШИН ИЛИ ПОРЯДОК АФФИКСОВ?

С. Г. Татевосов ([2009] и др.) предлагает классификацию русских глагольных префиксов в зависимости от их сочетаемых свойств. Помимо лексических, выделяются внешние префиксы: селективно-ограниченные, требующие имперфективной основы; позиционно-ограниченные, неспособные присоединяться поверх *-ыва-*; и левопериферийные. Внешние префиксы располагаются в отдельных узлах синтаксической структуры, лежащих выше VP.

Такая структура согласуется с семантикой приводимых в [Татевосов 2009] примеров: значение префикса может быть представлено как функция от значения основы, к которой он присоединяется. При этом порядок префиксов обычно соответствует порядку семантических операций над значением исходной глагольной основы. Так, в *поперезагрузать* префикс *за-* лексический, а порядок внешних префиксов соответствует значению DELIM(REPET(*загруз-*)).

Это, однако, не всегда так. Возможная интерпретация (1) — ‘для всех *x* в составе группы: *x* был застрелен или *x* был пойман’, т. е. необязательно, чтобы все *x*’ы имели одинаковую участь: (1) \neq *всех перестреляли или всех переловили*. Аналогично для (2): одни «эксперты» уехали, другие умерли.

(1) *За шесть месяцев всех перестреляли или переловили.*

(2) *Нету у вас тут никаких экспертов — все поразъехались или перемёрли.*

Отсюда ясно, что дизъюнкция имеет более узкую сферу действия, чем дистрибутивный оператор. Иначе говоря, в (1–2) нарушается принимаемый Татевосовым **принцип зеркальности** [Baker 1985] морфологической структуры в сравнении с синтаксической.

Мы рассмотрим два способа решения этой проблемы.

А. В синтаксисе префиксы занимают указанные в [Татевосов 2009] узлы структуры, однако ввиду невозможности произнесения (*spell-out*) комплекса

(3) [*пере-* [*стреляли или ловили*]]

постсинтаксическая операция [Embick, Noyer 2001] спускает вершину *пере-* на дизъюнкты, так что копия префикса появляется на каждом из них. Природа этой симметрии та же, что у «поперечных» передвижений (русский перевод термина *Across-the-Board* Я. Г. Тестельца [2001: 625]) [Vries (to appear)], возможных, как в (4), только из всех конъюнктов вместе.

(4) *Что₁ ты видел t₁, а я не видел t₁?*

Так можно объяснить (1), но не (2), где префиксы разные.

Б. Иерархия узлов в синтаксисе такова, как в [Татевосов 2009], однако префиксы не расположены в этих узлах, а лишь выражают согласование глагольной словоформы с этими вершинами (ср. описание определенной формы шведских существительных в [Embick, Noyer 2001]), так что признак *DISTR* должен нести каждый член дизъюнкции в (1–2); групповая флексия, как в (3), невозможна. Этот вариант более гибок, чем А, однако требуется объяснить, в каких пределах принцип зеркальности может нарушаться.

ЛИТЕРАТУРА

- С. Г. Татевосов.* Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 92–156.
- Я. Г. Тестелец.* Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- M. Baker.* The mirror principle and morphosyntactic explanation // *Ling. Inq.* 1985, 16 (3). P. 373–416.
- D. Embick, R. Noyer.* Movement operations after syntax // *Ling. Inq.* 2001, 32 (4). P. 555–595.
- M. de Vries.* Across-the-board phenomena // *Blackwell companion to syntax (to appear).*

Е. Я. Титаренко
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь

РУССКИЙ ГЛАГОЛ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ

Лексикографическое описание русской глагольной лексики — насущная задача современной лингвистики. Принципы лексикографирования глаголов детально изучены и описаны Ю. Д. Апресяном [1997; 2015] и другими учеными [БТСРГ 2008; Булыгина 1997; Анна А. Зализняк и др. 2015; Ремчукова 2008; Тихонов 1998]. Одной из главных проблем является толкование видовых пар глаголов. Традиционно в толковых словарях даются дефиниции одного глагола, а его видовой коррелят толкуется отсылочным способом. Такой подход вызывает много справедливой критики, хотя полностью отказаться от него нецелесообразно [Булыгина 1997].

В «Активном словаре русского языка» [АСР 2014] предпринят иной подход к описанию глаголов. В БТСРГ [2008] свой подход: вокабулы представлены лексико-семантическими вариантами глаголов, что особенно важно для аспектологии, где базовым является принцип анализа полисемантических глаголов в каждом конкретном значении. В докладе предлагается еще один подход к лексикографированию русских глаголов — на основе их фазовых парадигм.

В основу теории фазовой парадигматики [Титаренко 2011] положена трактовка ЛГК фазовости профессора О. М. Соколова [2010]. Концепция и структура «Словаря фазовой парадигматики русских глаголов» описана в [Титаренко 2011, 2013, 2015]. Словарь является гнездовым, что очень важно для глагольной лексики, так как в больших алфавитных словарях однокоренные глаголы оказываются не только на разных страницах, но и в разных томах. Словарь может найти применение в учебной практике, в частности в обучении иностранцев.

ЛИТЕРАТУРА

Ю. Д. Апресян. Лексикографическая трактовка вида: нетривиальные случаи // Труды аспект. семинара филол. ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 2. М., 1997. С. 7–20.

- Ю. Д. Апресян. Глагол *видеть*: лексикографическое описание // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст [Die Welt Der Slaven Sammelbände 56]. München, 2015. С. 35–54.
- АСР 2014 — Активный словарь русского языка. М., 2014.
- БТСРГ 2008 — Л. Г. Бабенко (ред.). Большой толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты. М., 2008.
- Т. В. Булыгина. Видовая соотносительность и ее отражение в словарях // Труды аспект. семинара филол. ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 3. М., 1997. С. 27–33.
- Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелев. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М., 2015.
- Е. Н. Ремчукова. Проблемы префиксальной видовой пары в современном толковом словаре // Humaniora: Lingua Russica. Язык в функционально-прагматическом аспекте. Тарту, 2008. С. 199–217.
- О. М. Соколов. ИмPLICITная морфология русского языка. 2-е изд. Нежин, 2010.
- Е. Я. Титаренко. Категория фазовости и вид русского глагола. Симферополь, 2011.
- Е. Я. Титаренко. Лексикографическое описание русской глагольной лексики // Лексикография. Язык. Речь. София, 2013. С. 136–149.
- Е. Я. Титаренко. Словарь фазовых парадигм русских глаголов // Современные проблемы лексикографии. СПб., 2015. С. 174–175.
- А. Н. Тихонов. Русский глагол: проблемы теории и лексикографии. М., 1998.

СТРУКТУРА ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ПАРНЫХ ГЛАГОЛОВ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА¹

Объект исследования — видовые пары типа *умирать* — *умереть*, *рисовать* — *нарисовать*. Цель исследования — уточнить структуру лексического значения глагола в такой паре и дополнить критерий Маслова для некоторых спорных случаев (ср. *есть* / *съесть* — *съесть*).

Глагол НСВ в рассматриваемой паре обозначает процесс или действие, а глагол СВ указывает на соответствующее «результатирующее событие». Неясно, входит указание на событие только в значение граммы СВ [Гловинская 2001] или также в лексическое значение глагола [Падучева 1996]. В работе показано, что указание на событие является компонентом лексического значения глагола (причем и СВ, и НСВ — поскольку, по традиционной грамматике, глаголы внутри пары имеют одно и то же лексическое значение).

Однако модальная характеристика этого события, т. е. указание на его реальность или потенциальность, входит в значение видовой граммы. В частности, парный глагол НСВ, обозначающий целенаправленное действие, в актуально-длительном значении выражает следующее значение [Wierzbicka 1967; Падучева 1996: 16–19]: ‘Субъект действует *P* с определенной целью; если действие не прекратится преждевременно, то будет иметь место результирующее событие *Q*’, где (упрощенно) *P* — глагол НСВ, *Q* — парный глагол СВ.

Данная импликация соответствует нашему общему представлению о действительности: «Целенаправленное действие приводит к успеху» [Санников 1989: 156]. Это представление зафиксировано в семантике основных русских сочинительных союзов [Санников 1989: 156], а также в структуре текстов, посвященных внутреннему миру человека [Мартемьянов, Дорофеев 1983]. Специфика русского языка состоит, в частности, в том, что данный «общий принцип» зафиксирован в видовой системе русского глагола.

Тем не менее указание на результирующее событие — и тем самым импликация Вежбицкой — входит не во все глаголы НСВ,

¹Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 16-04-00302).

обозначающие целенаправленное действие, ср. *искать*, *умолять*. Поэтому глаголы *искать* — *найти*, *умолять* — *умолить* не образуют видовой пары (в отличие от семантически им близких *ловить* — *поймать*, *убеждать* — *убедить*).

Приводятся аргументы в пользу того, что в лексическом значении многих глаголов компонент 'результатирующее событие' является слабым (по [Апресян 1974]), т. е. проявляется не всегда. Поэтому такие глаголы НСВ необязательно указывают на событие в масловских контекстах [Маслов 2004]. Предлагается дополнить критерий Маслова с учетом информации о статусе данного компонента в лексическом значении глагола.

ЛИТЕРАТУРА

Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.

М. Я. Гловинская. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.

Ю. С. Мартемьянов, Г. В. Дорофеев. Опыт терминологизации общелитературной лексики: О мире тщеславия по Ф. де Ларошфуко // Вопросы кибернетики: логика рассуждений и ее моделирование. М., 1983.

Ю. С. Маслов. Система частных видовых значений и типы противопоставлений совершенного и несовершенного вида // Ю. С. Маслов. Избранные труды. М., 2004.

Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

В. З. Санников. Русские сочинительные конструкции. М., 1989.

A. Wierzbicka. On the semantics of the verbal aspect in Polish // To honor Roman Jakobson. The Hague — Paris, 1967.

КОЕ-ЧТО ЕЩЕ О СОЮЗЕ *ПОКА*

1. В докладе я представлю некоторые новые данные и теоретические выкладки по семантике конструкций на основе союза *пока*. Я буду отталкиваться в первую очередь от недавних работ [Iordanskaja, Mel'čuk 2009; Барентсен 2014; Падучева 2014, 2015].

2. Вслед за Е. В. Падучевой [2015] я различаю по крайней мере шесть конструкций (типов контекстов) с *пока*:

К1. «НСВ / СВ, *пока* (не) НСВ»:

- (1) а. *Пока Иван **работал**, Маша читала.*
б. *Пока Иван **работает**, Маша читает.*

(2) *Пока Иван **работал**, вернулась Маша.*

К2а. «НСВ / СВ, *пока* не СВ [состояние ненаступления]»:

(3) *Маша готовит / **приготовила** обед, пока Иван (ещё) **не пришёл**.*

К2б. «НСВ, *пока* не СВ»:

(4) *Маша стучала, пока ей **не открыли**.*

К3а. «СВ, *пока* НСВ / СВ»:

(5) *Пока Иван **добрался** / **добирался** до дома, мы успели прочесть три главы.*

К3б. «НСВ + обст. длительности, *пока* СВ»:

(6) *Павел долго спорил с Николаем, пока **уговорил** его согласиться на временный отдых от руководящей работы.* (Н. Островский)

К4. «НСВ / СВ, *пока* СВ [перфектное]»:

(7) *Пока Маша **вышла**, Иван позвонил Даше.*

3. Все временные обстоятельства разделяются по своей функции на **измерительные** (\approx длительности) — типа *два часа, за два часа, всё утро, (вплоть) до вечера* и др. — и **локализующие** (точечные и объемлющие) — типа *в пять, час назад, утром, (незадолго) до ужина / перед ужином* и др.

Среди употреблений конструкций с союзом *пока* также можно выделить измерительные и локализующие.

К **измерительным** следует отнести по крайней мере часть употреблений К1 (аналог *два часа, (8–9)*) и употребления К3а (аналог *за два часа, (5)*) и К2б (аналог *до вечера, (4)*). Они могут служить ответом на *Сколько / насколько долго Р?* и *За сколько / насколько быстро Р?*, а также в них возможна замена на *всё то время, пока / за то время, пока / до тех пор, пока* (и невозможна замена на *когда*):

(8) *Сколько Иван сегодня работал? Он работал, пока я (*ещё) была дома.*

(9) *Иван работал (всё то время), пока я была дома.*

В **локализующих** употреблениях — по крайней мере в части К1 (10), в К2а (3) и в К4 (7) — невозможны перечисленные выше замены и вопросы, но возможно задать вопрос *Когда Р?*, а также возможна замена на *в то время, пока* — и отчасти на *когда*:

(10) *Когда Иван вернулся? Он вернулся, пока я (ещё) была дома.*

(11) *Иван вернулся, когда / (в то время), пока я была дома.*

(16') *Смотри, Маша читает (ОК? в то время), пока Иван (ещё) работает.*

Интересно, что у близкого союза *когда* отсутствуют измерительные употребления:

(12) *Сколько Иван сегодня работал? *Он работал, когда я была дома.*

(13) *Иван работал (в / *всё то время), когда я была дома.*

4. Также необходимо во всех употреблениях *пока* различать **актуально-длительные** (т.е. с синхронной точкой отсчета

в придаточном) и **лимитативные** (с несинхронной). Хорошим индикатором синхронности служит возможность добавления (*всё*) *ещё* — ср. (8) и (10).

5. По-видимому, необходимо выделить еще по крайней мере один тип:

К5. «**не** СВ [состояние ненаступления?], *пока* НСВ / *не* СВ»:

(14) *Маша ничего не скажет, пока Иван здесь / не уйдёт.*

(15) *Не ушёл со сцены, пока не кончил монолог.*

[В. Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961]

ЛИТЕРАТУРА

A. Барентсен. Проблемы описания союза *пока* // *M. Notachi, A. Danilenko, P. Piper (eds.). Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages.* München — Berlin — Washington, D. C., 2014. P. 377–410.

Е. В. Падучева. Эксплетивное отрицание и семантика союза *пока* // *М. А. Даниэль, Е. А. Лютикова, В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов, О. В. Фёдорова (ред.).* Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб., 2014. С. 341–350.

Е. В. Падучева. Акциональная классификация глаголов и семантика союза *пока* // Вопросы языкознания 2015, 5. С. 7–25.

L. Iordanskaja, I. Mel'čuk. Semantics of the Russian conjunction ПОКА 'while, before, until' // *T. Berger, M. Giger, S. Kurt, I. Mendoza (Hgs.).* Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern. München — Wien, 2009. S. 243–262.

РУССКИЙ ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД В РЕЧИ ДВУХ ТРЕХЪЯЗЫЧНЫХ СЕСТЕР В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

При раннем многоязычном речевом развитии важную роль играют три составляющие: 1) комбинация языков и грамматические особенности каждого языка; 2) социолингвистический фактор: статус каждого языка (язык семьи / общества); 3) психологический фактор [Hoffmann 2001], т. е. индивидуальный подход говорящего к усвоению языка.

Цель данного исследования — проанализировать, как разный подход к усвоению языка в целом может повлиять на процесс усвоения русского глагольного вида: сопоставив ошибки при усвоении глагольного вида двух трехязычных сестер с одинаковой комбинацией языков в сходной социолингвистической ситуации, но с различным индивидуальным подходом к усвоению языка, мы планируем проанализировать роль второго и третьего из названных факторов в усвоении глагольного вида.

Исследователи детской речи выделяют два типа детей в зависимости от стратегий освоения языка [Bates et al. 1988; Доброва 2003]: «референциальных» и «экспрессивных». В начальном лексиконе референциальных детей присутствует больше существительных и прилагательных, такие дети внимательны к морфологии и последовательному применению грамматических правил. В речи детей экспрессивного типа, напротив, больше глаголов, местоимений (при референции к себе), «застывших» выражений и выдуманных слов; они больше склонны к имитации, но непоследовательно применяют правила.

Объектом нашего анализа является речевая продукция двух трехязычных сестер с одинаковым статусом и комбинацией языков (русский — язык матери, итальянский — язык отца, норвежский — язык общества; дома: один родитель — один язык). Различия в социолингвистической ситуации обусловлены тем, что младшая сестра с рождения имеет трех собеседников (не только родителей, но и старшую сестру, которая меняет язык в зависимости от ситуации

общения). В результате до 2;5 в речи младшей преобладает норвежский язык, который качественно сильнее. Речь старшей сестры в том же возрасте отличается сильным смещением всех трех языков.

Различие подходов сестер к усвоению языка заключается в следующем. Старшая сестра представляет референциальный тип: она внимательна к морфологической форме слова и правильному порядку слов. Младшая сестра представляет экспрессивный тип: в ее речи больше глагольных форм, ее фразы длиннее с синтаксической точки зрения, но в них больше морфологических ошибок [Хачатурян 2016].

В исследованиях усвоения глагольного вида тоже можно выделить два подхода. С одной стороны, часто отмечается, что усвоение вида тесно связано со становлением когнитивных концептов «процесс — результат», а также с уточнением лексического значения глагола [Гагарина 2008]. С другой стороны, нередко вся синтаксическая структура фразы определяет выбор глагольного вида. На основании этого можно предположить, что каждый ребенок, в зависимости от индивидуального подхода к усвоению языка, будет усваивать вид по-разному и ошибки тоже будут различными. Материал анализа: транскрибированные аудиозаписи, сделанные в период от 2;3 до 3;5.

ЛИТЕРАТУРА

- Н. В. Гагарина.* Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб., 2008.
- Г. Р. Доброва.* Онтогенез персонального дейкиса (личные местоимения и термины родства). СПб., 2003.
- Е. В. Хачатурян.* Индивидуальный подход к усвоению языка (анализ речи двух трехязычных сестер) // *С. Н. Цейтлин (ред.).* Лики билингвизма. СПб., 2016.
- E. Bates, I. Bretherton, L. Snyder.* From first words to grammar. Individual differences and dissociable mechanisms. New York, 1988.
- C. Hoffmann.* Towards a description of trilingual competence // *International Journal of Bilingualism* 2001, 5, 1.

ВРЕМЯ И ВИД («ИДЕЙНОЕ СХОДСТВО» И ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ)

Традиционно и совершенно справедливо исследователи категорий времени и вида в славянских языках и, соответственно, в русском языке говорят о двуединстве этих категорий, используя, например, такие термины, как «аспектуально-темпоральный комплекс» [Бондарко 1996] или «видо-временная система» [Гловинская 2001]. Базовым для такой трактовки является представление о том, что эти категории, хотя и различным образом, но реализуют одну и ту же идею времени.

Данное представление, в частности, нашло отражение в авторитетных определениях категорий времени и вида, принадлежащих Ю. С. Маслову. Категорию времени Ю. С. Маслов определяет следующим образом: «Время глагольное — грамматическая категория глагола, являющаяся специфическим языковым отражением объективного времени и служащая для темпоральной (временной) локализации события или состояния, о котором говорится в предложении. Эта локализация является дейктической, т. е. соотносенной прямо или косвенно с реальным или воображаемым *hic et nunc* 'здесь и теперь'. Она заключается в указании посредством противопоставленных друг другу временных форм (глагольных времен) на одновременность, предшествование или следование события моменту речи или — в случае т. наз. относительной временной ориентации — какой-то другой точке отсчета» [Маслов 1990б: 89].

Категории вида Ю. С. Маслов дает следующее определение: «Вид глагольный (в международной терминологии — аспект) — грамматическая категория глагола, обобщенно указывающая, “как протекает во времени или как распределяется во времени” (А. М. Пешковский) обозначенное глаголом действие. В отличие от категории глагольного времени В. связан не с дейктической темпоральной (временной) локализацией действия, а с его внутренней “темпоральной структурой”, с тем, как она интерпретируется говорящим» [Маслов 1990а: 83].

Что касается определения категории времени, то оно звучит вполне современно, хотя и нуждается в определенной коррекции. Дело в том, что категория времени фактически не обозначает «темпоральной (временной) локализации события или состояния, о котором говорится в предложении».

Реально категория времени обозначает на шкале времени, идущей из прошлого в будущее, только относительную хронологию времени / момента наблюдения (*topic time* В. Клейна [Klein 1994: 243]), иначе — окна наблюдения [Плунгян 2011] (некоторой ситуации, выражаемой в предложении), и времени / момента сообщения об этой ситуации, т. е. момента речи.

Необходимо подчеркнуть, что, если время / момент наблюдения предшествует моменту речи (граммема прошедшего времени) или совпадает с ним (граммема настоящего времени), наблюдение является реальным, если же время / момент наблюдения следует за моментом речи (граммема будущего времени), то наблюдение является мысленным, иными словами, оно не принадлежит реальному миру, хотя, возможно, спустя какое-то время после момента речи «наблюдаемая» ситуация станет реальной. Тем самым стандартное включение граммемы будущего времени в категорию времени изъявительного наклонения проводится на не вполне законных основаниях. К сказанному необходимо добавить, что временной дейксис существует только в диалогическом режиме речи, где есть реальные говорящий и слушающий. В нарративном режиме, где обозначается только последовательность сменяющих друг друга ситуаций и нет реальных говорящего и слушающего, временного дейксиса нет.

Что касается определения категории вида (аспекта), то вызывает определенные сомнения утверждение, что вид связан с внутренней «темпоральной структурой» действия. Мы бы сказали, что вид непосредственно связан не с темпоральной структурой ситуации, а с ее содержательной, если угодно, качественной структурой, которая зависит от акционального класса глагольной лексемы, хотя, разумеется, изменяется в определенной временной последовательности. Однако не от времени, а от семантики глагольной лексемы зависит наличие или отсутствие в ситуации, например, такого фрагмента, как прогрессив или дуратив. Реально граммемы категории вида обозначают то, что наблюдатель видит в окне наблюдения, т. е. либо ситуацию, либо любой ее выделенный фрагмент. Иначе говоря, категория вида не реализует идею времени и в этом плане принципиально отличается от категории времени.

Что касается категории вида в русском языке, то существуют различные точки зрения относительно «устройства» граммем совершенного вида (СВ) и несовершенного вида (НСВ). Согласно одной более традиционной точке зрения, граммемы как СВ, так и НСВ выражают инвариантное значение, которое реализуется в виде ряда конкретных частных значений, число которых (особенно у НСВ) варьирует в различных работах. В последнее время многие исследователи согласны с тем, что в рамках так называемого первичного, или линейного, аспекта наиболее адекватно инвариантное значение СВ отражает термин ИЗМЕНЕНИЕ, тогда как, соответственно, наиболее адекватно инвариантное значение НСВ отражает термин НЕИЗМЕННОСТЬ. Е. В. Падучева, однако, полагает, что у граммемы НСВ есть дополнительно и значение ИТЕРАТИВ в рамках так называемого вторичного аспекта [Падучева 2012], что, впрочем, нарушает привычные представления о едином инвариантном значении одной граммемы.

В соответствии с другим более привлекательным с типологической точки зрения подходом, и СВ, и НСВ представляют собой очень абстрактные грамматические признаки, а точнее, кластеры семантически близких и претендующих на универсальность граммем. Кластер СВ является перфективным и включает граммемы, обозначающие предельные события, в том числе мгновенные, что типично именно для славянских языков. Это прежде всего инцептив (*узнал*), комплетив (*слома́л*) и, что особенно важно, пунктив (*лотнул*). Исключением из правила является перфектное значение в прошедшем времени (типа *А вы немного поправились в санатории*). Также исключением из правила являются делимитативы (*посиде́л*) и пердуративы (*просиде́л*), которые стандартно обозначают не события, а процессы.

Кластер НСВ, напротив, объединяет граммемы, обладающие свойством имперфективности, процессности. Это — прогрессив (*строит*), дуратив (*гуляет*), итератив (*гуляет* — неоднократно), мультипликатив (*мелькает*), хабитуалис (*чирикают* — о воробьях). И здесь есть исключение. Некоторые глаголы НСВ в общефактическом значении прошедшего времени выражают скорее событие (ср. ситуативно отличающиеся друг от друга примеры *Вы пили когда-нибудь Салхино?* — **Пил** и *Вы пойдете с нами в кино?* — **Я уже смотре́л этот фильм**).

На наш взгляд, оба рассмотренных подхода не исключают, а дополняют друг друга. Фактически можно считать, что в кластер СВ входят граммемы, которые обозначают ИЗМЕНЕНИЕ, а в кластер НСВ входят граммемы, которые обозначают НЕИЗМЕННОСТЬ.

Уже сказанное позволяет сделать вывод, что время и вид принципиально различные категории. Ниже мы более подробно остановимся на содержательных и формальных особенностях этих категорий, которые отличают их друг от друга.

Основная специфическая особенность категории времени состоит в том, что это несемантическая категория, которая никак не взаимодействует со значением глагольной лексемы. Все глаголы как СВ, так и НСВ независимо от их вхождения в тот или иной акциональный класс без всяких ограничений имеют одну и ту же парадигму глагольных времен. Добавим, что категории времени есть не у всех нефинитных форм глагола и реагируют на вокабулу, т. е. на все лексические значения многозначного глагола, одинаковым образом.

Иное дело — категория вида. И значение СВ, и значение НСВ нераздельно связаны с лексемой глагола [Гловинская 1982]. Другими словами, вид является лексически детерминированной категорией, и, таким образом, все формы одной лексемы, как финитные, так и нефинитные, являются видовыми формами. Соответственно, у многозначного глагола вид может различным образом реагировать на разные лексические значения, т. е. на лексемы. Например, значение ‘переместиться вниз’ выражается соотносительными глаголами *спуститься* (СВ) и *спускаться* (НСВ).

- (1) а. *Пока Медвежонок шел к окну, по лесенке спустился* (СВ) *уже второй инопланетянин.* [С. Козлов. НКРЯ]
 б. *На каждом колодце я спускался* (НСВ) *первым, а ребята спускали* (НСВ) *мне на веревке сверху мешки.* [И. Вольский. НКРЯ]

В то же время значение ‘быть расположенным наклонно, постепенно понижаться’ выражается только глаголом НСВ.

- (2) *Берег обрывом спускался* (НСВ) *к морю.* [М. Ю. Лермонтов. НКРЯ]

Очевидно, общепринятой является точка зрения, согласно которой категория времени является словоизменительной категорией форм глагольной лексемы: всех финитных и отдельных нефинитных, в частности причастия. Что касается формального статуса категории вида, то он служит предметом оживленных дискуссий, см. об этом, например, [Горбова 2017; Храковский 2015]. С нашей точки зрения,

вид — это словоклассифицирующая категория, т. е. аспектуально соотносимые глаголы СВ и НСВ являются самостоятельными словарными единицами, что фиксируется словарями. «Члены видовой пары глаголов рассматриваются как самостоятельные слова (каждое со своей парадигмой)», — подчеркивает А. А. Зализняк, характеризуя особенности своего словаря [Зализняк 1977: 6]. Об этом свидетельствует и наличие несоотносительных глаголов как СВ, так и НСВ. Это, в частности, подтверждается также тем, что у глаголов СВ и НСВ разные парадигмы временных форм. У СВ две временные формы (прошедшего и будущего времени), у НСВ три временные формы (прошедшего, настоящего и будущего времени), временные формы СВ не являются аналитическими, форма будущего времени НСВ — аналитическая.

О том, что вид — словоклассифицирующая, а не словоизменяющая категория говорит и проведенный нами эксперимент, в ходе которого выяснилось, что выделенному массиву исходных *про*-перфективов, т. е. глаголов СВ, включающему 494 вокабулы и 906 лексем соответствуют всего 240 вокабул и 434 лексемы вторичных имперфективов, т. е. аспектуально соотносительных производных глаголов НСВ примерно в два раза меньше, чем исходных глаголов СВ, и, следовательно, вряд ли можно говорить о регулярном образовании вторичных имперфективов.

Если говорить о показателях категории времени, то они стандартны, не комбинируются друг с другом и никакой дискуссии не вызывают. Иное дело — показатели категории вида. Здесь ситуация кардинально отличается от той, которая обычно наблюдается у грамматической словоизменяющей категории, когда у форм, выражающих то или иное частное категориальное значение, есть стандартные показатели этого значения. В нашем случае, в принципе, возможна ситуация, когда у глаголов СВ и НСВ нет никаких формальных показателей. Например, никаких формальных различий не существует между первичным имперфективом (типа *пить*) и первичным перфективом (типа *дать*). Поэтому довольно трудно в подобных случаях объяснить человеку, изучающему русский язык, как, впрочем, и любой другой славянский язык, что, если не обращаться к семантике, позволяет считать один глагол глаголом СВ, а другой глагол глаголом НСВ. В парах перфектив — вторичный имперфектив (типа *записать* — *запис-ыва-ть*) суффикс вторичного имперфектива *-ыва-* традиционно считается стандартным показателем НСВ. Но, скажем, при образовании производного дистрибутивного глагола СВ

от вторичного имперфектива (типа *выкид-ыва-ть* » *по-выкид-ыва-ть*) перфектирующая приставка «гасит» видовое значение этого суффикса, он перестает указывать на видовую принадлежность глагола, хотя и сохраняет повторительное значение НСВ, и, соответственно, в общем случае считать этот суффикс показателем НСВ глагола нельзя. Тем самым есть основания согласиться с гипотезой о том, «что вид выражается не той или иной морфемой как таковой, а, так сказать, фактом присоединения этой морфемы на определенном деривационном этапе, иными словами, переходом лексемы из одной словообразовательной модели в другую» [Плунгян 2012: 17]. В проницательной работе [Татевосов 2013: 47] представлены все допустимые и запрещенные последовательности включения префиксов и суффикса вторичного имперфектива в глагольную словоформу.

Все сказанное, на наш взгляд, подтверждает ту простую мысль, что время и вид — это принципиально различные категории, и именно их различие, а не сходство служит причиной их объединения в единый видо-временной комплекс.

ЛИТЕРАТУРА

- А. В. Бондарко.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
- М. Я. Гловинская.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- М. Я. Гловинская.* Многозначность и синонимия в видовой системе русского глагола. М., 2001.
- Е. В. Горбова.* Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии) // Вопросы языкознания 2017, 1. С. 24–52.
- А. А. Зализняк.* Грамматический словарь русского языка: словоизменение. Около 100 000 слов. М., 1977.
- Ю. С. Маслов.* Вид // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990а. С. 83–84.
- Ю. С. Маслов.* Время // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990б. С. 89.

- Е. В. Падучева.* Русский имперфектив: инвариант и контекстные значения // II Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Труды и материалы. М., 2012. С. 33–35.
- В. А. Плунгян.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- В. А. Плунгян.* Предисловие // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований 2012, VIII, 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 6. Типология аспектуальных систем и категорий. С. 7–42.
- С. Г. Татевосов.* Множественная префиксация и ее следствия (Заметки о физиологии русского глагола) // Вопросы языкознания 2013, 3. С. 42–89.
- В. С. Храковский.* Категория вида в русском языке: болевые точки // Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Киото, 2015. С. 321–334.
- W. Klein.* Time in Language. London, 1994.

РЕЧЕВЫЕ СБОИ ПРИ ПОРОЖДЕНИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

В докладе предлагается обсудить лингвистический механизм разнообразных речевых сбоев в области порождения глагольных форм, которые имеют явно неслучайный характер, что позволяет сделать некоторые наблюдения, касающиеся структуры ментальной грамматики, прежде всего — ее участка, связанного с иерархией процедурных правил в данной области.

Материалом, подлежащим обсуждению, являются оговорки, прежде всего связанные с нарушением правил конструирования глагольных словоформ. Оговорка возникает в тех случаях, когда человек по той или иной причине не имеет доступа к нужной единице ментального лексикона и вынужден ее конструировать в процессе порождения речи самостоятельно. Словоформа попадает в разряд оговорок также и в том случае, если заполняется так называемая абсолютная лакуна, т. е. нужная словоформа в языковой системе отсутствует.

В большинстве случаев анализ оговорок позволяет выявить наличие вариативности, предусмотренной языковой системой, но не реализованной на уровне языковой нормы. Фактором, определяющим выбор словоизменительной модели, является, как правило, провокативное воздействие предшествующего или последующего контекста (в широком смысле этого слова).

Нейропсихологическая причина этих сбоев сравнительно мало изучена и является прерогативой специалистов в данной области. К настоящему моменту становится все более очевидно, что в процессе порождения речи мозг может принимать решение относительно выбора слова или его формы раньше, чем успевает вмешаться сознание, способное осуществить языковой контроль. При этом интервал между деятельностью мозга и сознания может быть незначителен. В работе Т. В. Черниговской [Черниговская 2013: 358] указывается, что «мозг принимает решение примерно за 7–30 секунд (по некоторым данным) до того, как личность это осознает». Наблюдения над спонтанной речевой деятельностью людей, а также данные интроспективных отчетов позволяют предположить, что во многих случаях просвет между этими двумя процессами может быть предельно

кратким. В некоторых случаях говорящий успеваает исправиться, произнеся правильную словоформу вслед за ошибочной, иногда меняет решение в самом процессе порождения словоформы на слоговой границе. Бывает, что он не замечает отступления от нормы вообще.

В докладе будет представлен опыт типологии оговорок в области глагольного словоизменения. Значительная их часть связана с не соответствующим норме переходом от открытой основы к закрытой: *Сней эту песню; Он метается, ищет выход*; унификацией ударения в микропарадигме прошедшего времени: *Вот еще хороший вопрос зада.ли* (ударение на втором слоге); устранением чередования согласных в микропарадигме настоящего времени: *Уже уходю!* (реакция на фразу *Уходи скорей отсюда!*); не соответствующей норме имперфективацией: *Эти симптомы усилиются; Он гиб в этой обстановке*. В ряде случаев заполняются абсолютные лакуны, касающиеся дефектных парадигм: *Едя к вам, я думал о многом*; или дефектных видовых пар: *Я соблюл все меры предосторожности; Дети никак не угомоняются*. Огромную роль при этом играет так называемый прайминг, заключающийся в воздействии уже произнесенной формы глагола на порождаемую: *Снял пальто? Сняй скорей!*; *Мы обещали принять еще один звонок и приня.ли* (с ударением на втором слоге).

ЛИТЕРАТУРА

Т. В. Черниговская. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М., 2013.

В. Д. Черняк
РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

КОНКУРЕНЦИЯ ГЛАГОЛА И ИМЕНИ В АСПЕКТЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Пионерские идеи А. В. Бондарко, сформулированные 50 лет назад в совместной с Л. Л. Буланиным книге «Русский глагол», оказали большое влияние на развитие направлений научной деятельности кафедры русского языка Герценовского университета (в те годы — ЛГПИ им. А. И. Герцена). Заложённые в 60-е годы основы функциональной грамматики развивались в непосредственном общении А. В. Бондарко с коллегами-герценовцами, аспирантами, студентами, слушателями ФПК.

Ориентация на функциональные аспекты языка завоевывала умы исследователей и проецировалась на разные уровни языковых единиц. Параллельно со становлением школы функциональной грамматики формировалась и школа функциональной лексикологии, вдохновляемая идеями В. В. Степановой. От слова в словаре к слову в тексте, от слова как элемента естественной, текстовой системы к слову как воплощению концептуального содержания, как средоточию культурной памяти народа — таково естественное движение функционального направления в лексикологии, утверждавшегося в 70-е — 90-е годы XX века в исследованиях В. В. Степановой и ее учеников.

Одной из актуальных проблем функциональной лексикологии была и остается проблема взаимосвязей, взаимопереходов и конкуренции частей речи, прежде всего — глагола и имени. Коммуникативные последствия условности границ между глаголом и именем оказываются очень заметными при обращении к современной речевой практике, к лингвокреативной деятельности языковой личности. В докладе будет рассмотрена текстовая обусловленность выбора глагола или отглагольного существительного в произведениях современной беллетристики. При кажущейся универсальности возможной замены глагола именем своеобразие их текстового поведения отражает как очевидные различия в когнитивной обработке действительности, так и экспликацию языковой рефлексии. Ср. текстовый фрагмент, в котором нанизывание отглагольных

существительных переводит описание повторяющихся действий в ранг сущностных характеристик:

Человек может вынести всё. Двадцать лет одиночки и даже северную яму-тюрьму без крыши, как протопоп Аввакум. Но не лучше ль потратить эти огромные богоданные психические ресурсы не на безостановочное выбиратье, попку, обнашиватье, выбрасыватье, снова выбиратье, а в нашей стране ещё доставатье, опять привыкатье, снова выбрасыватье, — на решение более духовных проблем? Нужна защита психики современного человека от стремительно растущей агрессии вещей, красок, от слишком быстро меняющегося мира.

(А. П. Чудаков. Ложится мгла на старые ступени)

Игровой потенциал пары **глагол** — **имя** часто используется в разговорной речи и воплощается в массовой литературе, являющейся чутким фиксатором особенностей современной речи.

КАТЕГОРИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ТРАКТОВКЕ
Л. Л. БУЛАНИНА И В АСПЕКТЕ
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА К ОПИСАНИЮ
РУССКОГО ГЛАГОЛА¹

Впервые термин «категория репрезентации» был использован А. И. Смирницким в описании морфологии английского языка. В русистике изучение данной категории получило развитие в работе Л. Л. Буланина «Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории» (1983). Это развитие можно видеть в следующем.

Во-первых, он отмечал **регулярный характер** противопоставления личных и неличных форм, что позволило ему определить **категориальный статус** глагольной репрезентации. Во-вторых, по мнению Л. Л. Буланина, категория репрезентации присуща только глаголу и не представлена в других частях речи. В силу этого она **специфична**, поскольку ее парадигма включает формы, которые имеют определенное концептуальное содержание, структурированное **разным набором** собственно морфологических категорий в определенных синтаксических позициях. Поэтому, в сущности, она является **синтаксической**. В-третьих, категория репрезентации осмысливается как **иерархически организованная система**, которая демонстрирует, с какой степенью полноты и насколько ярко процесс представлен в той или иной глагольной форме именно как процесс. В-четвертых, категория репрезентации рассматривается как несловоизменяемая, **классифицирующая**.

К сожалению, выделение категории репрезентации не получило достаточного развития в рамках русистики. Ее развитие мы имеем в рамках когнитивной лингвистики. Именно в ней термин «репрезентация» получил широкое распространение и стал ключевым понятием когнитивной науки, в которой репрезентацию относят как

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (РГНФ) научного проекта № 15-04-00448.

к процессу представления (репрезентации) мира в голове человека, так и к единице подобного представления, прежде всего к слову.

В наших работах категория репрезентации представлена как система когнитивно-дискурсивных форм глагола и имеет следующее истолкование.

Существование и функционирование форм той или иной части речи обусловлено концептуализацией и категоризацией не только мира в языке, но и коммуникативного процесса, в котором часть речи может иметь как бы своих представителей (репрезентантов) для выполнения определенных коммуникативных задач. **Когнитивно-дискурсивные формы лексемы** — это структуры словесного типа, которые объединены общностью лексического значения в различных синтагматических позициях в составе высказывания. Они репрезентируют концептуальное варьирование слова-лексемы либо в разных синтаксических позициях (причастия, деепричастия), либо в одной и той же синтаксической позиции, но ракурс ее представления в языковом сознании оказывается различным (ср. личные формы глагола, безличное, императивное и стативное употребления). Набор этих форм зависит от лексической семантики слова-лексемы.

Система когнитивно-дискурсивных форм русского глагола, соотносимая с категорией репрезентации, включает следующие образования: **личные, безличные, императив, инфинитив, статив, причастие, деепричастие, девербатив**. В этой системе они иерархически организованы. В качестве признаков-классификаторов выступают грамматические признаки. В результате мы имеем определенную **шкалу глагольности**, которая отражает восприятие в нашем сознании концепта ПРОЦЕСС, репрезентированного определенной глагольной формой.

В связи с обоснованием категории репрезентации глагола в когнитивно-дискурсивном аспекте возникает возможность включить ее в определение глагола как части речи и учитывать в словарной практике.

ГЛАГОЛЫ ПРОБЛЕМАТИЧЕСКОГО ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Глаголы СВ и некоторые типы глаголов в НСВ (в тех случаях, когда целью действия является совершение самого этого действия) без отрицания обозначают действия, достигающие результата: *Мы победили / победим; Команда атакует*. В то же время в русском языке имеются глаголы, представляющие собой аналитические показатели проблематичности достижения результата (цели). Это *(по)пытаться, (по)стараться, (по)пробовать* (и некоторые другие). В случае *(по)пытаться* достижение цели *P* **объективно возможно**, т. е. **объективно возможно** и достижение *P*, и его недостижение (не *P*). Достижение или недостижение *P* зависит здесь не только от приложения усилий субъекта (*C*) и внутренних и внешних обстоятельств, но и от (всегда объективного) **случая, удачи**. *(По)пытаться* фиксирует **частичную контролируемость** *P*, достижение цели зависит от усилий *C*, но, кроме того, от случая, который он не контролирует. Совсем иная проблематичность фиксируется в *(по)пробовать*. В случае *(по)пробовать* *C* не знает, приведет ли его действие к результату *P* или не приведет; *P*, с его точки зрения, только возможно. Однако эта возможность здесь не объективная, а **субъективная, эпистемическая**, она обусловлена незнанием субъекта. На самом деле *P* или обязательно, **необходимо** будет, или обязательно, **необходимо** не будет, но *C* не знает, будет оно или нет. (Поэтому мы не можем сказать здесь, что *P* частично контролируемо, нет, оно или контролируемо, или не контролируемо, но *C* этого не знает.)

Глагол *(по)стараться* сообщает о приложении особых, дополнительных усилий для достижения цели. Но этот глагол ничего не говорит о возможности или необходимости (в случае приложения дополнительных усилий) достижения цели и тем самым ничего не говорит о полной или частичной контролируемости *P*. Оно может быть как контролируемым полностью, так и частично, но это зависит от типа *P*, ситуации и контекста, сам глагол об этом ничего не говорит. Тем не менее его добавление

не проходит бесследно с точки зрения контролируемости и возможности. Если без *(но)стараться* действие может пониматься и часто понимается как полностью контролируемое, то с *(но)стараться* уже **неизвестно**, контролируемо ли оно полностью или частично.

С описанной спецификой этих глаголов связаны другие их семантико-дискурсивные особенности, в частности наличие представления о достижении или недостижении цели (результата):

- *Он идет прямо* — это у него получается;
- *Он пытается идти прямо* — это у него не (совсем) получается;
- *Он старается идти прямо* — то ли получается, то ли не получается, глагол об этом ничего не говорит. В то же время снимается идея безусловного достижения результата.

Аналогично:

- *Он перегородил ему дорогу* — достиг результата;
- *Он попытался перегородить ему дорогу* — по умолчанию: не достиг результата;
- *Он постарался перегородить ему дорогу* — может пониматься и так и этак.

Более подробно особенности этих чрезвычайно частотных глаголов предполагается рассмотреть в докладе.

**«Доври гостье придоша» (ЕЩЕ РАЗ О СИСТЕМЕ
ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН РАННЕДРЕВНЕРУССКИХ
ПАМЯТНИКОВ И ХРОНОЛОГИИ ПРОЦЕССА ПЕРЕСТРОЙКИ
ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ)**

1. Употребление форм прошедшего времени в старейшей части «Повести временных лет» (ПВЛ) не имеет принципиальных отличий от старославянских (ст.-сл.) текстов. Не раз обращавшие на себя внимание исследователей примеры аориста в перфектном значении из диалога Ольги с древлянами («мести Ольги»), трактуемые обычно как нарушение грамматической правильности вследствие забвения значения формы [Успенский 2002: 216–217 и др.], находят полное соответствие в ст.-сл. контекстах типа: **видѣхомъ во звѣздѣ его на въстоцѣ и придохомъ поклонитъ сѧ емоу** (Савв. кн., Мф. II: 2). В древней славянской временной системе аорист был немаркированным членом оппозиции с перфектом, последний же использовался в некоторых специальных условиях актуализации результативной семантики [Кузнецов 1953: 233; Кузнецов 1961: 83–84] — такая картина наблюдается и в древнейшем «ядре» ПВЛ, восходящем к первой половине XI в. Подобное распределение аориста / перфекта неинформативно с точки зрения отражения каких-л. изменений в системе живого языка.

2. Уже в поздних записях ПВЛ перфект в прямой речи употребляется значительно шире аориста, а в Киевской летописи XII в. (КЛ) аорист в контекстах перфектности практически отсутствует — нормальным при передаче чужой речи стало использование перфекта — в соответствии с его употреблением в живом языке. Знание основного грамматического значения аориста сохраняется, но теперь в летописной традиции эта форма связывается с нарративным режимом. Единичные случаи проникновения перфекта в нарратив в КЛ, варьирование его с аористом в наименее книжных частях «Поучения Владимира Мономаха» указывают на то, что к XII в. перфект становится универсальным претеритом живого языка, проникающим в формирующуюся традицию гибридного регистра языка книжного.

3. В новгородских бытовых текстах перфект употребляется как универсальное прошедшее уже в XI в. — возможно, на северо-западе превращение перфекта в претерит и вытеснение аориста и имперфекта «в сферу пассивного знания» [Зализняк 2004: 174] произошло несколько раньше, чем на юге Древней Руси. На большую продвинутость процесса перестройки системы указывает и более ранний выход из употребления в новгородских памятниках имперфекта совершенного вида, а также более инновационная система не книжного плюсквамперфекта, свидетельствующая о семантическом отрыве от исконного слав. плюсквамперфекта, чего не обнаруживается у не книжного плюсквамперфекта в древнекиевских источниках.

4. Есть основания предполагать, что процесс перестройки системы прошедших времен в вост.-слав. ареале распространялся с севера на юг.

ЛИТЕРАТУРА

- А. А. Зализняк.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., доп. М., 2004.
- П. С. Кузнецов.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
- П. С. Кузнецов.* Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.
- Б. А. Успенский.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.

ФАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ¹

К фазовым относят глаголы, обозначающие основные фазы глагольного действия — его начало, продолжение и завершение. Несмотря на наличие в русском языке большого числа фазовых глаголов [Грудева, Кузьмина 2009], к прототипическим относят *начать / начинать, продолжить / продолжать* и *перестать / переставать*. Синтаксически данные глаголы объединены наличием обязательной валентности на зависимое действие, выражаемое инфинитивом несовершенного вида. В зависимости от типа действия эта валентность может быть заполнена отглагольным существительным или эллиптирована [Падучева 2001]. Кроме того, фазовые значения могут выражаться морфологически (при помощи средств словообразовательной деривации, в частности префиксов *за-* или *по-*) и синтаксически.

Материалом для анализа послужили устные неподготовленные тексты, полученные в ходе экспериментов с русскоязычными детьми в возрасте от 2;7 до 7;6 лет по методике извлеченных текстов [Федорова 2014]. Всего было опрошено 213 детей пяти возрастных групп. Для разных групп был выбран различный экспериментальный дизайн, исходя из особенностей языкового и когнитивного развития детей соответствующего возраста. Так, с детьми первой группы (младший возраст, 2;7–3;6) эксперимент проходил в форме игры: два экспериментатора, используя игрушки–бибабо, выполняли различные действия, а ведущий в это время задавал связанные с игрой вопросы: *Это кто? Что они делают? Как они это делают?* и т. д. [Эйсмонт 2016]. При проведении эксперимента с детьми второй группы (средний возраст, 3;7–4;6) материалом для порождения устных текстов стала книга — известная сказка В. Г. Сутеева «Три котенка» с иллюстрациями автора. При проведении эксперимента с детьми старшего возраста (группы 4;7–5;6, 5;7–6;6, 6;7–7;6) в качестве материала для получения устных монологов был

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-50114.

использован мультфильм без звука «Как стать большим?» («Союзмультфильм», 1967), который испытуемые должны были рассказать одновременно с его просмотром без предварительной подготовки.

Анализ полученных текстов показал, что фазовая семантика появляется уже у детей младшей группы, но вплоть до возраста 4;7 она выражается при помощи префиксов *за-* и *по-* (например, *заплакать, попеть, попрыгать*); см. также *потянуть, посушиться, запачкаться* и др. в монологах детей средней группы. С 4;7 префиксальный способ выражения сохраняется, но перестает быть ведущим, уступая место сочетаниям с глаголами *начать / начинать, продолжать, перестать, приняться*. В этом возрасте семантика начинательности также активно передается глаголом *стать*, пик употребления которого в этой функции приходится на возраст 5;7–6;6.

Анализ эпизодов и контекстов, в которых дети использовали фазовые глаголы, показывает, что они употребляются с целью подчеркнуть длительность действия или указать на причинно-следственную связь между двумя действиями (см. анализ аспектуальности в терминах грамматики конструкций, предложенный в [Michaelis 1998]). Интересно отметить, что основным выражаемым фазовым значением оказалась начинательность: *Котенок начал скользить по дереву / и спустился вниз* (4;8); *Они всё продолжали стучать* (5;6); *Потом пришли бобры и что-то начали строить* (6;2), тогда как значения продолжения и завершенности практически не встретились. Из возможных синтаксических конструкций чаще всего дети использовали конструкцию с инфинитивом.

Проведенное исследование использования фазовых глаголов детьми в связном тексте, в свою очередь, расширяет представления и об усвоении аспектуальности: оно показывает, что необходимая для этого способность к анализу и структурированию действия формируется уже к 3 годам (что соотносится со временем формирования грамматической категории вида [Гагарина 2007]). Однако с возрастом морфологические средства выражения фазовости в сфере начинательности сменяются синтаксическими.

ЛИТЕРАТУРА

Н. В. Гагарина. Становление функционально-семантического поля аспектуальности в детской речи // С. Н. Цейтлин (отв. ред.). Семантические категории в детской речи. СПб., 2007. С. 26–48.

- Е. В. Грудева, Ю. Ю. Кузьмина.* Фазовые глаголы в современном русском языке (корпусное исследование) // Вестник Череповецкого государственного университета 2009, 3. С. 36–43.
- Е. В. Падучева.* Фазовые глаголы и семантика начинательности // Изв. РАН. Сер. литературы и языка 2001, 60, 4. С. 29–39.
- О. В. Фёдорова.* Экспериментальный анализ дискурса. М., 2014.
- П. М. Эйсмонт.* Экспериментальное изучение связной детской речи в раннем возрасте // Научная сессия ГУАП: сборник докладов. СПб., 2016. С. 203–207.
- L. Michaelis.* Aspectual grammar and past-time reference. Routledge, 1998.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД 'ГОВОРИТЬ' » 'УКАЗЫВАТЬ': ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Доклад посвящен обсуждению семантического перехода 'говорить' » 'указывать', который связан с появлением при глаголе речи неагентивного субъекта, заполняющего валентность стимула: *Это говорит о том, что в ваших головах мрак* (Евгений Водолазкин. Мрак. 2012). Исследование выполнено на материале НКРЯ (www.ruscorpora.ru).

В основе описываемого перехода лежит процесс ребрендинга, требующий смены аргументной структуры глагола и изменения его акционального класса [Рахилина, Кузнецова 2010: 79]. Такая способность развивается у предиката *говорить*; случаи употребления глагола *сказать* в данной конструкции крайне редки (найденно 5 соответствующих контекстов). Способность предикатов к рассматриваемому семантическому переходу связана с их акциональностью. Семантика процесса, обозначаемого глаголом НСВ *говорить*, лучше согласуется с семантикой состояния, присутствующей в конструкции с неагентивным субъектом (*Этот факт говорит о многом*), чем семантика события, обозначаемого глаголом СВ *сказать* (**Этот факт сказал о многом*).

Важно отметить, что из двух предложных групп, способных заполнять валентность темы при глаголе *говорит* (*о* + ПРЕДЛ., *про* + ВИН.), в рассматриваемой конструкции может использоваться только первая. Семантика второй предложной группы (*про* + ВИН.) допускает введение дополнительной информации, непосредственно не связанной с темой сообщения, но ассоциирующейся у участников общения с упоминаемым объектом [Яковлева 2014], что плохо согласуется с появлением неодушевленного «субъекта речи».

Наблюдаемые при осуществлении анализируемого семантического перехода ограничения на акциональность и употребление определенной предложной группы отражают сочетаемостные особенности глаголов *говорить* и *сказать*. В отличие от *говорить*, глагол *сказать* не имеет значений 'иметь предметом обсуждения', 'общаться',

‘означать’ [Анна А. Зализняк 2013: 155]. Однако, по нашим данным, даже в тех конструкциях, в которых способны употребляться оба предиката, отмечаются различия в частотности использования. Так, глагол *говорить* в конструкции с предлогом *о* зафиксирован в 37 362 случаях (93% от всех употреблений с упомянутыми предлогами), а глагол *сказать* — в 5 629 контекстах (80%). Соответственно, в конструкции с предлогом *про* глагол *говорить* встречается 2 789 раз (7% от всех контекстов с данными предлогами), тогда как для глагола *сказать* эта цифра составляет 1 431 контекст (20%). Следовательно, можно утверждать, что глагол НСВ *говорить* обнаруживает большее тяготение к использованию в конструкции, содержащей предложную группу *о* + ПРЕДЛ., чем глагол СВ *сказать*, причем эта разница не обусловлена исключительно контекстами с неагентивным субъектом, в которых предложная группа *про* + ВИН. невозможна.

Таким образом, грамматические ограничения, намечающиеся при употреблении глаголов речи *говорить* и *сказать*, проступают более ярко при осуществлении описываемого семантического перехода.

ЛИТЕРАТУРА

- Анна А. Зализняк. Русская семантика в типологической перспективе. М., 2013.
- Е. В. Рахилина, Ю. Л. Кузнецова. Грамматика Конструкций: теории, сторонники, близкие идеи // Е. В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М., 2010. С. 18–79.
- И. В. Яковлева. Синонимичные предложные конструкции с точки зрения грамматики конструкций // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН 2014, X, 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. С. 220–247.

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГЛАГОЛОВ-АНГЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

В современной русской лексикографии новым глаголам с иноязычной основой не уделяется много внимания. Это связано с тем, что в русском литературном языке английские заимствования, пополняющие класс глаголов, немногочисленны. В то же время в субстандартной речи количество заимствованных глаголов значительно больше, поэтому для анализа новой глагольной лексики английского происхождения целесообразно обратиться не только к толковым словарям русского языка и словарям иностранных слов, но и к неологическим справочникам и словарям разговорной речи и жаргонов.

В настоящем докладе рассматриваются некоторые вопросы лексикографического представления новых глаголов-англицизмов, появившихся в русском языке в последние два-три десятилетия. В центре нашего внимания стоят такие проблемы, как определение вида и двувидовость при словарной фиксации глаголов с иноязычной основой, разграничение семантических оттенков однокорневых глаголов СВ с разными приставками и подача сведений о грамматических формах (особенно о форме 1 л. ед. ч.) отдельных заимствованных глаголов.

В русском языке последних лет в оформлении иноязычных глагольных основ используются не только суффиксы литературного языка *-ирова-* и *-изирова-*, но и другие словообразовательные единицы. С помощью суффиксов *-а-* и *-ну-* создаются видовые пары *кликать* — *кликнуть*, *хакать* — *хакнуть* и др. Распространенным является также суффикс *-и-*, который участвует в образовании как глаголов НСВ (наряду с их приставочными видовыми парами: *банить* — *забанить*, *постить* — *запостить* и др.), так и двувидовых глаголов (например *ангрейдить*). При этом двувидовость преимущественно характерна для иноязычных глаголов с суффиксом *-ирова-* (*инсталлировать*, *сканировать*). Однако, по данным новейших лексикографических изданий, биаспективы *ангрейдить* и *сканировать* — с появлением префиксальных перфективов *проангрейдить* и *отсканировать* — постепенно переходят в разряд

имперфективов. О неустойчивости категории двувидовости свидетельствуют противоречивые словарные фиксации глагола *сканировать*: «несов.» [СТС] — «сов. и несов.» [ТСР-XXI], а также одновременная регистрация в последнем словаре и глагола СВ *отсканировать*.

Однокорневые префиксальные перфективы часто представлены в словарях в виде синонимов (ср. *запринтить*, *напринтить*, *отпринтить* к *принтить*) и антонимов (ср. *отфрендить* и *расфрендить* к *зафрендить*). В то же время у других приставочных глаголов-англицизмов можно различить определенные оттенки значения: ср. *нагулить* ‘отыскать что-л. в интернете в результате целенаправленных поисков’ и *погулить* ‘поискать информацию в интернете, используя поисковые системы’ [КСИЯ]; *отсканировать* ‘ввести изображение в компьютер при помощи сканера’ и *просканировать* ‘1. последовательно просмотреть; 2. систематически обследовать (данные)’ [МКТС].

При описании грамматической характеристики некоторых заимствованных глаголов возникает вопрос о подаче формы 1 л. ед. ч. Это касается особой группы глаголов с суффиксом *-и-*, иноязычный корень которых оканчивается на *-д-* или *-т-*. В современной русской лексикографии наблюдается три различных способа решения данной проблемы: 1) наличие сведений о рассматриваемой форме глагола: «*ангрейдить*, -ейжу, -ейдишь» [РНН]; 2) отсутствие такой информации: «*ангрейдить*, -дишь, -дит» [ТСР-XXI]; 3) специальная оговорка составителя словаря: «*ангрейдить*, 1 л. нет» [СТС]. Так же ведут себя и другие глаголы-англицизмы с аналогичной морфологической структурой: *бутить*, *постить*, *принтить*, *чатиться*, *зафрендить* и т. д. Вопрос о лексикографическом представлении данных глаголов в рассматриваемом аспекте остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

- КСИЯ — В. Ф. Хайдарова. Краткий словарь интернет-языка. М., 2012.
- МКТС — Е. Ю. Ваулина. Мой компьютер. Толковый словарь. М., 2003.
- РНН — И. Удуханов, Х. Хебекер, В. Беленчиков, Р. Беленчикова. Русско-немецкий словарь новых слов. М., 2007.
- СТС — С. А. Кузнецов (ред.). Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2001.
- ТСР-XXI — Г. Н. Склярёвская (ред.). Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М., 2006.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Несколько слов о конференции	3
--	---

Воспоминания

Рассказы А. В. Бондарко за чайным столом	8
Из воспоминаний А. В. Бондарко	10
Воспоминания о Л. Л. Буланине	13

Тезисы

<i>Т. И. Афанасьева (Санкт-Петербург)</i> . Запретительный конъюнктив в славянских литургических переводах XIV века	20
<i>Я. Э. Ахаткина (Москва)</i> . Диахронические изменения в грамматической семантике глагола: как писали в XIX веке и как пишут сегодня	21
<i>А. Барентсен (Амстердам)</i> . О факторах, влияющих на выбор между абсолютным и относительным употреблением времен в изъяснительных придаточных предложениях	23
<i>Р. Бенакьо (Падуя)</i> . Двувидовые глаголы иноязычного происхождения и их интеграция в славянскую видовую систему (на материале русского языка и резьянского диалекта)	25
<i>О. В. Блинова (Санкт-Петербург)</i> . <i>Слушайте</i> / а с чего начинаются реплики? (по данным речевого корпуса)	27
<i>Н. В. Богданова-Бегларян (Санкт-Петербург)</i> . Глаголы в устной речи: путь от лексемы к прагматеме	30
<i>Н. В. Богданова-Бегларян, Е. Р. Маслова (Санкт-Петербург)</i> . Русские контактные глаголы в устной спонтанной речи: функционально-семантическое разнообразие	32
<i>Б. Вимер (Майнц)</i> . Иерархии в семантической карте функций форм настоящего времени	34
<i>М. Д. Воейкова (Санкт-Петербург)</i> . Просьбы и желания: социальные и грамматические предпочтения	37

<i>О. С. Волков, Д. И. Игнатенко (Москва)</i> . Структура и семантика глагольных циркумфиксов в русском языке	39
<i>С. С. Волков, Н. В. Карева (Санкт-Петербург)</i> . Проблема лексикографического описания глагола и глагольной терминологии XVIII века в историческом словаре	41
<i>Н. В. Гагарина (Берлин)</i> . Русский глагол у детей за рубежом: потеря грамматики или ее возникновение?	43
<i>Т. И. Галеев, В. Д. Соловьев (Казань)</i> . Вариативность <i>о/а</i> в корне во вторичных имперфективах: квантитативный анализ	45
<i>Е. В. Горбова (Санкт-Петербург)</i> . Дискуссия о русском виде как грамматической категории словоизменительного <i>vs.</i> классифицирующего <i>vs.</i> смешанного типа	47
<i>А. И. Дунев (Санкт-Петербург)</i> . Интенциональность частных видовых значений русского глагола	49
<i>М. Я. Дымарский (Санкт-Петербург)</i> . В защиту понятия составного сказуемого	51
<i>О. Ф. Жолобов (Казань)</i> . <i>Præsens historicum</i> в раннедревнерусский период	53
<i>В. А. Закревская (Тюмень)</i> . Виды глагола в диалектной речи: некоторые особенности функционирования	55
<i>Н. В. Зорихина-Нильссон (Стокгольм)</i> . О некоторых типах соотношения причастий настоящего времени на <i>-м</i> и на <i>-ся</i> в современном русском языке	57
<i>Л. В. Зубова (Санкт-Петербург)</i> . Деепричастия в современной поэзии	61
<i>С. В. Иванов (Москва)</i> . Парадигма форм страдательного залога глаголов совершенного вида	64
<i>К. А. Иванова (Санкт-Петербург)</i> . Повелительные высказывания с модальными частицами в русской детско-родительской коммуникации	66
<i>С. Г. Ильенко (Санкт-Петербург)</i> . Соотнесенность категорий <i>Глагол</i> и <i>Предикатив</i> в авторизованном прочтении	68
<i>И. Б. Иткин (Москва)</i> . Почему <i>(у)виденный?</i> (загадка одного причастия)	70
<i>В. В. Казаковская (Санкт-Петербург)</i> . Ментальные глаголы в ранней детской речи: формы, функции, контекст	72

<i>М. Китадзэ (Киото)</i> . Анализ видов глагола и деепричастия в русских литературных текстах с диахронической точки зрения	74
<i>Ю. П. Князев (Санкт-Петербург)</i> . Переходность глагола и возвратность	76
<i>Я. Коцкова (Прага)</i> . Вторая и вторичная предикация и возможности ее выражения в русском и чешском языках	79
<i>С. А. Крылов (Москва)</i> . Что нового внесла книга А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина «Русский глагол» (1967) в русистику?	81
<i>А. А. Лебедев (Петрозаводск)</i> . Структура односоставных конструкций в творчестве поэтов XVIII–XIX веков (по данным материалов «Синтаксического словаря русской поэзии»)	83
<i>И. Н. Левина (Санкт-Петербург)</i> . Глаголы как контактные слова: мотивационная сфера в зеркале изъяснительного предложения (на материале писем Ф. М. Достоевского и романа «Бедные люди») .	85
<i>О. Н. Ляшевская (Москва), Л. А. Янда, Х. М. Экхофф (Тромсё)</i> . Словоизменение против словообразования: как предсказать вид русского глагола?	87
<i>С. А. Малутина, С. В. Малиновская (Москва)</i> . Психолингвистическое исследование влияния аргументной структуры глагола на сложность его обработки	89
<i>И. П. Матханова (Новосибирск)</i> . Видовая соотносительность / несоотносительность глаголов деятельности в современном русском языке	91
<i>Т. В. Миллиареси (Лилль)</i> . Время и таксис: одновременные действия .	93
<i>Е. А. Мишина (Москва)</i> . «Настоящее географическое» в древнерусских памятниках	96
<i>И. В. Недялков (Санкт-Петербург)</i> . Глагольная префиксация в русском и английском языках в сравнительно-сопоставительном аспекте	98
<i>Е. Н. Никитина (Москва)</i> . О взаимодействии лексики и грамматики в конструкциях с глаголами модально-эмоциональной семантики	101
<i>Н. А. Николина (Москва)</i> . Глаголы, образованные сложением, в современном русском языке	103
<i>Б. Ю. Норман (Минск)</i> . О случаях нейтрализации значения глагольного лица	105

<i>Е. В. Падучева (Москва)</i> . Модальное приращение в семантике отрицательного имперфектива	107
<i>И. Палочи (Будапешт)</i> . Мультисубъектность как субкатегория персональных категориальных ситуаций	109
<i>Ф. И. Панков (Москва)</i> . Местоименный глагол как категориальный класс слов	111
<i>Н. В. Патрочева (Петрозаводск)</i> . Определенно-личные односоставные конструкции в материалах «Синтаксического словаря русской поэзии»	113
<i>Т. В. Пентковская, Е. В. Фредорова (Москва)</i> . Настоящее историческое в евангельской традиции на Руси	115
<i>Е. В. Петрухина (Москва)</i> . Асимметрия видовых и временных корреляций в русском страдательном залоге (объяснительная концепция)	117
<i>М. Пила (Констанц)</i> . Употребление СВ и НСВ в будущем времени в резьянском языке в сопоставлении с русским	120
<i>А. А. Пичхадзе (Москва)</i> . Союзный инфинитив в роли сентенциального актанта в древнерусском	122
<i>В. А. Плунгян (Москва), А. Ю. Урманчиева (Санкт-Петербург)</i> . Перфект(ы) в «Повести временных лет»: три перфектные конструкции	124
<i>А. В. Птенцова (Москва)</i> . Кривичи же еѣдаты на верхъ Волги : о варьировании предложно-падежных сочетаний с винительным и местным падежами при некоторых древнерусских глаголах	126
<i>С. Ю. Пужаева (Москва)</i> . Дискурсивные формулы русского языка с глагольным компонентом в диахроническом аспекте	128
<i>Е. Э. Пчелинцева (Черкассы)</i> . Частновидовые значения и отглагольное имя действия	130
<i>Т. Б. Радбиль (Нижний Новгород)</i> . «Скрытые категории» русского глагола как отражение национальной специфики грамматической системы языка	132
<i>Н. Рингблом (Стокгольм), Г. Р. Доброва (Санкт-Петербург)</i> . О некоторых особенностях освоения глагольного вида русско-шведскими детьми-билингвами: к вопросу о специфике «херитажного» языка	134
<i>Н. Г. Самедова (Баку)</i> . Традиционное описание глаголов передвижения типа <i>идти</i> — <i>ходить</i> : о проблемах и о пути их решения	136

<i>Д. В. Сичинава (Москва)</i> . О статусе русского <i>было</i> как грамматического маркера	139
<i>М. В. Скачедубова (Москва)</i> . Оппозиция перфект / плюсквамперфект в 1-й Новгородской летописи в сопоставлении с данными русских говоров	141
<i>С. Славкова (Болонья)</i> . Реализация композиционности аспектуальной семантики высказывания в процессе рецептивных и продуктивных речевых действий	143
<i>Е. Г. Сосновцева (Санкт-Петербург)</i> . Вариативность глагольных форм в памятниках русской агиографии XVI–XVIII вв.	145
<i>Д. Б. Тискин (Санкт-Петербург)</i> . «Анатомия русского глагола»: порядок вершин или порядок аффиксов?	147
<i>Е. Я. Титаренко (Симферополь)</i> . Русский глагол в лексикографическом описании	149
<i>Е. В. Урысон (Москва)</i> . Структура лексического значения некоторых русских парных глаголов несовершенного вида	151
<i>М. Л. Фредотов (Санкт-Петербург)</i> . Кое-что еще о союзе <i>пока</i>	153
<i>Е. В. Хачатурян (Осло)</i> . Русский глагольный вид в речи двух трехязычных сестер в первые годы жизни	156
<i>В. С. Храковский (Санкт-Петербург)</i> . Время и вид («идейное сходство» и принципиальные различия)	158
<i>С. Н. Цейтлин (Санкт-Петербург)</i> . Речевые сбои при порождении глагольных форм	165
<i>В. Д. Черняк (Санкт-Петербург)</i> . Конкуренция глагола и имени в аспекте функциональной лексикологии	167
<i>А. Л. Шарандин (Тамбов)</i> . Категория репрезентации в трактовке Л. Л. Буланина и в аспекте когнитивно-дискурсивного подхода к описанию русского глагола	169
<i>И. Б. Шатуновский (г. Дубна Московской обл.)</i> . Глаголы проблематического достижения цели в русском языке	171
<i>М. Н. Шевелева (Москва)</i> . «Доври гостье придоша» (еще раз о системе прошедших времен раннедревнерусских памятников и хронологии процесса перестройки временной системы)	173

<i>П. М. Эйсмонт (Санкт-Петербург)</i> . Фазовые глаголы в детской речи	175
<i>И. В. Яковлева (Ульяновск)</i> . Семантический переход 'говорить' → 'указывать': грамматические ограничения	178
<i>С. Янурик (Будапешт)</i> . Проблемы лексикографического представления глаголов-англицизмов в русском языке последних лет	180

Научное издание

Международная научная конференция «Русский глагол» (к 50-летию выхода в свет книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина): Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2017 г.). СПб.: Нестор-История, 2017. — 188 с.

Подписано к печати 1 ноября 2017 г.
Формат 60x90 $\frac{1}{16}$
Гарнитура Playfair

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН
при помощи системы Lua \LaTeX

Технический редактор: А. В. Андреев

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21
тел./факс: (812)6220123
menager_nestor@list.ru